

Константин Великий, первый римский император-христианин и основатель Константинополя, был одной из наиболее ярких и сложных фигур в римской истории. Его приходу к единоличной власти в 324 году предшествовала децентрализация Римской империи и активная борьба многочисленных претендентов за императорский титул. Константин прославился как полководец, дипломат, прагматичный политик и жесткий руководитель. Его долгое правление и победа в борьбе за власть дадут ему право назвать свое правление "веком Константина Великого", а сам он будет оставаться примером для подражания для многих поколений правителей Древности, Средневековья и Нового времени.

Почему его выбор пал на христианство? Какое отношение римский император может иметь к московскому вузу? Ответы и на эти вопросы мы узнаем на встрече историко-философского клуба «МВТУ» 30 мая в 18.00.

У нас в гостях кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГАУ-МСХА Иван Андреевич Миролубов.

♦ Четверг 30 мая в 18:00.

♦ Конференц-зал каф. Э4 МГТУ: корпус «Энергомашиностроение», Лефортовская набережная, дом 1, 3 этаж справа, дверь номер 312, по коридору до конца.

Мы рады вас всех видеть и ждем с чаем, пирожками и печеньем 😊😊😊

[подписаться на rss-канал](#)[мобильная версия](#)[купить Православную энциклопедию](#)

Материал из Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

КОНСТАНТИН

36, С. 671-729

опубликовано: 15 июля 2019г.

Содержание**Биография****Ранние годы**[Начало правления на Западе \(306-312\)](#)[Правление на Западе империи \(312-324\)](#)[Правление объединенной империей \(324-337\)](#)[Социально-экономическая политика](#)[Религиозная политика. Видение 310 г.](#)[Видение 312 г. и вопрос об обращении К. в христианство](#)[Принципы толерантности и всеобщего религиозного мира](#)[К. как «епископ внешних» и «общий епископ»](#)[Отношение к традиционным античным религиям после 312 г.](#)[Константин и христианская Церковь](#)**Законодательство**[Донатистский спор](#)[Арианский спор](#)[К. между никейским православием и арианством \(325-337\)](#)[Болезнь, крещение и смерть](#)[Сочинения](#)[Почитание](#)[На христианском Востоке](#)[В Зап. Европе](#)[Почитание К. у южных славян и на Руси](#)[Гимнография](#)[Иконография](#)[Прижизненные изображения](#)[В христианском искусстве](#)

КОНСТАНТИН

[Флавий Валерий Аврелий Константин; лат. Flavius Valerius Aurelius Constantinus Augustus; греч. Κωνσταντῖνος ὁ Μέγας; Константин I Великий] (27.02. ок. 272, Наисс, рим. пров. В. Мёзия; ныне Ниш, Сербия - 22.05.337, Никомидия, ныне Измит, Турция), св. равноап. (пам. 21 мая), рим. (византийский) император (с 25.07.306), выдающийся политический деятель древности, первым из рим. императоров официально провозгласил себя покровителем христианства и Церкви, провел ряд законодательных и политических реформ в Римской империи, во многом обеспечивших последующую успешную христианизацию рим. общества и превращение империи в христианскую державу; принял крещение на смертном одре.

Биография

Ранние годы

К. род. в семье рим. офицера Флавия *Констанция I Хлора*, выходца из Дардании (пров. Мёзия, позднее Дакия Прибрежная), буд. императора (цезарь с 293; август Запада в 305-306), и его конкубины - св. равноап. *Елены* из Дрепана (позднее Еленополь, Вифиния; близ совр. дер. Херсек, Турция), возможно дочери хозяина постоялого двора. О совместной жизни и характерах родителей К. известно лишь из источников позднего происхождения, и поэтому большая часть информации считается недостоверной. В период правления К. св. Елена проявила себя ревностной сторонницей христиан, но неизвестно, когда именно она обратилась к новой вере. Согласно тем же поздним источникам, Констанций Хлор обладал мягким и скромным характером, терпимо относился к христианам, не поддерживал гонений христиан, организованных имп. Диоклетианом с 303 г. Тем не менее на вопрос, мог ли скромный человек сделать военную карьеру в период большого кризиса в Римской империи и заслужить доверие имп. Диоклетиана и Максимиана Геркулия, точного ответа нет. В 288 г. Констанций стал префектом претория в Галлии, а в 293 г. - цезарем, младшим соправителем августа имп. Максимиана Геркулия. Как цезарь Констанций получил в управление диоцезы крайнего северо-запада Римской империи - Галлию и Британию. Ок. 289 г. Констанций по политическим соображениям был вынужден разойтись с Еленой и вступил в брак с Феодорой, падчерицей имп. Максимиана Геркулия. В этом браке родились 3 сводных брата и 3 сводные сестры К.: Далмаций Старший, Юлий Констанций, Ганнибалиан, Анастасия, Констанция I и Евтропия II.

Началом карьеры К. обязан возвышению своего отца. С кон. 80-х гг. III в. он находился в Никомидии при дворе имп. Диоклетиана, где отчасти выполнял роль заложника, обеспечивая лояльность Констанция Хлора к Диоклетиану. Вместе с тем, как сын цезаря, К. обладал высоким статусом в окружении Диоклетиана. Кроме того, присутствие при дворе открывало

Имп. Константин Великий, IV в. (Капитолийские музеи, Рим)

для К. возможность достичь власти в будущем. Теоретически в период правления Диоклетиана К. мог считаться приемлемым кандидатом на вхождение с титулом цезаря в состав буд. обновленной тетрархии. Так же как

Битва у Мильвийского моста. Роспись зала Константина, Ватикан. 1520–1524 гг. Худож. Джулио Романо

и К., на подобную роль в системе наследования власти мог претендовать и сын имп. Максимиана Геркулия Максенций, тоже присутствовавший при дворе Диоклетиана. Там же К. получил образование, знания по риторике, лат. и греч. литературе и философии. Возможно, посещал занятия Лактанция, христ. ученого, жившего в Никомидии (*Barnes*. 1981. P. 73-74; *Fowden*. 1988. P. 175-176). В научной литературе нередко встречается мнение о К., как о малообразованном человеке (напр.: *Ehrhardt*. 1955), что, безусловно, является большим преувеличением. Компетентность К. в административных делах, а также некоторые черты характера хорошо показывают изданные им законодательные акты и распоряжения. В отличие от Диоклетиана, к-рый часто был склонен издавать конституции, отменявшие прежнюю юридическую практику, К., как правило, стремился вникнуть в традицию применения закона и затем ограничивался распоряжениями следовать определению того или иного из известных авторитетных рим. юристов. Тем самым К. не претендовал на роль реформатора права, но лишь стремился грамотно применять уже существовавшие нормы, а также демонстрировал систематичность в работе и постоянно совершенствовал свои знания (*Elliott*. 1996. P. 97-116). Скорее всего, так же развивалась и деятельность К. в сфере религ. поисков. Начав с неуверенных экспериментов с языческими солярными культами в первые годы правления, постоянно накапливая опыт и знания, К. к концу жизни постепенно превратился в эксперта в области христ. богословия, составителя (или по крайней мере компетентного редактора) посланий и офиц. речей для церковных Соборов.

К. участвовал в военных компаниях на Дунае в 296 г. и в Сирии в 297 г. под командованием имп. Диоклетиана, в 298 г. против персов под командованием цезаря Галерия (*Const. Magn. Or. sanct.* 16. 2). К 305 г. К. имел офицерское звание первого трибуна (*tribunus ordinis primi*) (*Lact. De mort. persecut.* 18. 10). В 303 г. К. вернулся с восточной границы в Никомидию и был свидетелем великого гонения на христиан, организованного имп. Диоклетианом и августом Галерием. Скорее всего К. не участвовал в гонении, поскольку, видимо, это не входило в его служебные обязанности. Позднее это позволяло ему противопоставлять свою политику «кровавым эдиктам» Диоклетиана (*Const. Magn. Or. sanct.* 25), хотя о к.-л. противодействии гонению со стороны К. неизвестно.

1 мая 305 г. имп. Диоклетиан отрекся от престола в Никомидии, передав верховную власть августам Галерию и Констанцию Хлору и назначив их соправителями-цезарями Максимиана Дайю и Флавия Севера. Согласно Лактанцию, мн. придворные до последнего момента ожидали, что Диоклетиан провозгласит новыми цезарями К. и Максенция, но эти претензии сыновей тетрархов не были поддержаны Диоклетианом (*Lact. De mort. persecut.* 19. 2-6). Согласно сообщениям неск. авторов IV в., К. нек-рое время оставался при дворе Галерия, и тот пытался погубить его, отправляя на опасные участки сражений с варварами на Дунае, заставив на охоте вступить в единоборство со львом. К. выходил победителем из всех этих ситуаций

(*Lact. De mort. persecut.* 24. 3-9; *Euseb. Vita Const.* I 21; *Aur. Vict. De Caes.* 40. 2-3; *Idem. Epitom.* 41. 2; *Zosim. Hist.* II 8. 3). Степень достоверности этих сведений неясна.

Не позже нач. лета 305 г. К. покинул Никомидию и присоединился к отцу, к-рый в то время пребывал в ставке в Бононии (Галлия; ныне Булонь-Сюр-Мер, Франция). Вероятно, переезд К. состоялся по требованию Констанция и с санкции Галерия, хотя позднейшие биографы К. описывали это событие как бегство К. от угроз Галерия. Ставка Констанция вскоре была перенесена в г. Эборак (пров. Вторая Британия; ныне Йорк, Англия). В течение года Констанций и К. вели войну против пиктов к северу от Адрианова вала в Сев. Британии, продвигаясь на север, но не одержав значительных побед. 25 июля 306 г. Констанций умер в Эбораке, перед смертью заручившись согласием воинов на провозглашение К. августом. Первым объявил К. августом король (гех) алеманнов Крок (Эрок), союзник римлян, и его поддержали все войско и двор. С нач. 307 г. резиденция К. была перенесена в Августу Треверов (ныне Трир, Германия).

Начало правления на Западе (306-312)

(*Barnes*. 1981. P. 28-43; *Barcelo*. 1988; *Pohlsander*. 1996. P. 12-20; *Elliott*. 1996. P. 39-60; *Humphries*. 2008). Британия и Галлия быстро признали власть К. Испания, ранее краткое время подчинявшаяся Констанцию, перешла под управление Флавия Севера. Галерий, как глава тетрархии всей империи, был крайне недоволен бесконтрольным провозглашением К. августом. По сообщению источников, Галерий был готов сжечь присланный ему К. портрет с регалиями августа, но советники убедили его не объявлять открытого разрыва с К. Галерий признал права К., но лишь в ранге цезаря, тем самым включив К. в систему тетрархии и избежав прямого военного столкновения с ним. К. согласился с решением Галерия: не претендуя больше на титул августа, он тем самым окончательно избавился от возможных обвинений в незаконности своего прихода к власти.

Первые годы правления К. на Западе были посвящены укреплению границы империи на Рейне. Уже зимой 306/7 г. рим. владения подверглись нападению франков. К. вытеснил их за Рейн и захватил в плен вождей, Аскаррика и Мерогасия, которые вместе с др. пленными были отданы на растерзание зверям в амфитеатре Августы Треверов. В 308 г. К. провел военную кампанию против бруктеров к востоку от Рейна; в 310 г. был выстроен мост через реку в Колонии Агриппине (ныне Кёльн, Германия), на месте совр. моста Дойц; в том же году К. вновь воевал против франков на нижнем Рейне.

Имп. Константинный коронует Константина своим преемником. Эскиз к шпалере «История Константина» 1622 г. Худож. П. П. Рубенс (частное собрание)

К. долгое время испытывал сложности с легитимацией своей власти, поскольку даже после формального признания его членом тетрархии факт самовольного провозглашения его императором в 306 г., без согласования с имп. Галерием и др. соправителями, был хорошо известен. В первые годы правления К. возвеличивали как талантливого полководца, одержавшего много побед, подчеркивали его преемственность и сходство с отцом, к-рый имел репутацию успешного военачальника (XII Panegyrici latini / Ed. W. Baehreus. Lpz., 1911. VII (6) 3.4; *Euseb. Vita Const.* I 22; *Rodgers.* 1989. P. 238). На монетах К. первых лет присутствовало изображение Марса, который считался божественным покровителем императора. После побед над германцами К. начал выпуск монет с девизами: «Алеманны завоеваны» и «Римляне ликуют» и с изображениями послов варваров, припадающих к ногам К. (*MacMullen.* 1987. P. 40). В панегирике 310 г. в честь К. по-особому интерпретировалась семейная история Флавиев и, явно с санкции К., заявлялось о родстве между К., Констанцием Хлором и имп. Клавдием II Готским (268-270) (XII Panegyrici latini. VI (7); *Barnes.* 1981. P. 35-37, 301). Согласно этой версии, которая при дворе К. стала официальной, Клавдий II приходился двоюродным дедом Констанцию I. Достоверность этой генеалогии невозможно подтвердить или опровергнуть. Однако очевидно, что она была полезна для К., к-рый нуждался в укреплении своей власти и дополнительных аргументах, обосновывавших претензии его и семьи на имп. престол.

В этот же период в Августе Треверов была развернута широкая строительная деятельность. Были выстроены новые городские стены, начато возведение дворцового комплекса и публичных терм в северо-вост. части города. Южнее дворца был построен большой тронный зал, который позднее был передан Церкви (Трирская базилика). Активное строительство велось также в ряде др. городов Галлии, особенно в Августодуне (ныне Отён) и Арелате (ныне Арль).

Фоллис имп. Константина Великого. 330–335 гг. Аверс, реверс

Согласно Лактанцию, следуя принципам имп. Констанция I Хлора, вскоре после восшествия на престол К. провозгласил формальное прекращение репрессий на Востоке и даровал христианам свободу исповедания (*Lact. De mort. persecut.* 24. 9; *Euseb. Vita Const.* II 49). Принято считать также, что К. в своих диоцезах проводил реституцию собственности, утраченной христианами во время гонений. Подобные распоряжения К. хорошо известны с 312 г. в Италии и Африке, но в первые годы его правления прямых свидетельств о проведении реституции в пользу христиан нет (*Barnes.* 1981. P. 28).

В кон. лета 306 г. Галерий, продолжавший относиться к К. подозрительно, в противовес К. провозгласил августом Запада Флавия Севера, к-рый ранее имел титул цезаря и находился в Аквилее и Равенне (*Lact. De mort. persecut.* 25. 4-5; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 2). Тем не менее Северу не удалось укрепить свою власть. Уже в окт. 306 г. в Риме произошел мятеж гарнизона и был провозглашен императором Максенций, сын Максимиана Геркулия, к-рый ранее публично выражал зависть по поводу успеха К. и досадовал по поводу своего положения частного лица (*Zosim. Hist.* II 9. 2). В февр. 307 г. Максенций сделал соправителем своего отца Максимиана Геркулия, прочно утвердив свою власть в Италии, Испании и Сев. Африке. В апр. 307 г. Флавий Север, проигравший политическое противостояние с «узурпаторами» К. и Максенцием, капитулировал и был убит в Равенне (*Lact. De mort. persecut.* 26.10; *Euseb. Vita Const.* I 27; *Eutrop. Breviar.* 10. 2. 4; *Aur. Vict. Epitom.* 40. 3; *Anon. Vales. Chron. Const.* 4. 10). После гибели Севера под контроль К. перешла Испания.

Т. о., в этот период союзниками К. по борьбе за власть внутри тетрархии оказались императоры Италии Максимиан Геркулий и его сын Максенций. С поддержкой К. они добились победы над Флавием Севером и тем самым ограничили влияние главы тетрархии Галерия на всем Западе империи. Вскоре (до сент. 307) в Галлии (вероятно, в Арелате) состоялась встреча К. и Максимиана, на к-рой был возобновлен старый союз между семьями Максимиана Геркулия и Констанция Хлора. Максимиан признал К. как императора с титулом августа; К. обещал поддержку власти Максимиана в Италии. Союз был закреплен свадьбой в Августе Треверов К. и Фавсты, младшей дочери Максимиана Геркулия (*Lact. De mort. persecut.* 27.1). Ради этого брака К. оставил свою первую жену Минервину. Осенью 307 г. Галерий потерпел поражение в итал. походе против Максимиана и Максенция. При этом К. вновь избежал открытого противостояния с Галерием, отказавшись нападать из Галлии на его отступающую армию, поскольку войска К. обороняли рейнскую границу (*Lact. De mort. persecut.* 27. 2-8; *Euseb. Vita Const.* I 26, 27; *Zosim. Hist.* II 10).

Дуумвират Максимиана Геркулия и Максенция оказался непрочным. В нач. 308 г. между отцом и сыном произошла ссора. Максимиан попытался отстранить Максенция от власти, но, потерпев неудачу, был вынужден бежать из Италии в Галлию, где оказался под защитой своего нового зятя К. (*Lact. De mort. persecut.* 28; *Euseb. Hist. eccl.* VIII 13). 11 нояб. 308 г. Галерий созвал совещание всех членов тетрархии в г. Карнунте (пров. Норик; ныне археологический парк в 50 км к востоку от Вены, Австрия) (*Lact. De mort. persecut.* 29. 1-2, 32. 1, 5; *Euseb. Hist. eccl.* VIII 13; *Zosim. Hist.* II.10; *Chron. Pasch.* P. 519.6-7). Там в присутствии Диоклетиана Галерий вновь попытался вернуться к идее разделения Запада между назначенным им августом и цезарями К. и Максенцием. Максимиан Геркулий на совещании был вынужден вновь отречься от власти, К. был официально понижен в ранге до цезаря. При этом Галерий провозгласил августом Запада Лициния, под управление которого перешел Иллирик. К. и Максенций были вынуждены официально согласиться с этими решениями, но Лицинию не подчинились и в надписях на

Свадьба Константина Великого и Фавсты и Констанция и Лициния. Гобелен по эскизу П. П. Дубаса. 1675 г. (Художественный музей, Филадельфия)

монетах продолжали использовать титулы августов. В 309 г. Галерий предлагал им также титулы «сыновей августа», но и К. и Максенций от них отказались. К 310 г. после ряда новых переговоров Галерий был вынужден признать это положение.

В 310 г. Максимиан Геркулий, находившийся в отставке в Арелате под формальной защитой К., вновь попытался вернуться к власти и поднял мятеж, объявив о смерти К. Максимиана поддержала лишь незначительная часть гарнизонов Юж. Галлии, но К. был вынужден перебросить на борьбу с ним часть своих сил с рейнской границы. При приближении К. Максимиан бежал из Арелата в Массилию (ныне Марсель). Вскоре жители открыли городские ворота войскам К. Максимиан был захвачен, обвинен в нарушении клятв и оставлен под надзором. В июле 310 г. он покончил жизнь самоубийством, вероятно под давлением К. (XII Panegyrici latini. VI (7).14-20; *Lact. De mort. persecut.* 29-30, 42; *Euseb. Hist. eccl.* VIII 13, 17; *Idem. Vita Const.* I 47; *Consularia Constantinopolitana.* I // MGH. AA. T. 9. P. 231).

Смерть Максимиана стала причиной разрыва между К. и Максенцием, к-рый, несмотря на прежний конфликт с отцом, вскоре после его смерти начал выпуск монет с изображением Максимиана как обожествленного императора. К. первоначально также выражал сожаление о самоубийстве Максимиана, но вскоре распространил сведения о том, что Максимиан уже после его отстранения якобы планировал убийство К. во дворце. Императрица Фавста узнала об этом заговоре, предупредила К., и тот оставил в спальне вместо себя евнуха, которого по ошибке и убил Максимиан. После этого уличенный в преступлении Максимиан был вынужден покончить с собой (*Lact. De mort. persecut.* 30). История эта явно недостоверна и похожа на придворный анекдот, но тем не менее использовалась пропагандой К. как оправдание смерти Максимиана и в качестве такового вошла в труд Лактанция. К. также подверг Максимиана *damnatio memoriae*, приказав уничтожить все изображения и надписи своего умершего тестя.

Победа имп. Константина Великого над Максенцием.
Гобелен по эскизу П. Рубенса 1625 г.
(Художественный музей, Филадельфия)

В апр. 311 г. имп. Галерий издал эдикт о религ. свободе, провозгласив прекращение преследования христиан и их право пользоваться легальным статусом наравне с другими религиями империи. Однако смерть имп. Галерия в мае того же года спровоцировала серию военных столкновений между императорами. Летом Максенций объявил войну К., заявив, что мстит за смерть своего отца. Тем не менее нек-рое время Максенций не вел активных действий, что позволило К. собрать силы, отозвав войска с сев. границ в Юж. Галлию. Зимой 311/2 г. К. заключил союз с Лицинием; состоялась помолвка Лициния и сестры К. Констанции (*Lact. De mort. persecut.* 43. 2). В ответ на это Максенций вскоре заключил союз с Максимином Дайей, к-рый правил на Востоке.

К. готовился к походу в Италию, к-рый состоялся в 312 г. Описание этих событий сохранилось в основном в источниках, оценивавших положительно деятельность К., что затрудняет воссоздание хода событий. Большинство древних историков сообщали о малочисленности войск К. и указывали на некое превосходство военных сил Максенция. Тем не менее подобные описания в целом характерны для повествований о героических военных действиях в античной лит-ре. В случае с войной 312 г. они показывают К. как талантливое полководца, что было важно для утверждения его имп. статуса. Кроме того, эти описания также усиливают впечатление того божественного вдохновения, к-рое владело императором в то время, о к-ром говорят панегиристы и историки и на к-рое ссылался сам К., когда оценивал эти события. Т. о., сведения о малочисленности и слабости войск К. едва ли стоит принимать всерьез. Пассивность Максенция, его последовательная оборонительная тактика указывают на то, что военное превосходство было именно на стороне К., к-рый, не торопясь и делая длительные остановки, вел в бой армию, закаленную в кампаниях в Британии и на Рейне и частично состоявшую из федератов-германцев.

Большинство советников считали поход в Италию нецелесообразным для К., в частности, из-за неблагоприятных результатов гаданий (XII Panegyrici latini. XII (9) 2. 5). Тем не менее в нач. весны 312 г. К. с 40-тысячной армией перешел Коттиевы Альпы и вскоре штурмом захватил хорошо укрепленный г. Сегузий (ныне Суза, Италия). Он запретил воинам грабить город и двинулся на юг. Близ г. Августа Тавринов (ныне Турин) он окружил и разгромил соединение кавалерии Максенция. Августа Тавринов, а вскоре и Медиолан (ныне Милан) открыли перед К. ворота. До середины лета К. расположился лагерем близ Медиолана. Затем он занял Бриксию (ныне Брешиа) и подошел к Вероне, где находились главные силы Максенция, вскоре окружил и осадил город. Претфект претория Максенция Руриций Помпеян попытался дать сражение К. близ города, но войско его было разбито, а сам претфект погиб в бою. Вскоре К. сдались Верона, Аквилея, Мутина (ныне Модена) и Равенна. Максенций собрал все свои оставшиеся силы в Риме и готовился к обороне города. К. вновь на время остановил наступление и приблизился к Риму лишь в окт. 312 г. К этому моменту положение Максенция еще более осложнилось, он терял популярность в Риме. 27 окт., во время скачек на ипподроме, толпа открыто кричала ему, что К. невозможно победить. 28 окт. Максенций запросил хранителей «Сивиллиных книг» и получил пророчество о том, что в этот день (сегодня) «враг римлян» должен умереть. Он счел этот ответ благоприятным для себя и вывел войско к сев. пригородам Рима (*Lact. De mort. persecut.* 44. 8; *Zosim. Hist.* II 16).

Триумфальный везд имп. Константина Великого в Рим. Эскиз к картине «История Константина». 1622 г.
Худож. П. П. Рубенс (Музей искусств, Индианополис)

Согласно преданию, накануне последнего сражения с Максенцием К. и его войско увидели небесное знамение Креста, которое привело императора к обращению к христ. вере (см. подробнее разд. «Религиозная политика»). В состоявшемся сражении близ Мульвийского моста через Тибр (1,5 км к сев. от Фламиниевых ворот, ныне Porta-дель-Пополо) К. одержал быструю победу (хотя источники утверждают, что у Максенция было вдвое больше сил). Войско Максенция переправилось на правый (северный) берег Тибра, продвинулось далее на север до селения Сакса-Рубра (Красные Скалы; 9 км севернее центра Рима), где столкнулось с силами К. Уже после 1-й атаки К. Максенций начал отступать. Вскоре он потерял управление войсками, и сражение превратилось в преследование отступавших к Тибру. Максенций был прижат к Тибру, пытался со своими телохранителями из преторианской гвардии бежать через переполненный солдатами Мульвийский мост, но попал в давку, был сброшен в реку и утонул. Его тело достали из реки и обезглавили; голову возили для обозрения по улицам Рима, затем отправили в Карфаген (*Lact. De mort. persecut.* 44. 2-9; *Const. Magn. Or. sanct.* 25; *Euseb. Hist. eccl.* IX 9; *Idem. Vita Const.* I 38; *Zosim. Hist.* II 16-17; *Theoph. Chron.* P. 13-14).

К. вступил в Рим торжественным маршем (*adventus*). Он отказался посещать храм Юпитера на Капитолии и совершать традиц. жертвоприношения (XII *Panegyrici latini.* XII (IX) 19; *Straub.* 1955). Выступив в сенате, К. провозгласил восстановление традиц. привилегий сенаторов, заверил в необходимости их участия в правительстве. Лишь неск. ближайших сторонников Максенция пострадали от репрессий К.; в остальном он стремился проявлять великодушие. Сенат даровал К. титул «величайшего августа» (*Barnes.* 1981. P. 46). С этого момента под управлением К. был объединен весь Запад Римской империи.

Важнейшим событием, связанным с войной 312 г., в восприятии христиан последующих эпох стало видение Креста, к-рое, согласно традиции К. увидел накануне решающей битвы у Мульвийского моста. После освобождения Рима религ. политика К. претерпела коренные изменения: толерантное отношение императора к христианам постепенно становилось покровительственным. В интересах возникающего союза империи и христ. Церкви перестраивалась вся структура римского государства.

Правление на Западе империи (312-324)

Имп. Константин Великий. Бюст. 325–370 гг.
(Музей Метрополитан, Нью-Йорк)

К. лишь недолго находился в Риме и к зиме 312 г. перенес свою резиденцию в Медиолан (*Lact. De mort. persecut.* 45 1). В Риме К. приложил большие усилия для идеологического оправдания своей победы над Максенцием и его свержения, события 312 г. истолковывались в выгодном для К. смысле. Максенций был объявлен «тираном», подвергнут *damnatio memoriae*, уничтожались его изображения и надписи. Построенные им в предыдущие годы общественные здания в Риме, в т. ч. большая Новая базилика и перестроенный храм Венеры и Ромы на Римском форуме, были приписаны ктисторству К. В переосвященной для К. базилике была установлена его гигантская статуя (сохранившиеся фрагменты экспонируются в Капитолийском музее). Законы и распоряжения, изданные Максенцием, а также привилегии, которые он даровал некоторым членам сената, были отменены. К. издал законы о политической амнистии в отношении противников Максенция, о реституции собственности, которая была отобрана в правление Максенция. В кон. 312 г. были расформированы соединения преторианской и конной гвардий (*equites singulares*), служивших Максенцию.

К. стремился представить себя как «освободитель» и благодетель Рима и проводить программу возрождения традиц. свобод и ценностей рим. общества. Его строительная деятельность в Риме намного превзошла усилия предшественников. Вскоре после победы на Свящ. дороге (*Via Sacra*) была поставлена триумфальная арка с изображениями побед К., в т. ч. с неск. сценами, повествующими о войне 312 г. В 10-20-х гг. IV в. (помимо перестроек в Новой базилике и храме Венеры и Ромы) на форуме было возведено здание префектуры претория с большим приемным залом (позднее перестроено в ц. святых Космы и Дамиана). В городе были построены термы К. на Квиринале (длина комплекса более 200 м, ширина ок. 100 м); Большой цирк у подножия Палатина был украшен портиками и золочеными колоннами; был переоформлен Бычий форум, к-рый К. украсил тетрапилоном. Для цирка К. распорядился доставить из Фив египетский обелиск, к-рый был установлен лишь в 357 г.

Однако наиболее важной для К. частью деятельности по репрезентации власти стало строительство христ. храмов (*Alexander.* 1971-1973; *Armstrong.* 1974; *Odahl.* 1993). Именно став императором в Риме, К. впервые открыто обратился к поддержке общин христиан и демонстрации своих новых религ. интересов (если не убеждений). Независимо от тех или иных интерпретаций его видения Креста и истории распространения предания об этом событии можно с уверенностью сказать, что в момент вступления в Рим в окт. 312 г. К. уже окончательно обратился к вере во Христа как в своего небесного Покровителя. Обеты, данные императором новому божественному покровителю перед и во время войны, а также благодарность за победу, достигнутую, как верил К., с помощью Христа, требовали исполнения. Вероятно, именно по обету, данному во время войны, К. вскоре основал Латеранскую базилику в Риме - первый известный в истории храм для христиан, построенный от имени императора.

Арка Константина в Риме. 312–315 гг.

Христиане впервые получили во владение огромное и роскошно оформленное здание, изначально сконструированное с учетом литургических функций. Возможно, закладка базилики состоялась уже 9 нояб. 312 г. (не позднее весны 313). Для сооружения был избран участок на Целийском холме, который ранее занимали казармы расформированной конной гвардии, а также имп. вилла. Базилика была освящена 9 нояб. 318 г.; еще неск. лет в ней продолжались отделочные работы. В это же время на месте почитаемой христианами могилы св. ап. Петра была возведена Ватиканская базилика (собор св. Петра). На триумфальной арке в интерьере базилики до ее перестройки в XVI в. сохранялась посвяtitельная надпись К. Несколько других храмов были основаны на местах почитания мучеников: базилика Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура (могила св. Лаврентия), Санти-Марчеллино-э-Пьетро (могилы святых Марцеллина и Петра Диакона; рядом мавзолеей св. Елены), Сант-Аньезе (могила св. Агнессы; рядом мавзолеей дочери К. Констанции, ныне ц. Санта-Констанца), Сан-Себастьяно на Аппиевой дороге (место почитания св. апостолов Петра и Павла). В кон. 20-х гг., после паломничества св. Елены в Иерусалим, при дворце императрицы была построена церковь-реликварий Животворящего Древа Креста Господня (Санта-Кроче-ин-Джерузалемме), фрагмент реликвии был привезен Еленой. Большинство этих построек, в т. ч. Латеранская и Ватиканская базилики, отличались огромными размерами (известны по данным раскопок и сохранившимся фрагментам).

Закладка собора св. Петра в Риме. Рисунки зала Констанциана, Ватикан. 1520–1524 гг. Худож. Джулио Романо (?)

Следует отметить, что даже строительство христ. храмов в Риме для К. не означало полного разрыва с традиц. религией. Наоборот, характер этих построек и их расположение на карте Рима говорят о политике К. как о результате сложного компромисса между традиц. верованиями большинства и элиты римлян и убеждениями К. Император строил храмы только на земельных участках, принадлежащих ему лично как частному лицу, и передавал их христ. общине как личный дар. Поэтому новые церкви юридически невозможно было считать общественными зданиями, хотя их величина и роскошь недвусмысленно указывали на то, что христ. храмы претендуют на общественный статус. Все храмы, кроме Латеранской

базилики и церкви Св. Креста, строились за пределами городских стен, т. е. формально вообще не находились в Риме. Церковь Санта-Кроче входила в комплекс одного из имп. дворцов и, т. о., должна была считаться своего рода «домовым» храмом. Латеранская базилика располагалась далеко за пределами померия - священной границы древнего республиканского Рима, внутри к-рой строительство храмов и любая религиозная деятельность строго регламентировались постановлениями сената (*Краутхаймер*. 2000. С. 29-44).

В февр. 313 г. К. встретился с имп. Лицинием в Медиолане, где состоялась свадьба Лициния и сестры К. Констанции (*Lact. De mort. persecut.* 45. 1; *Euseb. Hist. eccl.* X 8; *Idem. Vita Const.* I 49-50; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 2; *Sozom. Hist. eccl.* I 7; *Zosim. Hist.*). Здесь же был издан Миланский эдикт, подтверждавший принципы веротерпимости в политике обоих императоров и окончательно признававший законность исповедания христианства наравне с др. религиями Римской империи (*Euseb. Hist. eccl.* X 5; *Lact. De mort. persecut.* 48). Положениями этого эдикта фактически уже давно К. руководствовался в политике, но они имели большое значение для Востока, где имп. Лициний в это время также перешел к поддержке христианства. До кон. лета 313 г. продолжалась борьба с имп. Максимином Дайей, к-рый выступал как сторонник строгого язычества и продолжал преследования христиан, начатые еще Диоклетианом. После разгрома войск Максимиана Дайи вся территория империи была разделена между К. и Лицинием.

Союзнические отношения между К. и Лицинием быстро разрушились, хотя причины их разрыва во многом неясны. В 316 (или 314) г. началась 1-я война между К. и Лицинием. К. вторгся на территорию Паннонии и начал теснить противника на восток. 8 окт. 316 (или 314) г. произошло сражение при Цибалах (ныне Винковци, Вост. Хорватия), в к-ром К. одержал победу и заставил Лициния отступить во Фракию. В нач. 317 г. произошло кровопролитное сражение при Мардии (Campus Martiensis или Campus Ardiensis; вероятно, ныне Харманли, Юж. Болгария), завершившееся вничью. 1 марта 317 г. императоры вновь встретились в Сердике (ныне София, Болгария) и заключили мир (Consularia Constantinopolitana. I // MGH. AA. T. 9. P. 232; *Anon. Vales. Chron. Const.* 18, 19; *Euseb. Vita Const.* II 15; *Aur. Vict. De Caes.* 41. 6; *Idem. Epitom.* 40. 9, 41. 4; *Zosim. Hist.* II 20). По соглашению одновременно были провозглашены соправителями К. и Лициния в ранге цезарей старшие сыновья К. Крисп и Константин II и сын Лициния Валерий Лициниан. Валерий Валент, командующий дунайским лимесом, который ранее был провозглашен цезарем в лагере Лициния, по требованию К. был низложен и казнен. Тем самым императоры формально восстановили и вновь упорядочили структуру тетрархии, подобно политической системе имп. Диоклетиана. Однако имп. посты теперь распределялись уже строго внутри одной семьи (поскольку Лициний был зятем, а его сын Лициниан - племянником К.). При этом внутри семьи сохранялось практически открытое соперничество между группами соправителей К. и Лициния, что в перспективе делало мирные отношения неустойчивыми и неизбежно провоцировало новый конфликт и войну.

К. присоединил к своим владениям Паннонию и Иллирик и перенес свою резиденцию в Сирмий (ныне Сремска-Митровица, Сербия). В 322 г. оттуда он возглавил военную кампанию против сарматов-язигов вождя Равсимода, которые напали на пограничные рим. крепости на среднем Дунае. Отбив нападение, К. с армией перешел через Дунай и уничтожил ряд поселений сарматов в Дакии (территория совр. Вост. Венгрии и Румынии).

В 324 г. на Балканах началась 2-я междоусобная война К. и Лициния. Причины этого нового конфликта не вполне ясны. С нач. 20-х гг. Лициний все больше отстранялся от политики поддержки христианства и даже вновь начал преследования некоторых христиан, проводя конфискации имущества, изгоня чиновников-христиан и провоцируя антихрист. погромы. Возможно, что Лициний изначально был не столь увлечен прохрист. политикой, воспринимая христиан как общественную силу, преимущественно настроенную против него, т. е. в пользу К. Евсевий Кесарийский,

как панегирист К., утверждал, что Лициний перед войной устроил настоящее гонение, проводил жертвоприношения языческим богам и стремился поддержать традиц. религию, за что христиане называли его тираном (*Euseb. Vita Const. II 1-5*). Осенью 323 г. Лициний праздновал 15-летие своего правления и, согласно традиции, участвовал в жертвоприношениях древним богам. Его внимание к язычеству могло быть преувеличено Евсевием. Кроме того, Евсевий вообще стремился изобразить войну между К. и Лицинием как религ. конфликт между христианами и язычниками, что было слишком большим преувеличением. Историк Зосим (нач. VI в.), составивший наиболее подробное описание этой войны, но критически относившийся к К. и обвинявший его в вероломстве, о религ. вопросах не упомянул, хотя и не выдвинул иных объяснений (*Zosim. Hist. II 22-28*). Но К. мог использовать обострившиеся отношения Лициния с христианами как повод к войне.

В 323 г. К. перенес свою резиденцию в Фессалонику, где построил новый порт и подготовил сухопутное войско и флот. В это же время флот Лициния занимал пролив Геллеспонт (ныне Дарданеллы), а его войско сконцентрировалось у Адрианополя (ныне Эдирне, Зап. Турция). К. начал наступление во Фракию вдоль сев. берега Эгейского м. одновременно на суше и на море. 3 июля 324 г. произошло сражение близ Адрианополя, в к-ром К. с ходу перешел через р. Гебр (в месте впадения в нее р. Тонз, ныне Тунджа) и рассеял войско Лициния, не ожидавшее быстрой атаки. С оставшимися силами Лициний отступил к Византию. По свидетельству Евсевия, войско К. на этот раз шло в бой под знаменами с христ. символикой. После окончания войны Евсевий видел этот новый штандарт, известный под названием *лабарум* (лат. *labarum*; греч. *λάβαρων*), и связал его появление в армии К. с событиями 312 г. Знамя, по описанию Евсевия, представляло собой копьё с перекладиной, на конце к-рого были закреплены победный венок и совмещенные знаки «X» и «P». На перекладине висело горизонтально закрепленное белое полотнище, видимо, с названием того или иного боевого подразделения (*Euseb. Vita Const. I 31*).

Лабарум. Эскиз к иконе «История Константина» 1677 г. Худож. П. П. Рубенс (частное собрание)

Спустя неск. дней после битвы при Адрианополе флот К. под командованием цезаря Криспа после 2-дневного сражения прорвался через пролив Геллеспонт в Пропонтиду (ныне Мраморное м.) и почти полностью уничтожил флот Лициния. К. неск. недель осаждал Византий, но затем, узнав, что Лициний покинул город и собирает новое войско в М. Азии, решил продолжать преследовать его. С главными силами он переправился через Боспор Фракийский (ныне Босфор) и столкнулся с Лицинием у Хрисополя на вост. берегу пролива, напротив Византия. 18 сент. 324 г. в новой битве К. одержал победу, заставил Лициния с остатками войск бежать в Никомидию и осадил его там. Спустя неск. дней Лициний сдался, надеясь, что К., как родственник, сохранит ему жизнь. К. выслал Лициния с семьей в Фессалонику, где позволил ему жить под надзором.

Правление объединенной империей (324-337)

Военная победа означала формальное установление власти К. на всем Востоке империи. Тем не менее укрепление положения К. на вновь присоединенной вост. половине империи еще требовало больших дополнительных усилий. К. в течение мн. предыдущих лет в этом беспокойном регионе не появлялся, никогда здесь не правил и не имел к.-л. существенного политического влияния. Отношение населения Востока к К. косвенно отразилось в сочинениях и поступках еп. Евсевия Кесарийского. Скорее всего, до личного знакомства с К. в 325 г. Евсевий далеко не все знал о прохристианской политике императора, не знал о видении Креста и начале его использования в имп. пропаганде (Евсевий не упоминает о видении в «Церковной истории»). Церковно-политические взгляды К. также, скорее всего, были неясны мн. ведущим представителям восточного епископата, что отчасти привело к непониманию между К. и неск. наиболее влиятельными епископами на Никейском Соборе в 325 г.

Константин Великий из трона. Фрагмент фриза Арки Константина в Риме. 312–315 гг.

В течение первых 2-3 лет после победы над Лицинием К. проводил ряд различных репрессивных кампаний в отношении подлинной и мнимой оппозиции. В 325 г. изгнанный в Фессалонику Лициний был арестован и повешен. Вместе с ним был убит и его сын Лициниан (племянник К.). Среди древних авторов нет единства мнений в отношении причин убийства Лициния. Сократ Схоластик утверждает, что Лициний готовил заговор против К. (*Socr. Schol. Hist. eccl. I 4*). Большинство авторов-язычников, а также блж. Иероним указывают на эти убийства, как на акт вероломства К. (*Hieron. Chron. 2340; Anon. Vales. Chron. Const. 28-29; Eutrop. Breviar. X 6; Aur. Vict. Epitom. 41. 7; Zosim. Hist. II 28*). Решение К. в целом выглядит как обычная для той эпохи расправа над побежденным соперником, и обвинение в заговоре могло быть лишь ложным поводом. Подобным образом ранее К.

избавился от Максимиана Геркулия. Тем не менее нельзя исключать, что поверженный, но прежде победоносный и уверенно правивший Лициний все еще представлял определенную реальную опасность для К. 25 июня и 17 сент. 325 г. К. проводил некие карательные кампании в Адрианополе и Халкидоне. О деталях этих событий сведений нет, но скорее всего эти акции были направлены против сторонников Лициния, остававшихся в близких к столице Никомидии городах и отказывавшихся признать власть К. (*Chron. Pasch. P. 525. 15-17*). Евсевий указывает на суды над некими советниками и приверженцами Лициния и на их казни в то же время, когда и сам Лициний был предан «должной казни» (*Euseb. Vita Const. II 18*).

В 326 г. по приказу К. был отравлен его старший сын цезарь Крисп, а затем убита жена К. Фавста (точные даты этих событий неизвестны; обычно говорят о весне или лете 326). Обе жертвы были подвергнуты *damnatio memoriae*, и позднее ни К., ни кто-либо из его сыновей не пытались их реабилитировать. Античные источники сохранили в основном лишь анекдотическую версию объяснения этих событий. Историки Аврелий Виктор (сер. IV в.) и Зосим оставили наиболее подробные сообщения о том, что Фавста была влюблена в Криспа, а когда тот отверг ее, оклеветала цезаря перед его отцом. К. расправился с сыном: он был отравлен ядом в г. Пиетас-Юлия (ныне Пула, Хорватия), когда возвращался с Востока в подконтрольную ему Галлию. Чуть позже, узнав об обмане Фавсты, К. приказал задушить ее жаром, когда она находилась в термах (*Aur. Vict. De Caes.* 41; *Zosim. Hist.* II 29). Евсевий обошел эти события молчанием; остальные авторы позднеантичной эпохи оставили лишь краткие сообщения, не позволяющие установить причины и ход событий (*Amm. Marc. Res gest.* XIV 11. 20; *Hieron. Chron* // PL. 27. Col. 677; *Philost. Hist. eccl.* II 4; *Chron. Pasch.* P. 525.17-18). Эта история, напоминающая древнегреческий миф об Ипполите и Федре, а отчасти библейское предание об Иосифе и жене Потифара, едва ли может быть достоверной, да и найти в ней «рациональное зерно» также не представляется возможным. Вслед за источниками большинство совр. исследователей оценивают эти события как семейную трагедию (*Guthrie.* 1966; *Austin.* 1980; *Polsander.* 1984; *Woods.* 1998; *Drake.* 2000. P. 237; *Odahl.* 2004. P. 178-185). Однако можно предполагать, что у столь жестоких решений К. все же были не только личные, но и политические причины. Состояние источников не позволяет полностью отрицать возможность участия цезаря Криспа в заговорах против К. Известно, что к этому времени К. все чаще выдвигал на почетные посты своих младших сыновей от брака с Фавстой, и Крисп по той или иной причине мог почувствовать себя обиженным. Но, возможно, родственники лишь пали жертвами подозрительности К., особенно обострившейся в атмосфере борьбы с различными группировками восточной оппозиции и общей беспокойной обстановки сер. 20-х гг. IV в.

Среди позднеантичных авторов были также распространены сведения о том, что К. принял крещение вскоре после гибели своих родственников. Наиболее подробная версия этих событий сохранилась в сочинениях имп. Юлиана Отступника (сер. IV в.), к-рому следовал проязычески настроенный Зосим. Согласно этой версии, К., испытывавший угрызения совести после расправы над родственниками, спрашивал у жрецов разных культов, кто из них может снять с него грех убийства. Разрешить душевные муки императора именем Христа смог лишь некий христ. священник-египтянин, приехавший к имп. двору из Испании. После этого К. принял крещение и стал отказываться от участия в языческих празднествах (*Seston.* 1936; *Paschoud.* 1971). Рассказав свою версию событий, Зосим намекает на особую беспринципность христиан, якобы легко относящихся даже к тяжелейшим проступкам человека. Возможно, образ священника из Испании навеян той ролью, к-рую при дворе К. играл еп. Осий Кордубский. Тем не менее эту версию о крещении К. напрямую отвергает церковный историк Созомен, заявляя, что К. и Крисп издавали законы в пользу христиан уже задолго до объединения империи, значит, император и веру принял раньше. Впрочем, Созомен, идеализирующий К., отвергал и сам факт насильственной смерти Криспа (*Sozom. Hist. eccl.* I 5). Вероятно, к нему восходит и краткое сообщение о смерти Криспа в «Хронографии» Феофана без объяснений обстоятельств этого события (*Theoph. Chron.* P. 22. 12-13).

Вслед за древними авторами совр. исследователи также иногда склонны связывать семейную драму К. с его отношением к христианству. Часто считается несомненным, что паломничества св. Елены и Евтропии в Палестину, впосл. состоявшиеся, были как-то связаны с искуплением грехов К. и внутренним конфликтом в правящей семье (ср. *Odahl.* 2004. P. 178-185). Но прямых подтверждений такой связи нет, а последовательная религ. политика К., в т. ч. на Св. земле, скорее указывает на то, что миссии были частью более сложного плана императора. Высказывалось также предположение о том, что Криспа казнили за то, что он выступал оппонентом прохристианской политики К. В источниках эта версия подтверждения не находит и остается лишь домыслом. Едва ли оправданна тенденция ряда совр. историков связывать те или иные решения К. и события его жизни непременно с христианством.

Некоторые исследователи высказывают мнение о том, что убийства могли быть частью заранее продуманного плана К. Устранив Криспа, К. тем самым сосредоточил власть в руках лишь своих сыновей от брака с Фавстой и добился большей сплоченности правящей семьи. Убийство самой Фавсты при этом должно было продемонстрировать всем членам семьи их полную зависимость от К. и его решимость пресекать малейшие намеки на неподчинение или раздоры. Как и большинство попыток объяснений феномена «репрессий» исключительно рациональным расчетом, эта версия также не выдерживает критики. Если бы К. опасался конфликтов между сыновьями от разных жен, неясно, почему позднее он выдвигал в соправители не только сыновей, но и двоюродных племянников. Кроме того, возможный расчет К. обеспечить лояльность своих сыновей путем убийства их матери был бы по меньшей мере рискованным и скорее мог привести к прямо противоположному результату.

Существует также предположение о том, что с гибелью Криспа и Фавсты были как-то связаны эдикты К. по семейному праву, изданные в 326 г. 25 апр. 326 г. К. издал закон, подтверждавший абсолютную власть отца семейства (*pater familiae*) над всеми членами семьи. Возможно, напоминание об этой традиц. норме рим. права должно было оградить императора от обвинений и представить общественности его действия (неясно, уже совершенные или только планируемые) как законные. Кроме того, 14 июня 326 г. был опубликован запрет женатым мужчинам иметь отношения с конкубинами (СЖС. V 26). Связь этого документа с судьбами Криспа и Фавсты неочевидна, т. к. в течение 326 г. К. вообще издал целую серию актов, касавшихся семейного права и нравственности (*Grubbs.* 1995). Однако возможно, что К. пытался задним числом обвинить убитых в *конкубинате*, хотя в источниках нет указаний для такой интерпретации (см.: *Guthrie.* 1966). Возможно также, что сама легенда о связи Криспа и Фавсты берет начало от этого эдикта, к-рый был обнародован почти одновременно с известиями о гибели имп. родственников.

Одним из первых предприятий К. после победы над Лицинием стало основание новой столицы империи - Константинополя, названного в честь императора. В разное время К. рассматривал неск. городов в качестве своей постоянной резиденции и строил планы создания новой столицы в Сирмии, Сердице, Фессалонике. В ряде источников сохранились сведения о планах К. возвести новую столицу в местечке Сигей близ древней Трои (Илиона). Когда в этом месте уже начали строительные работы, К. внезапно передумал и остановился на проекте новой столицы на месте Византия, на европ. берегу пролива Босфор, у его юж. входа (*Sozom. Hist. eccl. II 3; Zosim. Hist. II 30; Zonara. Epit. hist. XIII 3*). Достоверность этих сведений вновь трудно оценить. Позднейшие авторы, описывавшие К-поль и его памятники, часто подчеркивали географическую близость христианской столицы к древней Трое. Так или иначе, колебания К. относительно местоположения новой столицы продолжались недолго, т. к. уже осенью 324 г., т. е. в течение неск. недель после разгрома Лициния, было начато строительство близ Византия, фактически на месте летнего осадного лагеря войска К. (*Euseb. Vita Const. III 48-49; Philost. Hist. eccl. II 9; Socr. Schol. Hist. eccl. I 16; Sozom. Hist. eccl. II 3; Zosim. Hist. II 30-31; Procop. Bella. III 1. 3; Ioan. Malal. Chron. P. 319.20 - 323.8; Chron. Pasch. P. 517.21-23, 527.18 - 529.7; Guidi. 1908. P. 334-339*). 8 нояб. 324 г. К. провел церемонию посвящения (consecratio) города. Вероятно, в этот день проводилась разметка стен и закладка буд. центрального форума. Император лично обошел территорию буд. города с землемерами. В это же время проводились обряды гаданий с астрологами и авгурами. В источниках упоминается закладка форума К. круглого в плане, в центре к-рого была поставлена колонна со статуей императора. Также при К. начата перестройка храма Св. Ирины, ранее служившего местом собраний христ. общины Византия; заложены храм Св. Софии (ок. 326) и имп. дворец Магнавра в новом центре города (к югу от территории Византия), а также мавзолей К. близ зап. стены города. Большинство зданий, заложенных К., не были завершены до смерти императора, кроме его мавзолея, к-рый, как считается, к 337 г. был уже готов принять останки императора. 11 мая 330 г. на ипподроме (построен при Северах) была проведена церемония освящения города, к-рый был официально назван К-полем; в честь освящения были отчеканены специальные памятные монеты (*Hieron. Chron. // PL. 27. Col. 677b; Socr. Schol. Hist. eccl. I 38; Chron. Pasch. P. 529. 10 - 530. 18; Theoph. Chron. P. 28. 23-29*).

Константин руководит строительством Константинополя. Гобелен по эскизу П. П. Рубенса. 1625 г. (Художественный музей, Филадельфия)

Имп. св. правитель Константин. Мозаика собора Св. Софии в Константинополе. X в.

В первые годы после объединения империи К. инициировал и широкомасштабный проект по развитию паломнических центров в Палестине, в местах земной жизни и воскресения Спасителя (см. также ст. Иерусалим, Иерусалимская Православная Церковь, Святая земля). К. предполагал, что св. места должны повысить привлекательность новой религии, стать еще одним дополнительным фактором объединения христиан во всей империи и неким символическим центром их интересов. Время и обстоятельства возникновения этого плана К. неизвестны. Возможно, К. руководствовался советами каких-то христиан, епископов, хорошо знакомых с положением Церкви Палестины. Вскоре после Никейского Собора 325 г. он отдал первые распоряжения по реализации проекта наместнику провинции и еп. Макарию Иерусалимскому (*Euseb. Vita Const. III 30-32; Socr. Schol. Hist. eccl. I 9*). К. начал масштабную перестройку г. Элия Капитолина, которому было возвращено его историческое название - Иерусалим. В городе были снесены или десакрализованы все языческие храмы и определены места для строительства 2 христ. базилик: у вновь открытого места Гроба Господня и Его воскресения, а также у вершины Елеонской горы, откуда Спаситель был вознесен на небеса. В 327 или 328 г. св. Елена совершила паломничество из Рима в Палестину, когда

строительство уже было развернуто (*Euseb. Vita Const. III 42-45*). Чуть позже паломническую поездку совершила и теща К. Евтропия, к-рая посетила Хеврон и обратила внимание К. на св. место у Мамврийского дуба, где вскоре также был построен христ. храм (*Euseb. Vita Const. III 51-53; Socr. Schol. Hist. eccl. I 18; Sozom. Hist. eccl. II 4*).

Строительная программа К. не исчерпывалась столичными проектами и преобразованием Св. земли. Важным ее компонентом неизменно оставались планы возведения крупных храмов для христиан в самых разных городах. Ни один из храмов, построенных К., не дошел до нас в неизменном виде. Однако письменные и археологические источники позволяют установить ок. 36 храмов, возведенных по его распоряжениям (*Voelkl. 1954*). Кроме столиц и Иерусалима, известно о выдающихся проектах в Антиохии, где в 328 г. был заложен т. н. Золотой храм, ставший кафедральным собором Антиохийской Православной Церкви (*Euseb. Vita Const. III 50; Hieron. Chron. // PL. 27. Col. 677; Sozom. Hist. eccl. II 3; Theoph. Chron. P. 28*), а также в Никомидии, где в 326 г. была восстановлена большая базилика, разрушенная Диоклетианом в 303 г. (*Euseb. Ibid.; Sozom. Ibid.*; в 332 г. она сгорела от удара молнии, но вновь была отремонтирована - *Theoph. Chron. P. 29*).

Власть К. над объединенной империей нуждалась в дальнейшем укреплении путем адм. реформ. Еще одним, отчасти парадоксальным способом решения этой задачи, стало назначение новых соправителей. 13 нояб. 324 г., в дни основания К-поля, К. в Никомидии провозгласил цезарем своего третьего 7-летнего сына Констанция II. Ок. 324 или 325 г., вероятно, в связи с победой над Лицинием мать К. Елена, проживавшая постоянно в Риме, получила титул августы и также стала офиц. соправительницей К. (*Euseb. Vita Const. III 47*). 9 нояб. 325 г., во время празднования 20-

летия правления К. в Риме, Констанций был провозглашен августом (*Euseb. Vita Const. IV 40; Socr. Schol. Hist. eccl. I 38; Chron. Pasch. P. 525. 9-10.*

25 дек. 333 г. в К-поле цезарем был провозглашен младший сын К. Констант (*Euseb. Vita Const. IV 40; Hieron. Chron. // PL. 27. Col. 678a; Socr. Schol. Hist. eccl. I 38*). Обеспечив высокие титулы и положение своим сыновьям, К. стремился приобщить к участию в управлении и др. ближайших родственников. 23 (19?) сент. 335 г. К. провозгласил цезарем Далмация Младшего, своего племянника (сына Далмация Старшего, сына имп. Констанция Хлора и Феодоры; *Hieron. Chron. // PL. 27. Col. 679a; Oros. Hist. adv. pag. VIII 28. 30; Chron. Pasch. P. 531.16-18; Theoph. Chron. P. 29.28*). Вскоре Далмацию было поручено возглавить соединение рим. войск, отправленное на подавление мятежа на Кипре, где императором был провозглашен некий Калокир. Примерно в это же время др. племянник К., Ганнибалиан Младший (брат Далмация Младшего), также стал цезарем, получил титул *rex regum* (царь царей) и был направлен в Кесарию Каппадокийскую (видимо, в распоряжение К.- *Chron. Pasch. P. 532.1-3*). В 335 г. сан патрикия и чин консула получил Юлий Констанций, сводный брат К. (отец имп. Юлиана Отступника; *PLRE. Vol. 1. P. 226*).

Ок. 335 г. окончательно оформился раздел империи между неск. соправителями и наследниками К. Первоначальный удел К. на крайнем Западе (Британия, Галлия и Испания) был передан Константину II; Италия, Норик, Паннония, Иллирик, а также большая часть Сев. Африки - Константу I; весь Восток и Египет - Констанцию II; диоцезы Фракия и Юж. Иллирик (регион балканской Греции) находились под упр. Далмация Младшего. Система соправительства, созданная К., во многом повторяла принципы устройства тетрархии Диоклетиана. Однако К. сделал соправителями только членов своей семьи и тем самым придал тетрархии наследственный характер. Соправители К. при его жизни пользовались куда меньшим объемом самостоятельных полномочий, чем ранее соправители Диоклетиана. Их функции помимо простой «подготовки к будущему правлению» сводились в основном к демонстрации перед обществом устойчивости и наследственного характера власти К.

В области адм. политики К. много неясного. Крайне отрывочны сведения об окружении К., о чиновниках и советниках, участвовавших в принятии и исполнении тех или иных решений, и даже о полководцах той эпохи. Считается, что при нем высшая должность префекта претория была лишена военной функции и превратилась в пост, в основном соответствующий совр. главе правительства. По крайней мере об этом говорит роспуск преторианской гвардии после победы над Максенцием в 312 г. (*Jones. 1986. P. 100-101*). Тем не менее префекты претория по-прежнему отвечали за мобилизацию и снабжение армии. В поздний период правления К. назначал неск. префектов для управления различными регионами империи, хотя четкой системы разделения империи на 4 префектуры в это время еще скорее всего не было. В провинциях поддерживалось разделение военной и гражданской администрации, хотя, как и при Диоклетиане, оно оставалось неполным и, видимо, зависело от конкретных обстоятельств, с к-рыми сталкивалось гос-во. Военную власть на местах возглавляли дуксы (*duces*) или магистры (*magistri*); гражданскую - президы (*presides*), викарии (*vicarii*) или префекты (*praefecti*). Соотношение этих должностей и разграничение их полномочий неясны; в разных случаях они могли различаться.

Важным направлением политики К. стали меры по формированию нового слоя правящей элиты общества. Одновременно с началом строительства новой столицы К. приступил к созданию фактически нового сената, к-рый должен был стать символом К-поля и опорой власти обновленной империи. В период кризиса и временного распада империи в III в. старая рим. сенаторская аристократия во многом утратила политическое влияние, хотя ее высокий социальный статус и авторитет в общественной жизни не подвергались сомнению. В это же время больших успехов достигло всадническое сословие, более мобильное и открытое к обновлению и принятию в свои ряды новых членов. Солдатские императоры, постоянно менявшие свои резиденции и перемещавшиеся вместе с войском, назначали на ключевые адм. посты в основном людей доверенных и зарекомендовавших себя службой, не считаясь с их происхождением. В нач. IV в. предшественники К. в управлении Римом, Максимиан Геркуллий и Максенций, во многом пытались противопоставить этой тенденции идею возрождения сената и опоры на него в укреплении империи и значения древней столицы. Отчасти эта политика достигла успеха, поскольку, как отмечают совр. исследователи, в IV в. по отношению к предшествующему периоду роль сенаторской знати и префектуры Рима заметно возросла (*Чекалова. 2010. С. 66*). Начав править в Риме в 312 г., К. по необходимости должен был продемонстрировать лояльность и уважительное отношение к старорим. традициям. Вместе с тем в его планы отнюдь не входили дальнейшие заигрывания с консервативной партией рим. знати. К. посещал Рим лишь наездами на краткое время и неизменно предпочитал управлять из провинциальных резиденций, опираясь на верные легионы и чиновничество, состоявшее из людей различного социального происхождения. Кроме того, активное строительство христ. храмов, начатое К., указывало на стремление императора если не к разрыву, то по меньшей мере к коренному переосмыслению рим. общественной и политической традиции. Но при всех кардинальных переменах, офиц. пропаганда К. стремилась по-прежнему создать впечатление либо отсутствия перемен, либо некоего восстановления прежде нарушенного древнего порядка. Так, в надписи в честь префекта Рима Цейония Руфия Альбина (336-337) утверждалось, что К. восстановил авторитет (*auctoritas*) сената, утраченный им во времена Юлия Цезаря (*Inscriptiones Latinae Selectae [2] / Ed. H. Dessau. B., 1902. Vol. 2. Pt. 1; Carné, Rousselle. 1999. P. 659*).

Возвращение Креста. Фреска в Св.Фраанческо в Арещо. 1452–1466 гг. Худож. Пьеро дела Франческа

Основы политики К. в отношении правящей элиты были весьма близки к принципам Диоклетиана. Опора на неродовитое чиновничество требовала поиска способов освобождения от влияния традиций сената на политические дела, и наиболее радикальным решением этой проблемы стало основание новой столицы. Если Диоклетиан остановил свой выбор на Никомидии, то К., следуя той же логике, основал неподалеку от нее К-поль. По сути К. стремился создать в новой столице новую элиту служилого сословия, к-рая в перспективе могла бы противостоять влиянию старорим. знати и даже вытеснить ее с политической сцены. Позднейшие визант. предания сохранили сведения о неких фамилиях рим. патрициев, переселившихся в К-поль при К. (*Mich. Glyc. Annales. P. 463; SynCP. P. 352; Patria CP. P. 146*). Однако в источниках IV в. таких сведений нет, хотя сам факт присутствия нек-рого числа рим. знати при дворе К. не вызывает сомнений.

Новая аристократия в К-поле начинала формироваться самыми разными путями: из выслужившихся чиновников, близких родственников имп. фамилии и лишь в последнюю очередь - из старой аристократии (*Чекалова. 2010. С. 67-73*). Первые известные сенаторы в К-поле при К. были людьми низкого происхождения. Так, Флавий Аблабий начинал карьеру как мелкий чиновник на Крите; в 329 г. дослужился до префекта претория, с 330 г. постоянно жил в К-поле, в 331 г. был консулом, неизменно пользуясь почетом у императора. Незадолго до смерти К. сделал Аблабия опекуном своего сына Констанция II. В числе сенаторов при К. был также Филипп, сын колбасника, ставший при Констанции II префектом претория Востока (*Чекалова. 2010. С. 71; PLRE. Vol. 1. P. 3-4, 696-697*).

Одной из черт новой кадровой политики К. стало появление в его администрации почетного титула комит (*comes*). Ранее это слово служило лишь неформальным обозначением приближенных императора, но теперь превратилось в офиц. звание, которое жаловал лично К. Также при К. в аппарате правительства впервые появились должности: магистр оффиций, квестор священного дворца, военные магистры (для пехоты и конницы) и ряд др. Чиновные должности *rationalis summae* и магистр личного имущества были подняты в ранге до уровня комитов. Скорее всего уже при К. все чиновники, занимавшие эти должности, получали ранг сенаторов, хотя формально этот принцип был узаконен лишь имп. Валентианом I в 372 г. (*СTh. VI 7. 1; 9. 1; 11. 1; 14. 4; 22. 4*).

Др. инструментом укрепления новой к-польской аристократии стал институт патрициата. Титул патрициев (патрикиев) к IV в. начал превращаться из наследственного звания рим. нобилей в титул, даруемый императором наиболее приближенным ко двору лицам, но уже не передающийся по наследству. В 334 г. титул патриция получил некий Опатт, человек низкого происхождения, женатый на дочери хозяина харчевни из Пафлагонии, к-рый был обязан своей карьерой успехам при дворе красавицы жены (*Zosim. Hist. II 40.2*). В это же время, по сведениям Зосима, К. издал закон, ставивший титул патрициев выше префектов претория (*Ibid.; Чекалова. 2010. С. 106-107*). Сам факт существования такого закона может быть сомнителен, поскольку он неизвестен из др. источников и никак не повлиял на дальнейший ход развития табели о рангах в поздней Римской империи. Тем не менее очевидно некое особое внимание, к-рое К. в последние годы правления уделял институту патрициата. Вероятно, император видел в поддержке этой группы служилой знати одно из средств, способствующих обновлению правящего класса. Реформы состава и принципов формирования управленческого аппарата, проведенные К., стали основой для развития системы гос. управления на протяжении всей ранневизант. эпохи.

В последнее десятилетие своего правления К. продолжал возглавлять войска в военных походах. Уже в нач. 20-х гг. IV в. его армия была втянута в противостояние с сарматами на среднем Дунае. Одержав над ними победу в 322 г. и, видимо, заключив мир, К. позднее рассматривал сарматов как своих союзников в регионе Дакии (Трансильвании). Успешные действия К. укрепили положение римлян на дунайской границе. Планы К. здесь во многом напоминали его же кампании на Рейне в 1-е десятилетие правления. На противоположном берегу пограничной реки, к-рый формально принадлежал варварам, была создана система передовых форпостов. В июле 328 г. открыли большой мост через Дунай, соединивший крепости Сукидава (ныне Челей, близ Корабии, Румыния) и Эск (близ совр. с. Гиген, Болгария) и обозначивший возвращение постоянного военного присутствия римлян к северу от Дуная. В 332 г. в ответ на нападение готов-тервингов на сарматов К. организовал большую кампанию против готов, двинул крупные массы римских войск в Трансильванию и Скифию. Официально кампанию возглавил старший сын К. цезарь Константин Младший. 18 нояб. 332 г. главные силы готов были разбиты, а затем в кон. осени и зимой множество согнанных с земель и оставшихся без запасов варваров умерли от голода и мороза (источники говорят о 100 тыс. жертв). Вскоре в К-поль прибыло посольство готов-тервингов во главе с кор. Ариарихом, которое было вынуждено заключить мир и признать свой народ союзниками (федератами) империи, расселиться вдоль сев. берега Дуная, а также обязалось на условиях ежегодных выплат и доступа к рим. рынкам поставлять в рим. армию свои вспомогательные контингенты числом до 40 тыс. чел. В честь побед К. в февр. 333 г. в К-поле были учреждены Готские игры. В 334 г. среди ослабленных прежними бедствиями сарматов началась междоусобная война, осложненная нападением на них готов кор. Гебериха. К. разрешил племени сарматов-акрагантов переселиться в рим. Дакию, а сам вновь возглавил кампанию против готов. В 336 г. К. принял официальный титул *Dacicus maximus* (дакийский величайший), сравнивая свои победы с успехами имп. Траяна в этом регионе в нач. II в. Победы К. стабилизировали положение на нижнем Дунае более чем на 40 лет (до нач. 70-х гг. IV в.), обеспечив спокойное развитие рим. провинций Балканского полуострова, а также региона Геллеспонта с новой столицей.

Объединение империи в 324 г. впервые поставило К. перед лицом необходимости строить взаимоотношения также с персид. державой Сасанидов, восточным и наиболее могущественным соседом империи. В это время продолжал действовать мирный договор Рима и Персии 299 г., к-рым была прекращена череда затяжных войн III в., а также в состав рим. владений были возвращены крупная крепость и центр транзитной торговли Нисибин и неск. др. областей Сев. Месопотамии. Отношения между державами к 324 г. были напряженными, поскольку незадолго до этого из

Ктесифона в империю бежал брат шаха Шапура II Хормизд, к-рый был с честью принят при дворе Лициния, а затем и К. Враждебность персов по отношению к правлению К. проявилась в жестоком преследовании христиан в Месопотамии, к-рое Шапур II начал в это время. Ок. 325 г. к К. прибыло персид. посольство, к-рое поздравило К. с победой над Лицинием и, видимо, заверило императора в своем дружественном отношении. В ответ К. отправил личное письмо Шапуру (*Euseb. Vita Const. IV 8-13; Theodoret. Hist. eccl. I 25; Sozom. Hist. eccl. II 8-15*), в к-ром заявлял о неприятии язычества как «древнего заблуждения» и увещевал прекратить гонения на христиан. Несмотря на желание К. защитить персид. христиан, а также на присутствие Хормизда как возможного повода для вмешательства в персид. дела, К. в это время не был в состоянии вести активные военные действия. Его армия была утомлена тяжелой войной против Лициния, а часть ее сил требовалось направить на укрепление дунайской границы. Прохристианская политика К. и его откровенно высказанные расчеты на проповедь и укрепление влияния христ. епископов на Востоке должны были насторожить персов и заставить их противодействовать проникновению христианства на свою территорию.

Укреплению положения империи на Востоке послужило также принятие христианства в царстве Иверия (после 324) и в Армении царем Трдатом III. После смерти Трдата в 330 г. в Армении начались междоусобицы, и персы попытались вмешаться и повлиять на ход событий в свою пользу. В нач. 30-х гг. IV в. нек-рые арм. княжества к востоку от Тигра, прежде подчинявшиеся империи, перешли на сторону персов. В 335 г. К. отправил на Восток цезаря Констанция с войском, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение потенциального противника. Скорее всего в связи с этими событиями в 335 г. Ганнибалиан Младший был провозглашен «царем царей» и также оказался на Востоке. Титул Ганнибалиана (аналогичный традиц. титулу иран. царей) скорее всего указывает на большие планы экспансии на Восток, к-рые в это время вынашивал К. Вероятно, К. предполагал в ближайшем будущем создать новое союзное Риму гос-во, к-рое могло бы объединить завоеванные земли Закавказья, Месопотамии и Ирана. Ок. 335 г. при дворе К. побывало также посольство из «Индии» (скорее всего Эфиопии), с к-рым, видимо, также обсуждалась ситуация на Востоке и возможные перспективы союзничества (*Euseb. Vita Const. IV 50*).

Зимой 336/7 г. в К-поле было принято персид. посольство, к-рое просило К. подтвердить территориальные изменения и границы между державами, а также, вероятно, стремилось обсудить ситуацию в Армении (*Euseb. Vita Const. IV 57; Libanius. Or. 59. 71*). К. отверг требования персов. С нач. 337 г. он открыто готовился к большой войне на Востоке, в основном пребывая в М. Азии, в Анкире (ныне Анкара, Турция), где собирал войска. Смерть К. прервала планы экспансии. Война с Персией разгорелась уже в период правления преемника К. Констанция II.

Социально-экономическая политика

Финансовое положение империи при К. оставалось неустойчивым, поскольку в III в. экономика сильно пострадала от резкого ускорения темпов инфляции и обесценивания серебряной и медной монеты по отношению к золоту. При имп. Диоклетиане проблемы инфляции были решены лишь частично. Выпущенный в нач. IV в. новый стандарт серебряной монеты был оценен казной слишком высоко, что сразу подорвало доверие рынка к этому нововведению. С 307 г. К., нуждавшийся в пополнении казны, начал снижать вес своих биллонных нуммиев - мелкой разменной монеты из сплава меди и 1-4% серебра (*Hendy. 1985. P. 462-468*). Эти меры поддержали (видимо, вынужденно) все соправители К., и в течение короткого времени они распространились на всей территории империи. Вес монет был первоначально снижен с 10 до 6-7 граммов, а затем к концу правления К. постепенно упал до 1,5 грамма (при сохранении номинала монет). Такая «порча монеты» увеличивала объем денег в обращении и давала кратковременный приток средств в казну, но вскоре неизбежно приводила к росту цен и падению стоимости этой монеты. Курс мелкой биллонной и серебряной монеты также постоянно падал по отношению к курсу золотых монет (*aurus*), вес и содержание к-рых в это время сохранялись неизменными. В течение IV в. соотношение цены золота и серебра изменилось с 1 к 12 до 1 к 14,4. При этом рыночные цены на золото в течение 1-й четв. IV в. выросли с ок. 100 до более чем 300 денариев за фунт. В сфере социальных отношений эти процессы неизбежно приводили к росту благосостояния обеспеченных слоев общества (владельцев земли, недвижимости, капиталов в золоте), обеднению остальных и росту увеличения разрыва в благосостоянии и уровне жизни между правящей элитой в целом и основной массой населения. В эпоху К. также был начат выпуск золотых монет прежней стоимости с новым названием - солид и номиналом в 1/72 фунта. Точное время и обстоятельства появления этих монет неясны. Солид имел хождение параллельно с золотыми монетами старых типов и, вероятно, играл в основном пропагандистскую роль, символизируя некий процесс укрепления финансового положения империи. В дальнейшем солид стандарта эпохи К. постепенно вытеснил все прочие типы золотых монет и до XI в. служил основой финансовых отношений во всем Средиземноморье.

Вероятно, особенно кризисная финансовая ситуация возникла ок. 321-324 гг., когда имп. Лициний на Востоке начал выпуск биллонных монет с прежним весом и содержанием металлов, но снизил их номинальную стоимость (тариф) с 25 до 12,5 денария (со 100 до 50 сестерциев). Подобные действия Лициния могут быть оценены не иначе как попытка вести экономическую войну против К., поскольку новые монеты Лициния могли обрушить практически вдвое стоимость обычных монет К. и оставить последнего без средств. После поражения Лициния выпуск монет со сниженным номиналом был прекращен. В конце правления К. монетная система была в основном упорядочена и состояла из золотого солида, серебряных монет 2 типов в 1/96 и 1/72 фунта, а также обесцененных биллонных нуммиев. Т. о., серией чрезвычайных мер К. удавалось поддерживать экономику в нек-ром жизнеспособном состоянии. Несмотря на инфляцию серебра, время правления К. в целом следует оценить как относительно благоприятный период для развития экономических отношений в империи.

Экономическую политику К. иногда связывают с его решениями о конфискации и переплавке всех золотых, серебряных и бронзовых статуй из языческих храмов, которая проводилась между 331 и 336 гг. Для этой цели в каждой провинции

назначались 2 чиновника-оценщика, которые якобы делали исключения лишь для тех статуй, которые предназначались для украшения общественных зданий и площадей К-поля (*Carrié, Rousselle*. 1999. P. 245-246). Тем не менее эти действия К. носили скорее пропагандистский характер; они могли дать дополнительные средства на краткое время, но едва ли способствовали накоплению в руках правительства достаточного объема драгоценных металлов, чтобы серьезно повлиять на монетную систему и общие тенденции развития экономики.

Религиозная политика. Видение 310 г.

Первые сведения о мистическом опыте и личных религ. взглядах К. связаны с мятежом Максимиана Геркулия в 310 г. После подавления мятежа, 25 июля 310 г., в Августе Треверов состоялись торжества в честь 5-летия правления К. Здесь в адрес императора был произнесен панегирик, в к-ром утверждалось, что К. пережил мистическое видение. После гибели Максимиана К. возвращался с войском из Арелата к Рейну и, получив известие об очередной победе над германцами, остановился, чтобы посетить «прекраснейший в мире» храм Аполлона (вероятно, в Немавсе, ныне Ним, Юж. Франция). В храме К. явились Аполлон и Виктория, возложили на него лавровый венок триумфатора и предсказали ему процветание и долгое правление (XII *Panegyrici latini*. VI (7). 21. 4-6). С этого момента К. увидел в Аполлоне своего покровителя, к-рый должен привести его к власти над всем миром. На монетах, выпущенных К. совместно с имп. Лицинием в 313 г., Аполлон был представлен рядом с ним как тень императора. Аполлон отождествлялся с *Sol Invictus* - солярным верховным богом, культ к-рого широко пропагандировался в империи еще в III в. и к-рый появился на монетах К. уже ок. 308 г. Монеты имели девиз: «*Soli Invicti Comiti*» (Предводителю Непобедимому Солнцу). С этого времени изображения традиц. богов постепенно исчезают с монет К., но *Sol Invictus* будет сохраняться до сер. 20-х гг. IV в.

Видение (сон) имп. Константина Великого
Роспись в Сал-Фламинском в Апенцо. 1452-1466
гг. Худож. Пьеро дела Франческа

Сведения о видении К. 310 г. отрывочны, но все же позволяют представить это событие в необходимой полноте. Оно неоднократно привлекало к себе внимание исследователей; оценка его значения в жизни К. до сих пор остается предметом споров (*Orgels*. 1948; *Rodgers*. 1980; *Barnes*. 1981. P. 36-37; *Barcelo*. 1988; *Elliott*. 1996. P. 50-53; *Drake*. 2000. P. 181-183; *Odahl*. 2004. P. 94-95). Одни исследователи отвергают достоверность видения 310 г. и считают его вымыслом панегириста, а видение 312 г. действительно важным событием. Другие высказывают противоположную и столь же радикальную т. зр., что рассказы о видениях К. 310 и 312 гг. относятся к одному и тому же событию, которому писатели-христиане лишь придали новый смысл (*Grégoire*. 1930/1931; *Idem*. 1939; *Seston*. 1936; *Galletier*. 1950; *Paschoud*. 1971; *Weiss*. 2003; *Barnes*. 2011. P. 76-80). Тем не менее ни одна из крайних интерпретаций этих событий не может быть точно доказана. Кроме того, предположения о наличии к.-л. ложных видений (неважно, в каком году) раскрывают некое отрицательное отношение к К. и, видимо, непонимание важнейших черт его личности со стороны совр. ученых. Едва ли возможно, чтобы император в столь важной сфере мог действовать подобно циничному шарлатану, фабриковать к.-л. мистические эффекты либо одобрять подобные акции со

стороны приближенных и, кроме того, предлагать вымышленные события как девиз для войска, которое он вел в сражения.

Рассказ о видении 310 г., к-рый дошел до нас, безусловно, был сформирован имп. пропагандой и, вероятно, в ряде деталей является вымыслом, но невозможно оценивать религ. опыт К. как простую фикцию. Сведения о видении должны были отражать не только политические устремления императора, но и его взгляды. Рассказ о видении 310 г. довольно близок типологически и в нек-рых деталях к рассказу Евсевия Кесарийского о божественном видении Христа, к-рое К. пережил спустя 2 года. Не исключено, что опыт 310 г. впосл. частично был использован К. и его советниками в т. ч. для пропагандистского освещения его видения 312 г. Так или иначе события 310 г. свидетельствуют о том, что уже в первые годы правления К. проявлял стойкий и искренний интерес к религии, чувствовал необходимость получения собственного духовного опыта и стремился к его углублению. Разумеется, первыми советниками К. по этим вопросам оказались рим. жрецы, сторонники признанных гос-вом культов. Поэтому 1-й религ. опыт К. неизбежно был связан с язычеством. Тем не менее в развитии личности К. было важно само проявление его заинтересованности в подобных вопросах и поиск их решения. Эта черта резко отличает К. от абсолютного большинства императоров рубежа III и IV вв., соправителей К., которые большей частью занимались военным делом и гос. строительством, но не проявляли себя столь же яркими личными действиями в духовной сфере. В связи с этим видение 310 г. может быть оценено как важнейший этап в развитии духовных поисков К., готовивших его будущее обращение к христианству.

Видение 312 г. и вопрос об обращении К. в христианство

(*Jones*. 1948. P. 79-102; *MacMullen*. 1968; *Idem*. 1984; *Storch*. 1970; *Dörries*. 1972. P. 27-49; *Allödi*. 1976. P. 16-24; *Barnes*. 1981. P. 41-43; *Idem*. 1985; *Idem*. 2011; *Pohlsander*. 1996. P. 21-28; *Drake*. 2000. P. 154-191; *Nicholson*. 2000; *Weber*. 2000; *Weiss*. 2003; *Болотов*. Лекции. Т. 3. С. 7-16). В восприятии христиан последующих эпох важнейшим событием в ходе войны против Максенция стало видение Креста К. Традиционно в нем видели главную причину обращения К. в христианство; в позднеантичной и средневековой церковно-исторической традиции видение представлялось как некое одномоментное происшествие, своего рода «прозрение» императора под впечатлением от мистического опыта, после которого К. отверг язычество и принял христианство. Дополнительным фактором, подкреплявшим теорию о «прозрении» и об «обращении» К., послужила легенда о крещении императора Римским папой свт. Сильвестром I.

Согласно традиции, оно произошло вскоре после победы К. над Максенцием (подробнее см. в ст. [«Константинов дар»](#)). Оценки значения этого события в мировой истории и в истории христианства уже много веков остаются предметом споров и разногласий и в обществе, и среди специалистов-исследователей.

Среди современников К. о видении повествуют христиане Лактанций в труде «О смертях преследователей» (ок. 315, работал в Никомидии и на Западе и, вероятно, имел связи с двором К.; *Lact. De mort. persecut.* 44. 5-6) и еп. Евсевий Кесарийский в «Житии Константина» (ок. 338-339, работал в Кесарии Палестинской, лично познакомился с К. не ранее 325; *Euseb. Vita Const.* I 28-31, 38).

Так, Лактанций пишет, что К. во сне получил указание начертать на щитах своего войска знак Христа в виде буквы Х. Исходя из композиции произведения Лактанция, это событие должно было произойти накануне сражения у Мульвийского моста. Тем не менее представляется невероятным, что особые знаки могли быть нарисованы на щитах всего войска за ночь. Скорее следует предполагать, что это произошло несколько ранее, в период подготовки к войне или во время одной из остановок К. в Италии в 312 г., когда для войска (или хотя бы только для гвардии К.) можно было бы специально изготовить щиты с таким знаком. Вряд ли К. мог приказать рисовать знак Христа всему войску, поскольку на триумфальной арке К. в Риме, построенной в 315 г., нет христ. символов в экипировке воинов и на знаменах.

Явление Креста имп. Константину. Роспись зала Константина, Ватикан. 1520–1524 гг. Худож. Джулио Романо

Интерпретация сообщения Лактанция осложняется его же рассказом о видении имп. Лициния, к-рое произошло 30 апр. 313 г. близ Адрианополя во время войны Лициния против Максимиана Дайи (*Lact. De mort. persecut.* 46. 3-7). Лицинию также ночью во сне явился ангел Божий (*angelus Dei*) и продиктовал императору молитву Всевышнему Святому Богу (*Summus Sanctus Deus*). Лициний разослал текст молитвы всем соединениям своей армии; воины воспряли духом и одержали победу. Молитва Лициния не содержит прямого указания на Христа как на Покровителя императора. Речь идет только о Всевышнем Едином Боге, образ Которого в то время уже широко почитался в рим. обществе и при дворе и совмещался с религией *Sol Invictus*. Тем не менее тот факт, что рассказ об этом чуде был включен в книгу Лактанция, говорит о том, что христиане воспринимали это событие как свидетельство обращения Лициния к христианству. В повествовании Лактанций противопоставляет язычника Максенция, накануне битвы обращающегося к «Сивиллиным книгам», и принимающего христианство К. Точно так же видение благочестивого Лициния противопоставляется нечестию имп. Максимиана Дайи, к-рый накануне решающей битвы давал обет Юпитеру уничтожить христиан после своей победы (*Lact. De mort. persecut.* 46. 2).

Поскольку Лактанций жил в Никомидии, его рассказ о видении Лициния следует рассматривать как более достоверный в деталях, чем сообщение о видении К. О событиях в Италии 312 г. Лактанций мог узнать лишь из вторых рук, после встречи К. и Лициния в Медиолане, или скорее уже после завершения всех сражений 313 г. Важно также, что сведения о видении К. долгое время не были известны широким слоям населения империи, по крайней мере на Востоке. Даже еп. Евсевий Кесарийский в «Церковной истории», заверченной им в сер. 20-х гг. IV в., не упомянул о видении, хотя писал о др. событиях междоусобных войн, а также о победе К. над Максенцием (ср.: *Euseb. Hist. eccl.* IX 9). Молчание Евсевия о видении Лициния 313 г. объясняется свержением этого императора как «тирана» в 324 г., но о видении К. Евсевий (вероятно, далекий от нюансов политического развития Запада) даже в 1-й пол. 20-х гг. IV в. мог просто не знать.

Впервые к видению К. Евсевий обратился в «Житии Константина» (ок. 338-339; *Euseb. Vita Const.* I 28-31). Это произведение отражало уже обновленный образ императора, сформированный и многолетней политической пропагандой, и стремлением самого Евсевия представить К. как идеального правителя-христианина. Евсевий писал, что К. однажды на закате дня (хронологически не уточнено) вместе со всем войском увидел знамение креста на солнце с надписью: «Сим побеждай!» (*Τούτω νικά*, лат.- *In hoc signo vinces*). К. находился в недоумении, но следующей ночью во сне ему явился Христос и приказал сделать знамя с виденным на небе символом и использовать его в бою. Знамя, по описанию Евсевия, было во многом подобно штандартам рим. легионов и представляло собой совмещенные знаки Х и Р, закрепленные на конце копья с перекладной и белым полотнищем. Евсевий утверждает, что его рассказ основан на той версии событий, к-рую ему передавал сам К. во время личной встречи (не ранее 325; см.: *Barnes.* 1981. P. 266). Рассказ не очень соотносится с более ранней версией Лактанция. По композиции текста Евсевия видно, что знамение должно было произойти задолго до начала войны с Максенцием. Во сне К. является Сам Христос, впервые появляется сообщение о небесном видении, а также вместо знака на щитах говорится о едином знамени для всего войска. Скорее всего такое знамя, к-рое видел Евсевий, уже существовало в период 2-й войны К. против Лициния в 323-324 гг., но его появление вряд ли было напрямую связано с событиями 312 г.

Рассказ Евсевия лег в основу классической версии истории видения, окончательно она утвердилась в работах церковных историков кон. IV - 1-й пол. V в. (*Aur. Vict. Epitom.* 40. 7; *Rufin. Hist. eccl.* IX 9; *Philost. Hist. eccl.* I 6; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 2; *Sozom. Hist. eccl.* I 3-4; *Theod. Lect. Eccl. hist.* I 5). Среди этих авторов Созомен - единственный, кто еще как будто сомневается в достоверности сообщения Евсевия и, не настаивая на полной достоверности своих сведений, приводит и рассказ о видении на небе, и рассказ о явлении К. Креста и Самого Христа во сне. Главная черта классической версии видения, отличающая ее от версии Евсевия, в том, что в трудах кон. IV-V в. видение уже служило не только главным аргументом, объяснявшим обращение К. в христианство, но и причиной обращения. Именно так

воспринимали это событие и позднеантичные церковные историки, и вся позднейшая средневековая традиция и на Западе и на Востоке христ. мира. Для древнего и средневекового сознания история видения была необходимой легендой, условной картиной, к-рая в простой и образной форме объясняла сложный процесс духовного развития К. и всего рим. общества его эпохи.

Явление Креста имп. Константину. Эскиз к шпигелю «История Константина» 1622 г. Худож. П. П. Рубенс (Музей искусств, Филадельфия)

Несмотря на то что видение К. оценивалось в истории христианства как событие первостепенной важности, в средневековой традиции, и в Византии, и в Западной Европе, не было единства представлений о подробностях этой сцены. Событию часто приписывались разные детали, разные авторы помещали его в разные моменты жизни К. Могло умножаться также и количество видений. Так, хронист Иоанн Малала (сер. VI в.) считал, что видение случилось во время войны К. против варваров (*Ioan. Malal. Chron. P. 316*). По мнению Феофана Исповедника (нач. IX в.), К. явилось не только было видение Креста, но и явился Сам Христос. В память об этом событии К. якобы приказал сделать золотой крест, позднее сопровождавший его и хранившийся в К-поле (*Theoph. Chron. P. 13-14*). Хронист Иоанн Зонара (кон. XII в.) уже под влиянием богатой визант. агиографической традиции, посвященной К., упоминает о неск. видениях Креста и самого Христа, к-рые посещали К. на протяжении всей его жизни и правления и «постепенно склонили» его к принятию новой веры. Зонара считал, что К. видел крест и

накануне битвы у Мульвийского моста в 312 г., и во время войн с Лицинием, и перед битвой при Адрианополе в 324 г. ночью видел некий мистический свет в походном лагере (*Zonara. Epit. hist. Vol. 2. P. 6-7*).

Разнообразие и несходство различных поздних версий предания о видении К. заставили исследователей в XIX-XX вв. считать само это событие сомнительным по достоверности. Оценка истинности сообщений древних авторов, а также роли этого события в истории остается предметом научных исследований и споров. С радикальной критикой этого сюжета выступил в 1853 г. Я. Буркхардт, к-рый в монографии «Век Константина Великого» отрицал к.-л. религиозность К. и достоверность преданий о видении, утверждая ложность и даже лживость подобных историй (*Burckhardt. 1880. S. 271-275*). Гиперкритическое отношение к видению господствовало в науке на протяжении последующих 100 лет и нашло отражение в работах мн. исследователей. Одним из наиболее радикальных критиков стал А. Грегуар (*Giégoire. 1930; Idem. 1939*), к-рый считал видение безусловной фальшивкой, а сам интерес К. к христианству рассматривал только как политический. Недоверие к основным источникам, отражающим события эпохи К., в работах Грегуара вылилось в отрицание авторства «Жития Константина» Евсевия и создание ныне отвергнутой концепции некоего Псевдо-Евсевия. В ходе развития науки в течение XX в. скептическое отношение к сведениям о видении К. было постепенно во многом преодолено. При этом фактор религиозности в исследованиях о К. и его эпохе занимал все более важное место и подвергался внимательному и детальному изучению. Так, уже в нач. XX в. О. Зеек стремился представить К. как человека крайне амбициозного, но обладавшего искренними религ. взглядами, к-рые пытался насаждать силой (*Seeck. 1921*).

В 1-й пол. XX в. интерпретации видения К. развивались в определенной связи с развитием антропологии и психологии, в т. ч. представлений о возможностях мистического опыта человека, а также о многообразии религ. поведения в различных традициях и культурах. Нек-рые авторы указывали на возможность того, что К. пережил некое религ. озарение, «просветление», подобное мгновенной вспышке; это состояние К. может расцениваться и как патология, и как особый дар визионерства (напр.: *Lot. 1927. P. 351*). Несмотря на очевидную спорность подобных взглядов, их обсуждение привело к рассмотрению проблемы реконструирования личностного психологического облика К., его религиозности на новом этапе исследований. Во 2-й пол. XX в. сформировалась тенденция, противоположная гиперкритицизму: теперь видению и «обращению» К. приписывается несколько преувеличенная роль. В работах Н. Бейнза, А. Альфельди, Т. Барнза и др. жизненный путь К. оценивался как перестройка взглядов от традиц. религии к полному принятию христианства (*Baynes. 1930; Alicildi. 1948; Barnes. 1981; Idem. The Conversion of Constantine. 1985*). При этом мн. детали исторических событий толкуются излишне схематично, недооцениваются принципы религиозной толерантности, к-рой в основном придерживался К. Его политику стремятся объяснить как безоговорочную поддержку христианства и Церкви и подавление язычества. В этом случае принимается общее представление (по сути мифологическое и психологически неубедительное) о некоем «перерождении» рим. императора в христианина. Исследователи часто считают видения лишь общим «символом» «обращения» К. В ряде работ не проводится даже критическое сопоставление версий Лактанция и Евсевия, принимаются на веру как будто бы оба варианта (см., напр.: *Odahl. 2004. P. 91-92*). Само видение К. в этой связи может объясняться по-разному: часто его признавали подлинным, но, как правило, для его объяснения приводили различные рациональные версии. Так, А. Х. М. Джонс оценивал его как подлинное событие, поскольку сам К. в беседе с Евсевием настаивал на том, что видение было не во сне, а во время военного похода, а значит, по мнению исследователя, у К. были свидетели (*Jones. 1948. P. 95-96*). В русле этой же тенденции было предложено неск. идей, позволяющих по сути так или иначе уйти от обсуждения видения К. как особого феномена. Одной из попыток рационального объяснения видения стала гипотеза о гало - особом солнечном явлении, к-рое мог видеть К. и к-рое в ряде случаев может восприниматься как крест (*Jones. 1948. P. 96; Barnes. 1981. P. 306; Idem. The Conversion of Constantine. 1985; Di Maio. 1988; Weiss. 2003*). Это объяснение выглядит очень привлекательным и до наст. времени находит отклик у мн. специалистов. И тем не менее в существующих источниках все же нет достаточно убедительных оснований для уверенного признания этой версии. Обсуждение астрономических

или оптических явлений уводит в сторону от поиска возможных объяснений процесса религ. преобразования К. и всего рим. общества (*Drake*. 2000. P. 183-184).

Одним из этапов обсуждения этой проблемы было также стремление реконструировать историю некоего постепенного процесса восприятия христианского вероучения К. Подобные взгляды существовали уже у ряда древних и средневеков. авторов, и совр. исследователи также неоднократно пытались сместить центр внимания с видения на др. различные события в жизни К. и искать в них дополнительные (и даже решающие) факторы для принятия христианства императором. Среди подобных идей наиболее интересна гипотеза о том, что К. мог принять христианство уже в ранней молодости под влиянием матери св. Елены. Этот вариант объяснения базируется лишь на средневеков. вариантах Жития Константина, где нередко подчеркивалось влияние благочестивой матери на К. В развитие этой же логики некоторые исследователи подчеркивают тесное знакомство семьи К. с христианством, монотеистическую религиозность Констанция Хлора и даже христ. воспитание К. с детства (напр.: *Seeck*. 1921. S. 61-62; *Allöldi*. 1948; *Elliott*. 1996). Т. о., результатом видения К. могло быть не обращение К. как таковое, к-рое произошло гораздо раньше, а создание знамени Христа для войска, т. е. публичное заявление о почитании Христа императором (*Elliott*. 1987; *Idem*. 1989). Такая постановка вопроса позволяет уйти от обсуждения проблемы видения К., но приводит к еще более умозрительной реконструкции истории семьи и личности К. без достаточных для этого сведений. Кроме того, появляется опасность общего преувеличения христ. влияния на К., стремление истолковать все события его эпохи как быстрое (за неск. десятилетий) наступление торжества христианства и подавление язычества (ср.: *Allöldi*. 1948). Эта концепция никак не объясняет сведения ни о видении 310 г., ни о публичном участии К. в языческих культах и использовании языческой символики почти до его смерти.

С др. стороны, в сер.- 2-й пол. XX в. было осознано, что в основе проблемы обращения К. в христианство лежит не только его индивидуальность, но и важнейшие социально-психологические факторы. Именно для той исторической эпохи было характерно сознание и поведение человека, к-рый на протяжении всей жизни был охвачен искренним и глубочайшим интересом к религии (или религиям) и последовательно стремился определять свое поведение в жизненных обстоятельствах через отношения с Божеством. Так, уже в 30-х гг. XX в. А. Пиганьоль обратил внимание на историко-культурный контекст деятельности К. По его мнению, император, с его философскими представлениями о монотеизме, был прежде всего сыном своего времени (*Piganiol*. 1932).

Исследования 2-й пол. XX в. постепенно сместили акцент с обсуждения вопроса о подлинности видения на определение места этого события в религиозном культуре позднеантичной эпохи. В центр внимания было поставлено не чудо как таковое и возможные его рациональные толкования методами совр. наук, а социально-психологический облик человека и политика эпохи Римской империи, ищущего религ. опыт и опирающегося на него при решениях. В ряде работ были показаны широкое распространение феноменов общения правителей и простых людей поздней античности со сверхъестественным и в нек-рой степени типичность видений К. на фоне множества подобных событий, отразившихся в источниках той эпохи (напр.: *MacMullen*. 1968; *Feans*. 1977). П. Браун увидел в неск. видениях К. проявление его особого стиля правления и отношений со сверхъестественным (*Brown*. 1978). В работах 2-й пол. XX в. чудо как таковое, в т. ч. видение К., было объяснено как необходимый элемент языка культуры той эпохи, когда и представители элиты, и простые люди, независимо от уровня их образования, социального статуса и даже особенностей характера, относились к проявлениям сверхъестественного с огромным вниманием и пиететом, искали их как свидетельства постоянного диалога небес с человечеством (*Доддс Э. Р.* Язычник и христианин в смутное время: Нек-рые аспекты религ. практик от Марка Аврелия до Константина. СПб., 2003). В связи с этим, по замечанию О. Николсона, «важно не то, что император видел, а то, что он думал, что видит» (*Nicholson*. 2000. P. 311). То, что в действительности видел и чувствовал К., соответствовало ожиданиям христиан.

Т. о., к наст. времени представляется ясным, что видение К. само по себе, независимо от степени достоверности наших сведений о нем, не может служить объяснением как крутого поворота политики самого К. в пользу христиан, так и последовавшей за ним масштабной перестройки всей социальной жизни римлян, превратившихся в обновленное христианское общество. Видение К. необходимо исследовать и оценивать в самом широком контексте и подобных явлений древности, и моделей мышления и поведения, действовавших в ту эпоху. В связи с этим значение видения К. как уникального события в восприятии современных ученых снижается, уступая место изучению его социокультурного контекста методами антропологии, исторической психологии. В совр. науке процесс психологической перестройки человеческой личности при переходе от одной системы религиозных ценностей к другой во многом не определен и представлен в основном лишь описательно. Тем более сложным и необъясненным выглядит процесс перестройки огромного общественного организма, каковым была Римская империя (античная цивилизация Средиземноморья) (см., напр.: *MacMullen*. 1984; *Idem*. 1997; *Нок А. Д.* Обращение: Старое и новое в религии от Александра Великого до блж. Августина. СПб., 2011). Вопрос об обращении К. в христианство воспринимается как частный случай этой большой проблемы. Т. о., остаются в значительной мере нерешенными вопросы, когда и как К. принял новую веру, каковы были мотивы его обращения, в какой мере он воспринял христ. вероучение.

Между тем «Житие Константина» Евсевия содержит не только сообщение о видении, но и психологически достоверное обоснование обращения К. Несмотря на внимание Евсевия к эффектным сюжетам, подобным видению, историограф воспринимал обращение К. к христианству как результат развития религиозно-нравственных взглядов императора, которое происходило в основном вне связи с чудесными явлениями (*Euseb. Vita Const.* I 26-28). По Евсевию, К. стремился к освобождению Рима от тирании и осознал, что для этого ему требуется помощь

«выше воинских средств» - таковой он признавал только покровительство Единого Бога. К. провел немало времени в размышлениях о том, какого бога и как именно он должен призывать и почитать. Отвергнув религ. взгляды императоров, почитавших мн. богов, приносивших жертвы и общавшихся с оракулами, К. обратился к вере своего отца Констанция Хлора, к-рый почитал лишь Единого Бога как Спасителя своего гос-ва. Размышляя о гибели тиранов и благополучном правлении своего отца, К. пришел к решению следовать его завету. И уже после того, как это убеждение окрепло и К. начал усердно молиться Единому Богу, он стал свидетелем и видения, и явления Христа во сне. Получив это знамение, К. удостоверился, что Христос говорил с ним от имени Единого Бога, призвал к себе христ. священников и начал изучать Свящ. Писание (Ibid. I 32). Т. о., по логике Евсевия само видение служило лишь завершающим актом, с помощью которого мистически было получено подтверждение собственным поискам и ожиданиям императора. Следует полагать также, что если Евсевий узнал о самом видении из уст императора, то и эта личная история его постепенного обращения была также передана Евсевию самим К. Рассуждения К. о его религиозных исканиях и сомнениях явно не годились бы для пропагандистских целей, и Евсевий мог узнать об этом только в доверительной беседе, уже после того, как стал приближенным императора.

Явление Христа Константину Великому
Скульптура в соборе св. Петра в Риме. 1663–
1667 гг. Скульптор Бернини

Т. о., фактически Евсевий утверждал, что видение было лишь одним эпизодом в истории постепенного принятия христианства К. и в основе его обращения лежал собственный сложный духовный опыт императора, его личный путь поисков веры. Видение в этом контексте было нужно скорее не самому К., который уже вступил на путь благочестия, а его войску, советникам, придворным и простым солдатам, которым свершившийся духовный выбор императора было необходимо объяснить в понятной для всех форме. Видение нужно было продемонстрировать подданным императора как неопровержимое обоснование новой политики. К. должен был предстать перед жителями империи как активный лидер не только в военно-политических делах, но и в начатой им религ. реформе. Как было известно с древнейших времен, сведения о некоем «божественном знаке», к-рый получил правитель, вполне объясняли и оправдывали религ. нововведения, даже непопулярные. При этом отношение К. ко Христу отнюдь не было политической игрой. Религиозные поиски и развитие его убеждений были глубоко искренними и только как таковые могли быть поняты подданными. Обращение К. ко Христу, независимо от того, произошло ли оно после видения или при к.-л. иных обстоятельствах, носило личный мистический характер. Деятельность К. на протяжении долгого правления, мн. черты его повседневной жизни свидетельствуют о том, что К. был убежден в том, что находится под покровительством Единого Бога, в котором он, несомненно, видел Христа. Себя же император воспринимал как избранника и проводника Божественной воли для всей цивилизованной ойкумены. Но при этом почти до кончины К. по ряду политических причин его вера оставалась не формализованной в рамках церковного культа, т. к. К. принял крещение лишь на смертном одре. В связи с этим, вероятно, политической игрой следовало бы считать не само обращение К. к христианству, а скорее откладывание им крещения, поскольку, возможно, по мнению императора, такой акт мог бы привести к излишнему обострению и без того сложной религ. ситуации в империи.

Важно отметить также, что ни Евсевий, ни Лактанций не говорят буквально об обращении К. к христианству в результате видения или каких-то иных событий как о моментальном событии. Для них, как, вероятно, и для мн. современников видение служило объяснением взглядов К. в отношении христианства, но не воспринималось как к.-л. «прозрение», которое могло бы разом изменить взгляды и всю политику императора (подобное откровению св. ап. Павла в Деяниях св. апостолов). Само представление о такой разительной перемене в характере К. под влиянием видения возникло несколько позднее, когда спустя 2-3 поколения начал складываться некий обобщенный образ императора и его эпохи, лишенный мн. полутонов и деталей реальных событий.

Имп. Константин Великий вводит Рим (под покровительством) папы Римского Сильвестра. Фреска в базилика Константина. 1520–1524 гг. Худож. Джулио Романо

В источниках первых лет после 312 г. есть лишь глухие упоминания о том, что во время войны К. с Максенцием произошло нечто чрезвычайное, в чем необходимо видеть некое божественное вмешательство или знак. В 313 г., во время встречи К. с Лицинием в Медиолане, был произнесен панегирик в честь К., в к-ром оратор упоминал о том, что «божественный разум» как-то открылся К. и «божественным руководством» (divino instructu) и покровительством «Бога Творца и Господа этого мира» (Deus ille mundi Creator et Dominus) К. сделался неуязвим для превосходных сил Максенция (XII Panegyrici latini. XII (IX) 2. 5; 4. 1; 11. 4; 13. 2; 26. 1). В надписи на арке К. 315 г. есть также указание на то, что К. освободил Вечный город «божественным вдохновением» (instinctu divinitatis). Т. о., на Западе империи сразу после 312 г. было хорошо известно, что победу над Максенцием К. преподносил как особый религиозно значимый переломный момент и в

истории гос-ва, и в своей судьбе. Детали этого момента в эти же годы осветил Лактанций, представив рассказ о видении К. во сне. Возможно, христ. писатель, подобно многим др. толкователям царских снов в древности, мог объяснить мистический опыт К. в пользу той религ. традиции, которую он представлял, и тем самым преувеличить близость К. к христианству. Если нам хорошо известно, что в более поздние годы К. отчетливо ассоциировал свои убеждения и религ. опыт с христианством, то остается не вполне ясным, было ли так с самого начала в 312 г., или видение могло приобрести христианский смысл лишь постепенно.

Первое абсолютно достоверное свидетельство использования К. символа Христа - серебряный медальон, выпущенный в Тицине (ныне Павия, Италия) в 315 г. в честь 10-летия правления К. На медальоне и монетах изображен погрудный портрет К. в воинском снаряжении и со значком в виде сложенных букв Х и Р (или в виде сферы, опирающейся на Х). Скорее всего медальон предназначался для подарков в узком кругу приближенных императора как памятный знак и, т. о., не мог служить для целей широкой пропаганды новых христ. убеждений императора. С 317/8 г. выпускались монеты с такой же иконографией, хотя также в ограниченном количестве.

В то же время богатый и разнообразный декор арки К. 315 г. не содержит к.-л. намеков на христ. символику. Многочисленные изображенные на рельефах воины не имеют хризм ни на щитах ни на знаменах. Христ. символика, а также идеологические и пропагандистские установки распространялись при имп. дворе и в государстве довольно медленно и на протяжении еще ряда десятилетий (если не столетий) соседствовали со старыми формами. Т. о., невозможно говорить о к.-л. одномоментном «обращении» К. и об отказе от всей прежней религиозно-политической традиции. Следует предполагать, что обращение К. к почитанию Христа первоначально даже не означало его автоматического отказа от участия в прочих культах и демонстрации благочестия в традиц. формах. С 312 г. на протяжении еще долгого правления К. воспринимал Христа скорее всего как своего личного небесного покровителя и был готов встроить Его как еще одно из воплощений верховного божества в религию Sol Invictus, к-рая, как известно, была основана на отождествлении ряда верховных божеств традиц. пантеонов разных народов античного мира и приданию их собирательному образу черт трансцендентной философии в духе неоплатонизма.

Принципы толерантности и всеобщего религиозного мира

Нек-рые непреодоленные крайности в совр. научных концепциях, объясняющих политику и характер К., не позволяют в полной мере оценить толерантность как одну из важнейших основ его религ. политики. В К., как правило, принято видеть либо императора, пережившего постепенное перерождение в христианина и полностью отвергшего прежние традиции (вслед за работами Бейнза, Джонса и Альфельди), либо политика, к-рый цинично использовал христианство в своих интересах (вслед за Буркхардтом). Так, Х. А. Дрейк, склоняющийся ко 2-му типу объяснения, настаивает, что К. в зрелые годы представлял собой образец деспотичного правителя, для к-рого лучшим определением было бы слово «нетолерантность» (Drake. 1995; 2000). Те или иные декларативные заявления К. по отношению к христианам в рамках этой концепции следует считать лишь игрой. И, вместе с тем факты преследования императором к.-л. религ. деятелей (христиан либо язычников), которых он в какие-то моменты считал опасными для гос-ва, уже отменяют вопрос о терпимости власти как таковой. В целом эта позиция представляется излишне схематичной.

События 312 г. хотя и не сделали К. в полной мере христианином, но окончательно привели его к убеждению в преимуществе христианства и открыли эпоху глубоких религиозно-политических реформ. Юридической основой новой политики стал Миланский эдикт, который, как считается, был принят на имп. совещании К. и Лициния в Медиолане в февр. 313 г. Это была 1-я офиц. декларация религ. толерантности, в издании к-рой участвовал К. Тем не менее сам эдикт не внес существенных новшеств в положение христиан, поскольку в значительной мере повторял эдикт, изданный имп. Галерием в Никомидии в апр. 311 г. и уже действовавший на всей территории империи. Кроме того, Миланский эдикт означал лишь прекращение преследований христиан, но еще не давал к.-л. рецептов для установления новых равноправных взаимоотношений религий между собой, для взаимодействия тех или иных общин, в т. ч. и христианских, с рим. общественными и гос. институтами. Т. о., методы проведения реформ и основы нового устройства религ. отношений в ойкумене и роль гос-ва в этом процессе еще предстояло во многом определить в будущем.

Принцип толерантности стал основой отношения К. не только к христианам, но и к абсолютному большинству религ. движений в империи. Сам император воспринимал это положение со всей серьезностью, лично обдумывал детали проведения этой политики в жизнь (Euseb. Vita Const. IV 29, 55). Наиболее развернуто эти идеи изложены К. в его посланиях к подданным Востока империи, а также к христианам, которые К. отправил вскоре после победы над Лицинием в 324 г., приняв Восток под свою власть. Согласно Евсевию, К. рассылал письма христианам во всех восточных провинциях, а также всем подданным империи, не исповедующим христианство (Ibid. II 23, 46). Отчасти подобные идеи выражены также в «Слове к сообществу святых», к-рое, вероятно, было написано в этом же десятилетии.

Послание К. к христианам было кратким и формально было обращено к епископам провинциальных и столичных городов. К. сообщал о свержении тирании (не упоминая имени Лициния) «провидением великого Бога». Поскольку, по мнению К., тем самым проявила себя воля Истинного Бога (христиан), император выражал твердую уверенность в том, что к почитанию великого Бога и к «правильному образу жизни» теперь обратятся все. К. также предоставлял христианам право требовать у провинциальных светских властей средства на восстановление храмов, пострадавших во время гонений, и на строительство новых (Ibid. II 46; Socr. Schol. Hist. eccl. I 9). Для абсолютного большинства христ. общин Востока и их предстоятелей это был первый случай почти в 300-летней истории, когда рим. император обращался к ним напрямую, и не с угрозами, а с самыми добрыми пожеланиями: «Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат».

Гораздо большее значение имели 2 др. пространных послания, направленные к наместникам вост. провинций и подлежащие публичному оглашению. Оба послания содержали развернутое и аргументированное изложение религ. убеждений К. В 1-м послании (Euseb. Vita Const. II 24-42) К. предлагал провиденциалистское объяснение событий последних лет, принесших ему победу над соперниками и единоличную власть. К. утверждал, что успех и процветание с древнейших времен всегда сопутствовали тем людям (и правителям), которые основывали свои поступки на

разумной справедливости и уважении к человечеству и благочестию по отношению к Господу (греч. κρείττων). Те же, кто пренебрегали этими принципами, всегда терпели бедствия и гибли. В наше время, по мнению К., истинность этого была доказана уничтожением тех, кто вооружились против христиан, издавна усердно служивших великому Богу (μεγάλος Θεός). К. заявлял, что Бог, Которого он объяснял также как Единое бытие, истинно сущее и всегда наиболее могущественное, нашел его достойным быть исполнителем Его воли, т. е. прекращения всеобщих бедствий, должного наказания нечестивых безумцев, укрепления блаженнейшей веры по закону Высочайшего Существа (*Euseb. Vita Const. II 24-42; ср.: Const. Magn. Or. sanct. 22, 26*). К. объявлял о полной реабилитации всех пострадавших за веру от жестокого суда в прежние времена, о возвращении им свободы, чести, званий (в т. ч. военных) и имущества, а также о возврате утраченных владений христ. общинам.

Второе послание (*Ibid. II 47-60*) К. посвятил религ. вопросам. Он заявил, что постарается исповедовать (ὁμολογήσει) перед слушателями свои надежды на владычество Всевышнего Бога (ὕψιστος Θεός) и Его суд над людьми. К. призывает Его в свидетели справедливости своих обязательств. К., рассказывая о гонении на христиан, называет их самыми праведными людьми на земле и обвиняет языческих оракулов Аполлона во лжи о христианах и в том, что их предсказания соблазнили многих на вражду с христианами. К. возглашает публичную молитву к Великому Святому Богу, Владыке всех, об исцелении всего народа и его правителей от этих заблуждений. К. заявляет, что предал в Его руки свою душу с искренней любовью и, видя свои победы с именем и знаменем Его, укрепился в своей вере; объявляет о начале восстановления Его святейшего дома (т. е. ойкумены), прежде разрушенного безумием нечестивцев. Ради мира и тишины император считает необходимым даровать покой и безмятежность не только верующим, но и заблуждающимся, полагая их вразумление и обращение попечению Самого Бога. К. заявляет, что его вера не является новшеством, но установлена одновременно с возникновением ойкумены, полностью находящейся во власти Бога и Его Слов. Позднее вера была «забыта в грехах и заблуждениях» человечеством и восстановлена через Сына Божия, пришедшего в мир. К. благодарит Бога за покровительство всему мирозданию и человеческим делам и призывает подданных принимать веру тех, кто искренне заботятся о добродетели (т. е. христиан). При этом К. заявляет, что не настаивает на немедленном принятии христианства всеми и разногласия людей о вере не должны стать причиной вреда или вражды, но все должны пользоваться благом мира, удаляя совесть от всего нечестивого.

Имп. св. правител. Константин Великий и женщины-христианки. Роспись капеллы Сан-Сильвестро в базилике Санти-Кваторо-Коронати в Риме. 1247 г.

По словам Евсевия, К. в этом письме уподоблялся вестнику Божию (*Ibid. II 61*). Письмо должно было производить впечатление некоей проповеди, открывающей перед подданными обновленную веру и зовущей к всеобщему миру и процветанию. Насколько можно об этом судить, К. в 324 г. впервые столь открыто выражал свои прохристианские симпатии. В Миланском эдикте о христианах упоминалось лишь наряду с др. общинами, а о др. декларациях предыдущих лет правления К. на Западе сведений нет. Теперь К. говорил о Сыне Божием, пусть и кратко, но у слушателей уже не могло быть сомнений относительно истинных взглядов императора. Вместе с тем видно, что К. стремился избегать слишком откровенных и однозначных определений Бога, используя в основном описательные и философские понятия, не обосновывая свои взгляды к.-л. откровением либо конкретной религ. традицией, апеллируя лишь к общечеловеческим категориям добра, разума и благочестия. Т. о., император стремился найти отклик у как можно более широких кругов восточнорим. общества. Он явно стремился найти и продемонстрировать народу контуры некоей общей основы, объединяющей ценности всех религий, прозрачно намекая на то, что именно христиане эту основу понимают много лучше других.

Одной из главных идей К., высказанных в посланиях, было стремление к всеобщему религ. миру. Единство Божества, Чей Промысл управляет мирозданием и всеми его законами, предоставляет человеческому роду возможность и необходимого объединения перед величием Бога, Его законов и Его милости, к-рые, согласно К., полностью соотносятся с законами человеческой нравственности, благочестия и справедливости. Но одновременно как божественные принципы К. воспринимал общую пользу, спокойствие, мир и тишину и поэтому не допускал мысли о том, что истинная вера или истина вообще может быть установлена путем насилия. Свои победы К. видел не как процесс торжества истины, но лишь как пример, под влиянием к-рого все люди должны самостоятельно прийти к правильным суждениям и избрать ту веру, к-рую пожелает их душа. В торжестве истинной веры К. видел именно заслугу Божественного Промысла, но никак не результат военно-политических или иных усилий гос-ва (*Ibid. II 28, 56*). В связи с этим К. настаивал на сохранении мирного сосуществования различных религ. общин и лишь мирной конкуренции между ними, фактически оставляя окончательное торжество христианства на волю Божественного Провидения. Принципы, отраженные в посланиях 324 г., были впервые провозглашены еще эдиктами 311-313 гг. Однако теперь, спустя десятилетие, К. с большей уверенностью представил сложную аргументацию в пользу этих идей, что свидетельствует об интеллектуальной работе, которую за прошедший после победы над Максенцием период проделали и сам император, и его советники. Принципами толерантности, религ. мира и стремлением к полному отказу от насилия в этой сфере К. руководствовался на протяжении всего последующего правления. Тем не менее внедрение этих концепций на практике создавало не только преимущества, но и целый ряд сложностей. К. пришлось не только заявлять о толерантности, но и определять ее границы; подвергать наказаниям, пусть и мягким, религ. лидеров, так или иначе не поддерживавших миролюбие императора и угрожавших нарушить провозглашенный К. религ. мир, либо тех, чьи высказывания и действия были оценены правительством К. как угроза миру.

К. как «епископ внешних» и «общий епископ»

(Peterson. 1935; Straub. 1939; Idem. 1967; Jones. 1948. P. 204-222; Caron. 1975; Drake. 2000. P. 226-227, 377; Дагрон. 2010. С. 166-176). К. до самой смерти не принимал крещения по церковному обряду. Этот факт делает определение статуса К. в Церкви весьма сложной проблемой, т. к. формально он был вне Церкви. Это положение было его сознательным выбором и опиралось на ряд неких важных соображений как государственного, так и личного характера. Современники выделили двусмысленность статуса императора и по-разному стремились ее объяснить. Евсевий неоднократно подчеркивал благочестие и религиозность императора: «Известно, что он и свой дворец устроил по образу Божия храма и сам предлагал пример усердия тем, кто собирались в нем; он брал в руки священные книги и обращал свой разум к размышлениям над богодухновенными изречениями, затем совершал установленные молитвы вместе со всем своим двором»; «как некий сопричастник священнодействий, он ежедневно заключался во внутренних царских покоях и там наедине беседовал с Богом, преклоняя колена, в смирении своими мольбами испрашивал благословения на то, в чем нуждался» (Euseb. Vita Const. IV 17, 22). Описанная здесь атмосфера увлечения императора мистицизмом и его религ. рвения скорее всего достоверна. Все же остается неясным, какие именно молитвы возносил К. в своем дворце и насколько они были близки к христианству, тем более что Евсевий не упоминает о присутствии христ. клира, а лишь говорит о «подобии» придворного ритуала церковному. Важно также, что К. демонстрировал свои отношения с Богом как личный контакт, не связанный посредниками в виде жрецов или священнослужителей, и даже запретный для них. Сам К. был убежден в своем избранничестве Богом: «Мое служение Он избрал и нашел годным для исполнения Его воли» (Ibid. II 28). Тем самым К. явно ставил себя и свое положение выше священства. К., видимо, никогда не подчеркивал это публично, но по меньшей мере считал такое поведение верным в сфере придворного обихода, и находившиеся во дворце христиане (в т. ч. Евсевий) могли это видеть. Евсевий и его современники-христиане видели в поведении К. прежде всего демонстрацию расположения к ним, и сам К. это поощрял. Евсевий и, по-видимому, абсолютное большинство епископата были готовы смириться с неясным «внешним» статусом К. В терминологии придворных панегириков К. епископы наравне с гос. чиновниками и правителями провинций получили высокое звание архонтов (ἄρχοντες), т. е. официально были признаны как часть обладающего властью высшего класса общества. Поэтому уже сам факт открытого союза императора с Церковью и особого внимания к ней был для христиан бесспорно огромным успехом, в то время они едва ли могли себе позволить желать большего.

Возвращение Св. Живоначального Креста Господня. Фреска в Св. Креста (Ставрос-ту-Агиасмати) на Кипре. 1494 г.

Известно, что имп. власть в Римской империи обладала сакральным статусом. Жреческий сан верховного понтифика и ряд др. священнических привилегий были неотъемлемой частью властных полномочий императора. Дворец императора именовался «божественным домом» (domus divina) и как таковой сопоставлялся с храмами; придворные церемонии рассматривались как вид религ. ритуала (ритуал священного дворца; *secrī palatii ritus*) (Altöldi. 1934; Straub. 1939). Провозгласив толерантность и поддерживая христиан, К. никогда не отказывался от этих традиционных религ. прерогатив. В соответствии с представлениями того времени религ. элемент в имп. власти был необходим и никак не противоречил политике К. Даже языческий рим. сенат соглашался с религ. порывом К. и в надписи на арке в его честь указал, что император действовал, руководствуясь «божественным вдохновением» (instinctu divinitatis). Более того, обратившись к союзу с христианами, К. видел необходимость сохранения этого особого священнического статуса уже и в рамках христ. Церкви. Исходя из указаний Евсевия, эти вопросы так или иначе К. обсуждал с епископами. Он, видимо, не настаивал на законодательном закреплении своего положения, но размышлял над этой

проблемой в философских категориях. Одним из объяснений самосознания и принципов К., одновременно игравшего роль политического и религ. лидера, стало его метафорическое определение самого себя как «епископа внешних дел», или «епископа тех, кто вне [Церкви]». Согласно Евсевию, во время одного из совместных пиров с церковными иерархами, обращаясь к ним, К. произнес: «Вы - [епископы] [тех, кто в Церкви; я же - от Бога поставленный [епископ] тех, кто вне» («епископ внешних» - ἄλλ' ὑμεῖς μὲν τῶν εἰσὼ τῆς ἐκκλησίας, ἐγὼ δὲ τῶν ἐκτὸς ὑπὸ Θεοῦ καθεσταμένους (Euseb. Vita Const. IV 24)). Т. о., К. сопоставил положение христ. иерархов на местах как людей, надзирающих над теми, кто внутри Церкви, с собственным статусом и определил себя как «епископа внешних» (ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς). Свой долг К. увидел в том, чтобы заботиться о тех подданных, которые находятся вне Церкви, побуждать их, насколько возможно, вести благочестивую жизнь и принять истинную веру (Straub. 1957). Этот статус тем не менее был связан не только с положением императора в Церкви, но и в значительной мере с его личным отношением к проблеме религ. развития общества в целом.

В высказывании о «епископе внешних» присутствовало также явное сопоставление К. со св. ап. Павлом, который также обратился к вере в результате видения, был призван Господом как «апостол язычников» (т. е. именно «тех, кто вне»). Вероятно формулируя это определение, К. (или Евсевий) сознательно перефразировал выражение из 1-го Послания к Коринфянам, где апостол призывал судить внутренних и оставить суд над внешними (1 Кор 5. 12-13). Т. о., К. (или Евсевий) в этом определении сделал один из первых шагов к сопоставлению себя с апостолами, объясняя свою миссию по модели апостольской проповеди, с тем чтобы привести к христианству подданных империи (Drake. 2000. P. 377). В оценке этого и большинства прочих известных нам высказываний К. мы опираемся на сведения лишь Евсевия и не можем оценить степень их достоверности; говорил ли так о себе сам К., или перед нами результат осмысления деяний К. Евсевием уже после смерти императора, актуальный для его наследников.

Евсевий также писал, что К. служил Церкви и всей империи как «некий общий епископ (букв.- смотритель), от Бога поставленный» (τις κοινὸς ἐπίσκοπος ἐκ θεοῦ καθεστημένος; *Euseb. Vita Const.* I 44; IV 1), который был призван примирять епископов разных областей в случаях их несогласий, созывал Соборы и заседал среди др. служителей Божиих. К. неоднократно обращался к епископам как к своим «братьям», к-рые должны уважать его как своего «сослужителя» (*Ibid.* II 69). К. сознательно стремился продемонстрировать себя именно как «всеобщего смотрителя», чей долг - заботиться обо всех подданных, независимо от их происхождения и языка (*Ibid.* IV 8). При этом разумеется, что сам К., говоря о подданных, имел в виду все население империи, в то время как христиане видели в его заявлениях знак особой заботы исключительно о них и начинали воспринимать императора хотя бы символически, как члена Церкви (*Straub.* 1967. P. 51-53).

С одной стороны, определение К. «общий епископ» может служить важным уточнением характера власти императора в Церкви в той форме, как ее представлял Евсевий и, вероятно, др. придворные К. Скорее всего оно также опирается на слова самого К. или его придворных панегиристов. Т. о., положение императора по отношению к Церкви, согласно представлениям К., должно было иметь сходство со статусом некоего третейского судьи - силы, обеспечивающей единство Церкви и ее управляемость как орг-ции. Разумеется, что столь широкие прерогативы не согласовывались с традициями церковного канонического права и того времени, и тем более позднейшего. С др. стороны говоря о статусе К. как «общего епископа», Евсевий использовал неопределенную формулировку, лишь описывая явление и даже восхищаясь им, но не утверждая его как узаконенное определение. Ни К., ни кто-либо из его советников не стремились закрепить законодательно характер отношений императора к Церкви. Определения императора как «общего епископа» или «епископа внешних» скорее раскрывали некую долгосрочную программу преобразований империи и Церкви, в центре к-рой стояла идея интеграции церковных общин в социальные структуры вселенской Римской империи (*Opitz.* 1935).

В осмыслении положения императора христиане при К. также начали использовать целый ряд ярких метафор, к-рые не воспринимались буквально, но впосл. так или иначе стали нормой монархической идеологии во всех христ. странах. Императора сравнивали с прор. Моисеем и царем Давидом, к-рые некогда также сочетали власть светскую и духовную. Обращение К. к христианству сопоставляли с призванием св. ап. Павла и определяли как получение благословения от Бога напрямую (*Ewig.* 1976). Евсевий как один из лучших панегиристов К. приписывал императору достоинства, свойственные священнику. Он указывал, что К. может именоваться «пророком высшего Царя Бога», «учителем благочестия» (διδάσκαλος τῆς εὐσεβείας), а также правителем на земле от имени Бога, Самого Христа (*Euseb. De laudibus Const.* V 7, 10; *Idem. Hist. eccl.* X 4. 67). Т. о., впервые по отношению к императору в христ. традиции прозвучало определение правителя как наместника Божия на земле, в дальнейшем ставшее ключевым в идеологии монархизма. При этом в отличие от Тертуллиана, который видел правителя как «второго после Бога» (*secundus a Deo*), но подчеркивал прежде всего подчиненность правителя Богу, Евсевий в основном воспринимал идею сопричастности императора божественной власти, к-рая принципиально отличает его от всех людей.

Отношение к традиционным античным религиям после 312 г.

Основой политики толерантности, провозглашенной эдиктами 311-313 гг., было сохранение легального статуса за всеми религ. культурами, ранее признанными Римской империей. На протяжении всего правления поступки К. в религ. сфере сохраняли определенную двусмысленность. Император настойчиво стремился продемонстрировать свое расположение по отношению как можно к большему числу религ. общин разного толка, искал пути к объединению жителей империи под эгидой если не унифицированного общеимперского культа, то хотя бы ряда неких принятых всеми принципов религ. деятельности. До конца правления К. продолжал участвовать в офиц. церемониях гос. рим. культа. Так, летом 315 г. К. принял участие в торжествах по случаю 10-летия своего правления, проходивших в Риме, в традиц. церемониях в честь Юпитера, но отказался присутствовать при кровавых жертвоприношениях (*Euseb. Vita Const.* I 48; *Zosim. Hist.* II 29). В это же время был выпущен медальон из Тицина с погрудным портретом К. с христ. символами.

Важным источником сведений о пропагандистском освещении юбилея 315 г. является программа декора триумфальной арки К., открытой тогда же на площади между Колизеем и храмом Венеры и Ромы в Риме. Это сооружение оставляет общее впечатление полного господства консервативных общественных и религ. взглядов в среде рим. знати и правительства К. Большая часть барельефов на арке была взята с различных рим. памятников эпохи имп. Адриана и Марка Аврелия. Религиозная программа арки определяется использованием традиц. рим. символов Виктории как богини победы. В медальонах арки, также первоначально находившихся на монументах эпохи Адриана, присутствуют сцены принесения жертв Аполлону, Геркулесу, Сильвану и Диане. Головы Адриана заменены портретными головами К. Над средним пролетом арки с обеих сторон помещена надпись о том, что арку как символ триумфа сенат и рим. народ посвятили К., поскольку он божественным вдохновением (*instinctu divinitatis*) и величием разума (*mentis magnitudine*) со своим войском освободил гос-во от тирана. Выражение «*instinctu divinitatis*» привлекло к себе большое внимание исследователей и обсуждалось во мн. работах (напр.: *De Rossi.* 1863; *Lietzmann.* 1937; *Pierce.* 1989; *Hall.* 1998). Большинство ученых сходятся во мнении, что столь обтекаемое описание отношений императора с Божеством было результатом компромисса между традиционалистами-язычниками и прохристианской партией в окружении К. Подобные выражения, как указано выше, часто встречались и в посланиях К. 10-20-х гг. IV в. Каждая из придворных партий вполне могла истолковывать их в свою пользу, сложные отношения внутри рим. элиты не доводили до открытого противостояния.

Т. о., спустя почти 3 года после освобождения Рима все инновации К. в публичной репрезентации имп. власти состояли лишь в неких ограничениях участия императора в жертвоприношениях в честь Юпитера (притом, что на арке

барельефы со сценами таких жертвоприношений были представлены), а также в несколько нарочитом использовании расплывчатых философских терминов в описании отношений гос. власти со сферой божественного. И то и другое вполне могло укладываться в давно сложившиеся традиции рим. религ. политики, которая в кон. II-III в. знала и гораздо более решительные реформы. Тенденция постепенного дрейфа политики и пропаганды К. в сторону христианства очевидна, если знать ход ее развития в следующие 20 лет, но для абсолютного большинства подданных Римской империи в 10-х гг. IV в. она еще была практически не заметна.

Уже в нач. 20-х гг. IV в. К. провел важную реформу, в к-рой сохранилась та же религ. двусмысленность. Согласно имп. эдикту, который был издан в 321 г. (7 марта - в СTh. II 8. 1; 3 июля - в СJS. III 12. 3), по всей империи праздничным днем провозглашался 1-й день каждой недели, к-рый получил наименование «День рождения непобедимого Солнца» (*Dies natalis Solis Invicti*) или кратко «*Dies Solis*» (день Солнца). Всем подданным (горожанам) предписывалось в этот день воздерживаться от работ и посвящать время отдыху и молитвам верховному божеству. Тексты молитв Единому Богу также были обнародованы и скорее всего проходили личное утверждение К. (СTh. II 8. 1; СJS. III 12. 22; *Euseb. Vita Const.* IV 18-20; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 8). Как свидетельствует Евсевий, христиане праздник восприняли как посвящение выходного дня Спасителю и Его воскресению. Впосл. во всех христианских странах праздник сохранился именно с таким смыслом как день Воскресения. Тем не менее в ряде западноевроп. языков сохранилось его первоначальное название - *Dies Solis* (нем. Sonntag; англ. Sunday), а также посвящение праздника Единому Богу (итал. Domenica; испан. Domingo; франц. Dimanche; все от лат. *dies Dominicus*; греч. Κυριακή). Следует отметить, что первоначальный смысл введения праздника был далек от ортодоксального христианства и в большей степени соответствовал развитию общеимперского культа *Sol Invictus*, к-рый был провозглашен главным божеством империи еще при имп. Аврелиане (270-275) и с тех пор официально оставался таковым. В то же время формулировки эдикта К. и обнародованных им молитв Верховному Единому Богу были вновь столь расплывчаты, что могли устроить практически все религ. общины империи, в т. ч. и христиан.

К. сохранял определенный интерес к культу *Sol Invictus* почти до конца своего правления; до 325 г. на монетах его изображали вместе с *Sol Invictus* или вместе с *Divus Comes Augusti* (Божественный Предводитель Августа) (*Bruun.* 1962; *Idem.* 1991). На церемонии освящения К-поля в 330 г. К. был в диадеме в виде солнечных лучей (известна в иконографии Аполлона и *Sol Invictus*); в церемонии участвовали 2 приближенных к К. философа-неоплатоника - Сопатр и Претекстат. В новой столице почитали также богиню Тюхе, традиц. покровительницу городов античного мира. На вершине колонны К. стояла статуя императора, который держал в руках фигуру Тюхе. В К-поле находились алтари, посвященные Тюхе и Диоскурам. Кроме того, по-видимому, акрополь древнего Византия был оставлен К. без изменений, и там еще до кон. IV в. находились храмы Гелиоса, Артемиды-Селены и Афродиты, основанные (или перестроенные) имп. Септимием Севером в нач. III в. (*Ioan. Malal. Chron.* P. 345-346).

Триумфальный вход Константина Великого в Рим.
Рельеф Арки Константина, Рим. 312–315 гг.

Т. о., религ. политика К. на протяжении большей части его правления не сводилась к простому, хотя бы и «постепенному» отрицанию язычества и утверждению христианства, но скорее была направлена на поиски путей развития некоего обновленного общеимперского культа. В нем свою роль должны были сыграть и прежде внедренное почитание *Sol Invictus*, и христианство, и ряд др. религ. традиций (митраизм, иудаизм). При этом по крайней мере до сер. 20-х гг. IV в. К. воспринимал христ. общины лишь как часть этого процесса духовного обновления, как важнейших, но не единственных своих союзников. Примером некоторого равноправия различных законных религ. движений в империи при К. может быть его политика в отношении иудеев. Осознавая принципиальные отличия иудаизма от христианства, К. поддерживал любые формы законодательного изолирования иудейских общин от христиан. Он одобрил установление

празднования христ. Пасхи отдельно от празднования евр. пасхи (*Euseb. Vita Const.* III 18; *Theodoret. Hist. eccl.* I 9). К. жестко выступал против иудейского прозелитизма. Законом от 18 окт. 315 г. предписывалось сжигать иудеев живыми, если они как-либо будут угрожать своим бывшим единоверцам, перешедшим в христианство. Позднее подобные запреты неоднократно повторяли, хотя наказания были смягчены (СTh. XVI 8. 1, 5; 9. 1). В то же время политику К. невозможно определить как антииудейскую. Вводя различные ограничения для иудеев, К. в основном стремился лишь сократить возможности для их влияния на общество, в первую очередь на христиан. В то же время К. воспринимал иудаизм как особую древнюю и, следовательно, законную религию, к-рая может пользоваться определенным статусом и покровительством со стороны гос-ва. Так, в 321 г. представителей от общины иудеев было разрешено вводить в состав городских советов (СTh. XVI 8. 3). Наиболее важные эдикты были приняты К. 29 нояб. 330 и 1 дек. 331 г. Согласно этим актам, иудейские патриархи, священники и все прочие служители синагог освобождались от общественных обязанностей (СTh. XVI 2. 2, 4). Т. о., по крайней мере к концу правления, когда положение христиан уже укрепилось, К. реализовывал в отношении иудеев принципы, подобные тем, что осуществлялись им применительно к христианам в 10-х гг. IV в.

Комплекс сведений, которыми мы располагаем, дает возможность видеть, что отношение К. к различным проявлениям античной языческой религ. культуры также было дифференцированным. Поддерживая почитание *Sol Invictus*, К. в ряде традиц. культов империи видел явные пережитки некоего варварства и стремился ограничить их влияние на общество. В их число входили мн. культы

древнего Рима с их кровавыми жертвоприношениями, а также традиции рим. Востока, в к-рых поощрялись те или иные формы поведения человека, недостойные с т. зр. общепринятой морали, в т. ч. членовредительство, храмовая проституция и т. п. Эти традиции К., видимо, воспринимал как слишком архаичные, примитивные, антиэстетичные, экстремистские, лишённые подлинного духовного смысла и во всяком случае бесполезные для воплощения его религиозно-политических идеалов. В сер. 20-х гг. IV в. К. писал персид. шаху, что он избегает гнусной крови и ненавистных запахов языческих жертвоприношений и вместо этого поклоняется Всевышнему Богу, преклоняя колени (*Euseb. Vita Const. IV 10*). Время от времени К. издавал запреты на те или иные виды публичных языческих богослужений и закрывал различные храмы. В то же время стоит отметить, что эти ограничения носили довольно мягкий характер и касались в основном лишь публичных проявлений религ. культов, но никак не затрагивали индивидуальных взглядов язычников, к-рые вполне могли сохранять свои убеждения, не заявляя о них публично.

Константин Великий и образ Sol Invictus. Медальон 313 г. (Кабинет медалей Национальной б-ки, Париж)

Большое внимание специалистов привлекло сообщение Евсевия о том, что, вероятно, в 324 или 325 г., вскоре после победы над Лицинием, К. запретил любые виды языческих кровавых жертвоприношений (прежде всего принесение в жертву животных - *Euseb. Vita Const. II 45*). Подобный запрет издал в 341 г. имп. Констанций II, обосновывая законность такой меры тем, что ранее уже действовал эдикт К. (СTh. XVI 10. 2). Однако эти сведения входят в прямое противоречие с посланиями К. к жителям Востока империи, к-рые были написаны в 324-325 гг. и также приведены Евсевием. В посланиях К. настаивал на соблюдении общего религ. мира и невозможности препятствовать кому-либо в служении Богу или богам так, как каждый считает нужным (*Euseb. Vita Const. II 28, 56*). Среди исследователей до наст. времени продолжается полемика относительно достоверности сообщения Евсевия об этом эдикте К. Нек-рые специалисты считают, что запрет был действительной мерой, в то время как в послании К. лишь вел пропагандистскую игру (*Barnes. 1981. P. 210; Idem. 1984; Zahn T. Konstantin der Grosse und die Kirche // Konstantin der Grosse. 1974. S. 85-108*). Другие высказывали мнение о недостоверности сообщения Евсевия (*Drake. 1976. P. 65; Burkhardt. 1880. S. 384*). Возможно также, что запрет был опубликован, но в кон. 324 - нач. 325 г., по мере получения К. информации о положении дел на завоеванном Востоке, он мог быть отменен (*Errington. 1988*). Вероятно также, что сообщение Евсевия о запрете является его ошибкой, она могла быть вызвана неверными сведениями или даже слухами, к-рые провинциальный епископ в 324 г. узнал из третьих рук, но позднее счел нужным сохранить для создания в «Житии Константина» дополнительного впечатления прохристианского направления деятельности императора (ср.: *Geffcken. 1929. S. 94, 279*).

Тем не менее серию репрессивных мер в отношении языческих культов на Востоке К. все же провел (*Errington. 1988; Gaudemet. 1990; Bradbury. 1994; Barnes. 2002*) после утверждения своей власти на Востоке империи в 324 г. и I Вселенского Собора. Основные сведения об этих гонениях содержатся в сочинениях Евсевия (*Euseb. Demonstr. IV 135c - 136a; Idem. De laudibus Const. VII 1; VIII 1; Idem. Vita Const. II 50, 54; III 54-58; IV 39*), а также у историков V в. (*Socr. Schol. Hist. eccl. I 18; Sozom. Hist. eccl. I 8; II 5; Chron. Pasch. P. 525-526*).

По приказам К. были закрыты храмы и запрещены пророчества оракулов Аполлона в Дидимах близ Милета и в Дафне близ Антиохии, а также Асклепия в Эгах Киликийских. Храмовые статуи Аполлона, Пана и др. божеств были вывезены из святилища в Дельфах и отправлены в строящийся К-поль. Тем самым древние храмы были десакрализованы и дальнейшее исполнение культа в них стало невозможным. Кроме того, в Финикии и Сирии были закрыты и, видимо, частично разрушены храмы Юпитера-Зевса и Афродиты в Гелиополе (Баальбеке), а также Астарты-Афродиты и Адониса в Афаке. В это же время в ходе формирования христианских паломнических центров Св. земли в Иерусалиме был разрушен храм Афродиты и на его месте возведена базилика Воскресения Господня. Иоанн Малала также утверждал, что на акрополе Византия К. закрыл храмы Гелиоса, Артемиды-Селены и Афродиты, хотя эта информация может быть недостоверной и относиться к более позднему времени (*Ioan. Malal. Chron. P. 324. 1-4*).

Подвергшиеся репрессиям К. культы в основном состояли из 2 групп. В первую вошли храмы Аполлона и оракулы, о которых было известно, что они участвовали в оправдании прежних гонений на христиан в нач. IV в. либо так или иначе поддерживали императоров - противников К. В посланиях К., а также Евсевий неоднократно сетовали на ложные пророчества, соблазнившие многих в предшествующие годы (*Euseb. Vita Const. II 50, 54; Idem. Demonstr. IV 135c - 136a; ср.: Lact. De mort. persecut. XI 7-8*). В начале своего правления К. демонстрировал почтение именно к Аполлону и использовал его в своей пропаганде. Вероятно, теперь столь непримиримое отношение К. к этому культу должно было подчеркнуть для всех подданных откровенный разрыв К. с религ. политикой до 312 г. и провозглашение затем «толерантности».

Вторая группа культов была связана с Финикийско-Палестинским регионом. Здесь особенно важными для К. оказались святилища Астарты-Афродиты в Гелиополе (Баальбеке) и Афаке, крупнейшие по масштабам во всей империи, обладавшие высоким статусом среди традиц. культов и, вероятно, тоже связанные с оправданием гонений на христиан. Евсевий утверждал, что в Гелиополе было закрыто святилище Афродиты, но, возможно, его сведения не вполне достоверны, поскольку археологами установлено, что при К. перестраивался основной храм Юпитера-Зевса. Евсевий уверяет, что

Жертвоприношение Диане. Рельеф Арки Константина, Рим. 312–315 гг.

возведенная в Гелиополе базилика была великолепной (*Euseb. Vita Const. III 58*). Строительство христ. храма на месте десакрализованного языческого было редкостью при К. Такие проекты были реализованы лишь в Гелиополе и Иерусалиме, следов., у К. и его советников по религ. вопросам было особое отношение к этим городам. При этом, если значение Иерусалима в контексте христ. традиции очевидно, то причина столь большого внимания к Гелиополю остается неясной из-за недостатка источников.

Мотивы закрытия святилищ в Афаке и Гелиополе тоже не вполне ясны. Для культа этих мест были характерны обряды «священного брака», а также традиция оскпления мистов, что К. мог воспринимать как явное нечестие, прикрытое «древней традицией». Именно на эти обычаи указывают Евсевий, Сократ и Созомен в качестве причины закрытия храмов (*Euseb. Vita Const. III 55; Socr. Schol. Hist. eccl. I 18; Sozom. Hist. eccl. II 5*). Однако известно, что и эти обряды, и проч. ритуалы «экстремального» характера практиковались во

мног. храмах и культах по всей империи, и Афака и Гелиополь никогда не были исключением. Но местный культ Афродиты и Адониса был центром паломничества язычников, известным во всей империи, и, возможно, К. опасался некой конкуренции между финик. храмами и христ. Иерусалимом.

Еще одним знаковым событием стала передача сооружений ниломеров в Александрии и, вероятно, в некоторых др. городах Египта в ведение христиан (*Socr. Schol. Hist. eccl. I 18; Sozom. Hist. eccl. I 8*). Эта акция выглядела как некое унижение для егип. культов, прежде всего для храма Сераписа в Александрии, жрецы которого на протяжении многих веков заведовали измерениями уровня воды в Ниле.

Евсевий несколько преувеличил масштабы преследований, заявляя, что чиновники и карательные отряды, посланные К., достигли каждого храма и пещеры, чтобы уничтожить их (*Euseb. Vita Const. III 57*). В действительности гонения носили выборочный характер и, как и большинство др. акций К., были продиктованы преимущественно политическими причинами. Закрытие храмов означало для К. прежде всего ликвидацию влиятельных коллегий жрецов, к-рые активно выступали против христиан и теперь потеряли доверие имперской власти. Параллельно с репрессиями проводилась и конфискация храмовых сокровищ, секуляризация земельных и проч. владений, к-рые были переданы в ведение гос-ва. Собственностью государства были провозглашены все золотые, серебряные и бронзовые статуи в храмах; для их оценки в каждой провинции назначили 2 чиновников. Часть статуй была отправлена на переплавку для чеканки монет. Те из них, к-рые воспринимались как ценные произведения искусства, были оставлены для украшения общественных зданий и улиц К-поля (*Ibid. III 54; Euseb. De laudibus Const. VIII; Lib. Or. 30. 6*). Все эти мероприятия должны были ослабить влияние традиционного жречества на общественную жизнь империи, уравновесить положение консерваторов-язычников и реформаторов-христиан, но более всего эти меры означали укрепление позиций гос-ва в его новой религиозной политике, а также получение новых возможностей для гос-ва, несмотря на провозглашенную толерантность, незаметно контролировать религиозную жизнь. После сер. 20-х гг. IV в. К. не возобновлял гонений против язычников, видимо посчитав свои задачи в этой сфере выполненными. Нек-рые исследователи считают, что гонения на язычников были устроены К. позднее, уже в 30-х гг. IV в., поскольку К. постепенно якобы разочаровался в методах политики толерантности и был недоволен устойчивостью языческих традиций, к-рые он рассчитывал сломать своей прохристианской политикой (ср.: *Altöldi. 1948*). В целом это представление выглядит произвольным и не находит прямых подтверждений в источниках.

Константин и христианская Церковь

Законодательство

(*Seeck. 1909; Idem. 1919; Gaudemet. 1947; Idem. 1957; Idem. 1990; Dorries. 1954; Ehrhardt. 1955; Dupont. 1967; MacMullen. 1986; Elliott. 1996. P. 97-116*). На протяжении правления К. ни разу не выступил с инициативами проведения к.-л. крупных реформ в правовой сфере. Вместе с тем его новаторская религиозная политика нуждалась в ряде новых законодательных установлений, которые могли бы, с одной стороны, послужить основой для реализации принципов религ. мира, а с другой - продемонстрировать особое отношение императора к христ. общинам. Начало прохристианским законам К. было положено уже в 312 г., когда было издано распоряжение о возвращении христианам всего имущества, отнятого у них в период гонений с 303 г. Первоначально этот акт касался только Североафриканской Церкви, но в дальнейшем эти же меры реализовывались на всех территориях империи, которые постепенно переходили под власть К. 21 и 31 окт. 313 г. были изданы эдикты, подтверждавшие прежние распоряжения об освобождении клириков-христиан от общественных обязанностей (СТh. XVI 2. 1-2; *Euseb. Hist. eccl. X 7*). В 315 г. все христ. церковные здания были освобождены от имущественного налога. Эти меры оказались столь привлекательны для населения, что количество клириков в различных городах империи начало стремительно расти. Вскоре К. был вынужден издать распоряжение об ограничении числа клириков при христ. храмах; новых клириков разрешалось принимать только на место умерших. 1 июня 326 г. был издан запрет на освобождение от общественных обязанностей к.-л. категорий граждан, включая клириков. Были также строго регламентированы правила замещения постов умерших клириков, причем выходцам из семей декурионов (наиболее высокопоставленной категории горожан) вступать в клир взамен умерших клириков было запрещено (СТh. XVI 2. 6).

В 318 г. церковный суд был приравнен в правах к государственному в тех случаях, когда обе конфликтующие стороны соглашались обратиться к нему. Церковному суду также передали преимущественные права в рассмотрении

апелляций (CTh. I 27. 1; Const. Sirm. 1; *Sozom. Hist. eccl.* I 9). Это нововведение едва ли могло найти широкое применение в реальном судопроизводстве, но имело значение для утверждения высокого статуса церковных судебных органов, а также для повышения контроля государства за внутренней жизнью христ. общин.

Законами от 8 дек. 316 (дата спорная) и 18 апр. 321 г. (CJC. I 13. 1; CTh. IV 7. 1) К. даровал христианскому клиру право объявлять об освобождении рабов в храме (*manumissio*). Церковь получила возможность обходить судебные препятствия в тех случаях, когда рабы-христиане стремились к освобождению, но сталкивались с противодействием со стороны своих владельцев.

Нек-рые меры К., видимо, были продиктованы растущим влиянием христиан на рим. общество и стремлением закрепить атрибуты поведения христианина (в основном лишь внешние). Закон от 15 мая 319 г. (CTh. XVI 10. 1) запрещал гадания в частной обстановке; в то же время публичные гадания жрецов по-прежнему считались дозволенными. Когда в амфитеатр в присутствии К. ударила молния, он законом от 17 дек. 320 г. запретил проводить гадания по этому случаю (CTh. XVI 10. 1). Интересам аскетов различного толка, в т. ч. и первых монахов-христиан, должен был служить принятый К. закон от 31 янв. 320 г., отменявший специальные налоги на безбрачие, введенные некогда имп. Августом; закон не касался бездетных семей (CTh. VIII 16. 1; *Euseb. Vita Const.* IV 26; *Sozom. Hist. eccl.* I 9). 1 окт. 325 г. был издан запрет на проведение гладиаторских боев, вероятно, в связи с общим запретом на любые виды кровавых жертвоприношений (CTh. 15. 12. 1; *Euseb. Vita Const.* IV 25; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 18; *Sozom. Hist. eccl.* I 8). Запрет фактически не исполнялся или по крайней мере был существенно смягчен после смерти К. Гладиаторские бои в Римской империи были окончательно запрещены лишь имп. Гонорием в нач. V в. (*Theodoret. Hist. eccl.* V 26). Был введен запрет на распятие как на форму казни; оно было заменено казнью через повешение (*Aur. Vict. De Caes.* 41. 3-4; *Sozom. Hist. eccl.* I 8). 21 марта 315 г. К. запретил клеймить лица осужденных; предписывалось ставить клеймо на ноги арестантов (CTh. IX 40. 2). Такой же тенденции к гуманизации наказания преступников был подчинен указ К. об обязательной прогулке для заключенных. Среди социальных нововведений, принятых под влиянием христианства, наиболее важен был закон о запрете конкубината, изданный 21 июля 336 г. и ставший в исторической перспективе очень важным шагом на пути к равноправию мужчин и женщин (CTh. IV 6. 3; CJC. V 27. 1). С этого момента рим. право признавало только одну форму брака, которая подразумевала равенство социального статуса и взаимную имущественную ответственность супругов.

В целом эти реформы не носили сколько-нибудь фундаментального характера. По мнению Т. Эллиотта, К. не рассматривал законодательную деятельность как способ христианизации общества и не пытался создавать условия для принуждения к принятию христианства. Общая перестройка жизненного уклада рим. общества на основе христ. ценностей была еще впереди. Законы К. носили в основном лишь косметический характер, издавались от случая к случаю, как правило для решения конкретных практических вопросов; они укладывались в общую концепцию его политики религ. толерантности. При этом одним из главных мотивов для издания этих актов было стремление К. лишь избавить рим. общество от различных крайних проявлений как архаичной религиозности (жертвоприношения, гладиаторские бои, храмовая проституция), так и бытовых обычаев, не отвечавших более идеалам нравственности обновленного общества (запрет конкубината).

Донатистский спор

(см. также ст. Донатизм, Карфаген, Карфагенские Соборы) (*Soden.* 1913; *Jones.* 1948. P. 103-125; *Maier.* 1987; *Brennecke.* 1989; *Girardet.* 1989; *Elliott.* 1996. P. 75-95; *Boojarra.* 1998). Большинство вопросов, к-рые решал К. в отношении Церкви, носили практический характер. Не имея к.-л. продуманного «плана реформ», правительство К. постоянно сталкивалось с насущными проблемами и в ходе их решения постепенно вырабатывало новые модели взаимоотношений обновленного имперского гос-ва с христианами.

Первой проблемой, с к-рой столкнулся К., стала борьба в Карфагенской Церкви в связи с движением донатизма. К 312 г. Церковь Сев. Африки была разделена на 2 партии, возглавляемые епископами Цецилианом и Майорином. Партия Майорина (позднее известна как донатисты) стремилась бороться за строгую чистоту рядов церковного клира и изгнание из Церкви всех, кто к.-л. образом сотрудничал или шел на компромиссы с властями в период недавних гонений на христиан. Однако церковная власть в лице еп. Мензурия Карфагенского (ум. 307/308 или 311/312), а затем Цецилиана в период гонений находилась в руках умеренной партии; ее лидеров сторонники Майорина окрестили предателями (*traditores*). Осенью 312 г., находясь в Риме и, видимо, получив первые сведения об этом конфликте, К. поддержал главу умеренной церковной партии - Цецилиана. Он распорядился вернуть клиру Цецилиана храмы и проч. владения, отнятые у него ранее, выдать Цецилиану на нужды Церкви 3 тыс. фоллисов и заверил его не только в своей поддержке, но и светских властей Африки. Другую партию К. назвал «людьми с неустойчивыми мыслями», отравившими многих от Церкви; император угрожал наказанием приверженцам еп. Мензурия (*Euseb. Hist. eccl.* X 5. 15-17; 6). Из сохранившихся распоряжений К. по этому поводу не ясно, в какой мере император был знаком с богословской проблемой, лежавшей в основе конфликта. Возможно, К. просто стремился поддержать некий *status quo* в Церкви и порядок на улицах городов и для этой цели попытался опереться на те силы, которые находились у власти в Церкви прежде (см.: *Drake.* 2000. P. 214-216). В этих распоряжениях К. ссылался на существовавшую практику возврата имущества Церквам, пострадавшим при гонении (*Euseb. Hist. eccl.* X 5. 15). Скорее всего тот же набор мер (возврат церковной собственности, финансовая поддержка) К. и его лояльные к христианам соправители в те же годы предпринимали для реабилитации христ. общин после отмены гонений по всей империи (ср.: *Idem. Vita Const.* II 46). Т. о., мотив этих решений К. прежде всего был юридическим, поскольку речь шла о возврате имущества его законному владельцу, а не религиозным. Вместе с тем К. мог специально для проконсула Африки Анулина и его чиновников (очевидно, в большинстве язычников) выставить именно имущественный аспект этого дела на первый план, т. к.

ссылки на покровительство К. Церкви не только не имели формальной юридической силы, но и могли быть неверно истолкованы исполнителями приказов К.

В апр. 313 г. противники Цецилиана обратились к К. с просьбой рассмотреть их конфликт в третейском суде, к-рый должны были возглавлять епископы из Галлии, где общины не пострадали от гонений (*Optat. De schism. donat. I 22-23; Aug. Ep. 88. 2*). К. передал дело на рассмотрение соборного суда во главе с папой Римским Мильтиадом (*Euseb. Hist. eccl. X 5. 18-20*). 2-4 окт. 313 г. в Латеранском дворце в Риме (в то время К. был в Августе Треверов) состоялся Собор из 19 епископов из Италии и Галлии, к-рый осудил раскольников (в 313 после смерти Майорина их возглавил Донат) и оправдал еп. Цецилиана (*Optat. De schism. donat. I 22-24*). Донатисты обратились к К. с апелляцией на решение Собора, и 1 авг. 314 г. по его распоряжению в Арелате состоялся еще один Собор, на котором присутствовали епископы всего Запада империи, рассмотревшие те же вопросы и подтвердившие справедливость осуждения донатистов (*Euseb. Hist. eccl. X 5. 21-22; Optat. De schism. donat. App. 3-4*). При организации этого Собора впервые в имперской практике епископам разных областей было дано право воспользоваться гос. почтовой службой для удобства сбора участников в краткие сроки. Несмотря на эти решения, донатисты продолжали требовать личного имп. суда; в его ожидании делегации сторонников еп. Цецилиана и донатистов прожили при дворе К. в Галлии ок. полугода. Весной 315 г., прибыв в Рим, К. затребовал обе партии к себе на суд. К этому времени, вероятно, африкан. чиновники предоставили в распоряжение императора достаточно информации об обеих партиях, и мнение К., прежде поддерживавшего еп. Цецилиана, несколько изменилось. К. получил сведения о том, что хиротония Цецилиана могла быть совершена незаконно; он сообщил донатистам, что примет их сторону, если в суде они докажут хотя бы одно из выдвинутых ими обвинений. Суд был сорван, поскольку еп. Цецилиан, заподозрив угрозу, тайно бежал из Рима в Карфаген. К. настоял на низложении и Доната и Цецилиана и отправил в Карфаген комиссию, в к-рую вошли италийские епископы Евномий и Олимпий, для окончательного разрешения конфликта. К. предполагал прибыть в Карфаген лично, но был отвлечен др. проблемами. В дальнейшем, столкнувшись с продолжением сопротивления донатистов властям, 10 нояб. 316 г. К. издал рескрипт против них, возвратив доверие и церковную собственность партии Цецилиана (текст рескрипта не сохр.; *Aug. Contr. Cresc. III 56. 67; 71. 82; Idem. Ep. 105. 2. 9*). Тем не менее к нач. 20-х гг. IV в. систематические преследования донатистов и беспорядки, связанные с ними, прекратились; К. стремился не применять чрезмерное насилие в решении этой религ. проблемы (*Euseb. Vita Const. I 45*). Донатизм сохранился, добился явного возрождения, и к концу правления К. на сторону донатистов перешло большинство христиан Сев. Африки (*Hieron. De vir. illustr. 93*). По-прежнему стремясь к мирному разрешению конфликта, 5 мая 321 г. К. объявил о легализации общин донатистов (*Euseb. Vita Const. I 45; Aug. Ad donat. post collat. 31. 54; 33. 56*), закрепил за ними права на владения и даже предписывал выплачивать им компенсации за различное потерянное в ходе противостояния имущество. Община донатистов появилась и в Риме. В 336 г. Донат организовал Собор своих сторонников из 270 епископов, к-рый сделал существенную уступку офиц. Церкви, отказавшись от практики перекрещивания еретиков (*Aug. Ep. 93. 43*). Т. о., результатом политики К. в этом вопросе стали фактическое закрепление раскола и сосуществование 2 крупных христ. общин - офиц. Североафриканской Церкви и движения донатистов.

Торжественный въезд в Рим папы Римского Сильвестра. Роспись капеллы Сан-Сильвестро в базилике Санти-Кваторо-Коронати, Рим. 1247 г.

В деле донатистского спора впервые выявились неск. характерных черт церковной политики К., к-рые будут заметны и позднее. Во-первых, имп. власть проявила стремление опираться на некую умеренную, центристскую партию внутри Церкви, к-рая была, или готова к союзу с имперскими властями, или даже уже проявила себя в сотрудничестве с гос-вом (см.: *Drake. 2000. P. 230*). Во-вторых, К. проявил известное непостоянство, готовность рассмотреть ситуацию неск. раз в течение длительного времени и скорректировать свои решения под влиянием к.-л. «вновь открывшихся обстоятельств», а также нежелание способствовать окончательному торжеству к.-л. из церковных партий. В 314 г., получив 2-ю апелляцию донатистов, К. созвал Собор в Арелате, не посчитавшись с авторитетом Римского престола и решением, вынесенным Собором 313 г. во главе с еп. Мильтиадом. В действиях К. помимо прочего проявились и определенная неуверенность императора в церковных вопросах в целом, понимание своей отчужденности от повседневной жизни христиан и потому стремление доверять епископам в такого рода делах и опираться на как можно более широко представленное церковное мнение. В-третьих, К. увидел в Церкви хорошо организованный и сложившийся юридический институт со своей канонической и правовой традицией. Вероятно, на К. произвели благоприятное впечатление соборные заседания, на к-рых церковная иерархия выступила как дееспособный и авторитетный судебный орган, ведущий дело во многом сходным образом с рим. гос. судебным делопроизводством. Эта юридическая основательность Церкви (вовсе не обязательная для религ. общины в рим. обществе) должна была импонировать К., поскольку указывала на явную готовность христиан активно и эффективно взаимодействовать с имперскими гос. и судебными институциями, встроиться в структуру общественных отношений в империи, основанную на мощной традиции рим. права. Вероятно, подобные соображения и ход принятия решений в правительстве К. по донатистскому вопросу стали одной из важных основ в процессе формирования в ту эпоху союза античного гос-ва и христ. Церкви. В-четвертых, в решениях К. заметно нежелание использовать прямую силу в церковных делах. Император либо совсем отказывается от этого, либо в случае необходимости подобного вмешательства стремится ограничить насилие. Вероятно, первоначально это связано с идеологическим противостоянием К. политике императоров-гонителей прежних лет (см.: *Euseb. Vita Const. II 49-54*). Показав себя глубоким реформатором религ. жизни рим. общества, К., судя по всему, понимал неуместность подобных методов в религ. сфере. Столкнувшись с многолетними беспорядками и едва ли не с гражданской войной в Африке, с нач. 20-х гг. IV в. К. стремился в основном

прекратить противостояние партий, сопровождавшееся насилием, и законсервировать конфликт. При этом богословские и проч. внутрицерковные причины возникновения противостояния в глазах К. явно отходили на 2-й план перед утилитарной необходимостью укрепления адм. порядка в провинции. Т. о., власть довольно эффективно проводила в жизнь провозглашенный в 311-313 гг. принцип религ. свободы, поддерживала Церковь как институт, но фактически не становилась на сторону церковных идеологов в тех случаях, когда реализация тех или иных богословских концепций о «чистоте рядов» Церкви могла потребовать физического подавления или даже уничтожения оппонентов.

Помимо этих характерных особенностей деятельности К. в отношении Церкви его политика создала важный прецедент формирования определенной модели церковно-гос. отношений, на к-рую будут опираться мн. поколения христиан позднейших эпох. Впервые при К. проявились и нек-рые из тех черт, к-рые будут определять порядок взаимоотношений светской и церковной властей во всем христ. мире на протяжении мн. веков. Несмотря на все сложности и специфику церковных вопросов, имп. власть с самого начала претендовала на роль главного арбитра в решении внутрицерковных дел, в т. ч. тех, что касались вероучения. К. (как и все его преемники на престоле) внимательно следил за ходом споров между христианами и старался не допускать ситуаций, в которых интересам гос-ва мог быть нанесен ущерб. Созыв судебных заседаний по церковным делам, Соборов, а также утверждение и исполнение их решений стали прерогативой гос. власти. Церковные иерархи могут созывать Собор в частном порядке, но если этот Собор по тем или иным причинам не будет устраивать имперскую власть, он либо не состоится, либо его определения не вступят в законную силу. Т. о., внутрицерковные проблемы оказываются важнейшей причиной, позволяющей имперскому государству поставить Церковь под свой контроль.

Уже первые шаги К. по выстраиванию отношений с Церковью обнаруживают тенденцию к превращению ее в гос. институт, на уровне официальной риторики пользовавшийся легитимным статусом и свободой вероисповедания, но фактически встраиваемый в структуру государства, к-рый в перспективе будет обслуживать в первую очередь его интересы. К. скорее всего понимал опасность этой ситуации и ее возможные негативные последствия. Он стремился сдерживать регулятивные тенденции гос. чиновников в церковных делах (в т. ч. и собственные решения). Тем не менее проблема растущей зависимости Церкви от гос-ва при К. решена не была, и впосл. тенденция к фактическому формированию «государственной Церкви» (нем. Staatskirche) возобладала и в Византии, и в монархических христ. странах Европы в средневековье и Новое время. Описанные выше черты политики К. и ее характерные проблемы лишь обозначились в донатистском деле; более серьезно они проявились в истории борьбы Церкви с арианством.

Арианский спор

(см. также статьи *Арианство*, *Вселенские Соборы*, *Антиохийские Соборы*) (Jones. 1948. P. 136-171; Elliott. 1996. P. 141-215) в отличие от донатистского изначально был богословским диспутом, но к 324 г., когда К. начал править на Востоке, спор уже превратился в острый конфликт, угрожавший расколом внутри неск. крупных христ. общин в Египте, Сирии, Палестине и М. Азии. Методы и ход принятия решений К. по арианскому вопросу в значительной мере похожи на его действия в отношении донатистов. Для К. в этом случае вновь был наиболее важен вопрос не столько присутствия в Церкви ереси, различий в понимании вероучения среди христиан, сколько опасность раскола церковных общин, к-рая могла создать сложности в политике К. по поддержке Церкви, а также бросить тень на саму идею союза империи и христиан.

Кроме того, арианский кризис с самого начала был осложнен политической ситуацией на Востоке. Начав 2-ю войну против Лициния, К. объявил своего противника врагом и гонителем христиан (*Theodoret. Hist. eccl. I 20*). Этот пропагандистский ход К. удался, а победа над Лицинием в 324 г. вполне оправдала справедливость обвинений. Тем не менее конфликты между Церковью и властью при Лицинии не носили систематического характера. В ходе войны с Лицинием К. воспринимал по крайней мере часть вост. епископата как сторонников своего соперника. В нач. 324 г., когда К. собирал свои войска под Фессалоникой, к нему в лагерь явилось церковное посольство из неск. клириков, отправленных еп. Евсевием Никомидийским, вероятно, с санкции Лициния. Возможно, христиане пытались выступить миротворцами и уговорить К. заключить перемирие. Однако он объявил послов шпионами, приказал их арестовать и от переговоров отказался (см. письмо К. к Никомидийцам 325 г.: *Gelas. Cyzic. Hist. eccl. App. 1; Athanas. Alex. De decret. Nic. Syn. 41; Theodoret. Hist. eccl. I 20*). Подозрительность К. по отношению к еп. Евсевию и нек-рым др. иерархам Церкви Востока сохранилась и после победы над Лицинием. Т. о., К. в это время видел во мн. епископах не столько еретиков, сколько потенциально опасную для него «пятую колонну».

Получив сведения об арианском споре осенью 324 г., после победы над Лицинием, К. отправил еп. Осия Кордубского провести переговоры с наиболее авторитетными иерархами Церковью Востока и выяснить подробности дела. В послании к еп. Александру Александрийскому и Арию, переданном через Осия, К. убеждал лидеров церковных общин оставить малозначительные разногласия и прийти к единству (*Euseb. Vita Const. II 63-73; Socr. Schol. Hist. eccl. I 7; Sozom. Hist. eccl. I 16-17; Theodoret. Hist. eccl. I 7*). Вопросы, вызывавшие разногласия, К. определял как «мелочные» и порожденные «страстью к спорам», которые ни в коей мере не должны решаться законодательно (*Euseb. Vita Const. II 71*).

В результате усилий еп. Осия в кон. 324 - нач. 325 г. в Антиохии был проведен Собор, осудивший арианство, но в значительной мере углубивший конфликт, поскольку Собор осудил влиятельного еп. Евсевия Кесарийского. В это же время в

Имп. Константин Великий на I Вселенском Соборе. Сложившие арианские книги. Лист из сборника по каноическому праву. Италия. 825 г. (Biblioteca Capitolare Vercelli. Ms CLXV)

Вифинии (практически на глазах у К., к-рый в то время здесь находился) состоялся Собор под председательством еп. Евсевия Никомидийского, к-рый признал взгляды Ария допустимыми и обратился с примирительным посланием к еп. Александру Александрийскому (*Sozom. Hist. eccl. I 15*). Т. о., демонстрации единства Церкви достичь не удалось. По сути епископы не вняли увещаниям К. и продолжили шаги в сторону конфронтации. Для прекращения споров К. необходимо было созвать общий Собор.

В отличие от ситуации с донатизмом в 325 г. К. решил на этот раз не доверять разбирательство епископскому суду. В нач. 325 г. он объявил о созыве Собора епископов всех Церквей Востока. К. возглавил его организацию и проведение, справедливо предполагая, что его присутствие будет способствовать как согласию участников, так и контролю за ними. Первоначальным местом проведения Собора была объявлена Анкира; спустя неск. месяцев Собор был перенесен в Никею.

На открытии Собора в имп. дворце в Никее К. выступил с приветственной речью перед его участниками (*Euseb. Vita Const. III 12; Sozom. Hist. eccl. I 19; Gelas. Cyzic. Hist. eccl. II 7; ДВС. Т. 1. С. 39-44*). Он говорил на латыни, и его речь

переводили на греческий. Император объявил, что исполняется его давнее желание насладиться воочию присутствием представителей Церкви, не только собранных вместе, но и объединенных общими взглядами и верой. К. заявил, что разногласия среди христиан были восприняты им болезненно, тягостнее всякой войны, и он, как император и сослужитель епископов, стремится к преодолению их. Речь К. была проникнута идеей единства Церкви и ее мира как желанной цели и Собора, и всей имп. политики.

Согласно всем источникам, в ходе составления текста Символа веры К. предложил ввести в него определение о единосущии Первого и Второго Божественных Лиц Св. Троицы, Отца и Сына. К. произнес этот термин по-латыни (*consubstantialis*), что сразу было переведено на греческий (ὁμοούσιος). Происхождение самой идеи об использовании этого понятия в Символе веры неясно, возможно, это был совет еп. Осия Кордубского (*Philost. Hist. eccl. I*). Существует также вероятность того, что К., предлагая этот термин, опирался и на собственные богословские познания. Несмотря на неоднозначность использования термина, единосущие было признано Собором отчасти под влиянием авторитета императора, открыто возражать к-рому многие не решились. Т. о., К. вошел в число соавторов Никейского Символа веры. Но при активном участии К. в Соборе он не являлся формально полноправным членом Собора, поскольку не голосовал за принятие соборных определений и не подписывал их.

Помимо нормативных актов Собора важнейшей новостью в истории христианства было само присутствие и поведение К. на заседаниях. К. «выслушивал всех терпеливо, внимательно принимал предложения, и, разбирая в частности сказанное той и другой стороной, мало-помалу примирил упорно состязавшихся. Одних убеждая, других усовещивая словом, иных, говоривших хорошо, хваля, и каждого склоняя к единомыслию, он, наконец, сообразовал понятия и мнения всех» (*Euseb. Vita Const. III 13*). Участники Собора и позднейшие церковные историки неизменно особо отмечали учтивость императора, его открытость в общении со всеми (*Ibid. I 44; Socr. Schol. Hist. eccl. I 8; Sozom. Hist. eccl. I 20*). Съехавшиеся на Собор лидеры христ. общин Востока еще недавно, как мн. поколения христиан, были гонимы за веру, некоторые из них пострадали и получили увечья. Теперь же они были неожиданно допущены во дворец, оказались среди придворных и правительственных чинов и могли фактически на равных беседовать с рим. императором, видеть его искренний интерес к их убеждениям и взглядам на духовные вопросы. Все это, несомненно, произвело глубочайшее впечатление и на участников Собора, и на всех современников К. Завершение Собора было приурочено к празднованию «биценналий» - 20-летия правления К. Все епископы имели возможность присутствовать на торжествах, участвовать в общем пире вместе с К. и получить подарки из его рук. Поведение К. означало публичную демонстрацию нового высокого статуса христ. Церкви и по сути введение епископата в круг элиты рим. общества. Ряд совр. исследователей подчеркивают, что то, как К. вел себя на Соборах и вообще в отношениях с епископатом, во многом напоминает стиль общения между императорами эпохи ранней Римской империи и членами сената. К., занимавший место в центре зала соборного совещания, был похож на Августа или Цезаря, первенствовавших в сенате и восседавших на особом курульном кресле (*Drake. 2000. P. 227; Seston. 1936; Straub. 1967*). Эти возможные совпадения не означали к.-л. уравнивания положения епископата и сенаторов, но на уровне жеста и церемониала, в понятной всему обществу форме указывали на особый и привилегированный статус епископов, всего христ. церковного клира. Т. о., новая эпоха союза гос-ва и Церкви была начата на уровне не только законодательства, но и представленной всему миру солидарности К. как главы империи с Церковью.

Успех Собора не уничтожил недоверия К. к группе столичных епископов, несмотря на то что все они так или иначе поддержали Символ веры. Спустя 3 месяца после Собора К., видимо, получил сведения о продолжении контактов Евсевия Никомидийского, Феогния Никейского и неск. др. епископов с некими арианами. Об этих событиях известно из гневного письма К., отправленного христ. общине Никомидии, в к-ром император обвиняет еп. Евсевия в нечестии и объявляет о низложении и ссылке его, Феогния, Мария Халкидонского и неск. др. иерархов (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar. 7; Idem. De decret. Nic. Syn. 41; Philost. Hist. eccl. I 10; Gelas. Cyzic. Hist. eccl. III. App. 1; Theodoret. Hist. eccl. I 20*). Из письма К. и др. немногочисленных сведений об этом эпизоде известно, что Евсевий принимал у себя неких богословов-ариан, высланных из Александрии и находившихся в Никомидии под надзором. Политический подтекст в письме К. проявляется в упреках Евсевию в том, что епископ был союзником тирана (т. е. Лициния) и, следов., соучастником в его преступлениях против христиан, подсылал шпионов к К. и вообще как будто бы поддерживал

Лициния в период его войны с К. Учитывая не слишком большой вес церковного проступка Евсевия (всего лишь контакты с опальными) и явную значимость политических претензий К. к нему, можно предполагать, что Евсевий и др. епископы были низложены скорее по политическим мотивам, а их связи с арианами К. мог использовать как предлог. Вероятно, осенью 325 г. К. все еще опасался сохранения оппозиции на Востоке, проводил карательные кампании и вел себя подозрительно даже в отношениях с родственниками (ср. казни Криспа и Фавсты в 326). В связи с этим влиятельная прежде партия еп. Евсевия могла восприниматься К. как опасная сила, к-рую было желательно устранить, что он и сделал. Впрочем, для окончательного определения причин опалы партии еп. Евсевия сведений недостаточно.

По итогам Никейского Собора 1 сент. 325 (или 326) г. К. издал особый конституционный акт (CTh. XVI 5.1; *Euseb. Hist. eccl.* III 64-66; *Sozom. Hist. eccl.* II 32). Согласно ему, Символ веры становился определяющим документом в отношениях гос-ва и христиан. Все общины, движения и секты, связанные с христианами, но не подтвердившие соборные постановления, объявлялись исключенными из числа законных общин, пользовавшихся поддержкой гос-ва. Был объявлен запрет на собрания христиан вне офиц. Вселенской (Кафолической) Церкви, в т. ч. новациан, валентиниан, маркионитов, павлиан, катафригийцев (монтанистов); их храмы подлежали конфискации. Впрочем, в число официально преследуемых не были включены донатисты, а вскоре законным движением были признаны и новациане, после того как их еп. Акесий на встрече с К. подписал Символ веры (CTh. XVI 5.2; *Euseb. Vita Const.* III 64).

К. между никейским православием и арианством (325-337)

(*Chadwick.* 1948; *Jones A.* 1948. P. 172-203; *Leroy-Molinghen.* 1968; *Luibhéid.* 1976; *Idem.* 1978; *Barnes.* 1978; *Hanson R. P.* 1984; *Hall S.* 1986; *Elliott.* Constantine and the «Arian Reaction after Nicaea». 1992; *Idem.* 1996; *Drake.* 1986; *Idem.* 2000). Никейский Собор был кульминацией деятельности К. в сфере отношений с Церковью. Тем не менее известно, что в последующие годы К. проявил склонность к пересмотру отдельных соборных решений и, согласно впечатлению, отраженному церковно-исторической традицией, постепенно перешел от поддержки никейского вероисповедания к арианству. Объяснение этой постепенной смены направления церковной политики К. представляет собой сложную проблему, которая во многом остается не разрешена до сих пор ни в церковной, ни в светской науке.

Христ. историография столкнулась с этой проблемой уже в кон. IV-V в. В арианской традиции сформировалась некая легенда о том, что К. переменил мнение о вере под влиянием сна (*Sozom. Hist. eccl.* III 19); эта версия была отвергнута православными. Православные церковные историки IV-V вв. видели в этих событиях в основном результат обмана К. «коварными интриганам-арианами», к-рые притворно раскаивались и поддерживали Символ веры из карьерных соображений. Так, в рассказах Сократа Схоластика и Созомена важное место занимают покаянные письма к К. низложенных Евсевия Никомидийского, Феогния Никейского и Ария, в которых они признают правоту Собора и за это получают возможность вернуться на свои кафедры. Также, согласно версии церковных историков, за Ария вступилась августа Констанция, к-рая якобы убедила К. смягчить свои решения (*Ruffin. Hist. eccl.* X 11; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 14, 25-26; *Sozom. Hist. eccl.* II 16, 27). Тем не менее вся эта «теория обмана» представляется психологически неубедительной. Ее авторы пытаются показать, что такого искушенного политика, как К., можно было в чем-то убедить советами родственников или подобными «чистосердечными» письмами.

Еп. Феодорит Кирский, не довольствуясь «теорией обмана», предпринял немалые усилия, чтобы создать у читателей ощущение непричастности К. к церковным событиям последних лет его правления и тем самым к некой минимизации арианской проблемы. В описании Никейского Собора он не упомянул о ссылке Ария и его сторонников. Затем, по Феодориту, вскоре после Собора умер еп. Александр Византийский и его престол незаконно захватил Евсевий Никомидийский по наущению Ария. К. же в ответ написал гневное письмо против Евсевия и Феогния и лишил их кафедр (*Theodoret. Hist. eccl.* I 20-21). Феодорит сместил события по времени и тем самым придал им иной смысл. Известно, что еп. Александр пережил К. и умер в авг. 337 г., а Евсевий занял престол в К-поле в 338 г. уже с санкции имп. Констанция II, вместо проникийского еп. свт. Павла Исповедника. Письмо К., к-рое приводит Феодорит, написано не в связи с этими событиями, а осенью 325 г., когда К. принял решение о ссылке епископов Евсевия и Феогния.

Тема обмана и интриг стала основной и в рассказах о Тирском Соборе 335 г. (*Socr. Schol. Hist. eccl.* I 28-35; *Sozom. Hist. eccl.* II 25-28; *Theodoret. Hist. eccl.* I 29-31). Церковные историки почти не уделяли внимания богословию Собора и даже освящению храма Гроба Господня в Иерусалиме, о чем подробно рассказал только участник этой церемонии Евсевий Кесарийский (*Euseb. Vita Const.* IV 41-48). Интерес авторов V в. и след за ними всех представителей церковно-исторической традиции сосредоточился на истории противостояния свт. Афанасия I Великого и соборного большинства, и эта тема вытеснила оценку др. событий, в т. ч. деятельности К. в эти годы.

Сформировавшаяся традиция почитания К. как святого практически исключила проблему арианства императора. Большинство хронистов, агиографов и др. писателей средневековья обходили этот вопрос молчанием либо под влиянием церковных историков V в. воспроизводили «теорию обмана» (*Theoph. Chron.* P. 29-33; *Georg. Mon. Chron.* P. 509-516, 533-535; *Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1.* P. 499-519; *Niceph. Callist. Hist. eccl.* VIII 45 // PG. 146. Col. 176-181). Церковная историография XIX-XX вв. в основном сосредоточилась на анализе хода богословских споров, которые, как правило, стали определяющими в изучении истории христианства. С этой т. зр. главным содержанием последних лет правления К. была скрытая борьба ариан против никейцев, т. е. в видоизмененной форме воспроизводилась «теория обмана» (*Болотов.* Лекции. Т. 4. С. 43-52; *Спасский.* 1914. С. 273-290). А. В. Карташев писал о разочаровании К. в результатах Никейского Собора, в том, что с его помощью можно было достичь общего согласия, а также вновь о лукавом влиянии на императора сторонников арианства, которых он в духе своего времени назвал оппортунистами (*Карташев.* Соборы. С. 40-44).

Начало преодоления «теории обмана» и выработки новых объяснений было положено Буркхардтом, к-рый впервые указал на некое «равнодушие» К. к богословским вопросам и на преобладание политических мотивов в решениях императора по делам Церкви (*Burckhardt*. 1880. S. 291-297). Дальнейшее развитие историографии в этом вопросе было в значительной мере сосредоточено на обсуждении этой замеченной отстраненности К., а также на попытках ее объяснения различными аргументами - от реконструкции особенностей психологического портрета К. до поиска политических причин. А. Х. М. Джонс показал, что как таковой Символ веры для К. никогда не имел первостепенного значения, но служил лишь инструментом объединения Церкви. Кроме того, политика К. после 325 г. не касалась пересмотра Никейского Символа веры напрямую, а различные мнения церковных иерархов по этому поводу императора мало интересовали до тех пор, пока они готовы были формально подтверждать его истинность (*Jones A.* 1948. P. 172-173). Э. Шварц высказывал сомнения относительно серьезного пересмотра позиций Никейского Собора К. и вообще самого факта «арианской реакции» в последние годы правления К. (*Schwartz*. 1936). Барнз традиционно писал об «антиникейской реакции» и смене политического вектора К., но особую роль в этих событиях он отводил Евсевию Никомидийскому, который, по его мнению, в 30-х гг. IV в. фактически стал главным советником К. в вопросах церковной политики (*Barnes*. 1981. P. 225). Т. о. Барнз считает, что К. становился зависимым от своих советников и по крайней мере частично потерял самостоятельность в решении мн. вопросов гос. важности.

В оценке деятельности К. в церковных делах необходимо исходить из того, что К. неизменно имел в виду не цели развития церковного богословия, а прежде всего административно-политические проблемы, к-рые он рассчитывал решить с помощью церковной поддержки. Поэтому идея церковного единства, которая была основной для императора на Никейском Соборе, несомненно, продолжала волновать К. и в последующие годы. Единство воспринималось К. не как догматическая унификация, а как система разумных компромиссов между различными течениями внутри Церкви, к-рая позволила бы ограничить и держать под контролем противоречия и не допускать роста влияния к-л. радикальных сил. Несмотря на то что на Никейском Соборе не состоялось полного богословского примирения, К. мог быть доволен результатами организованного им церковного форума, поскольку он позволил сделать важнейший шаг к созданию именно такой системы церковно-гос. отношений. Доктринальные же разногласия епископов К. считал ничтожными, открыто заявлял об этом и до Собора, и позднее, стремился их игнорировать.

Причины пересмотра императором нек-рых решений Никейского Собора во многом остаются неясны. Мотивы постепенной реабилитации Ария и др. низложенных епископов, вызвавшие осложнение внутрицерковных отношений, скорее всего были связаны с повседневной управленческой работой императора. Вместе с тем недооценка императором богословских вопросов, разделявших церковный епископат, вскоре привела к тому, что борьба партий ариан и никейцев в какой-то период продолжилась сама собой, без сознательного участия имперской власти, т. е. по сути вышла из-под контроля К.

Вероятно, К. считал, что цели единства и согласия Церкви Никейским Собором (в основном) были достигнуты. В течение 2-3 лет споры прекратились и сведений о к-л. новых расколах в имп. канцелярию не поступило. В связи с этим к осени 327 г. К., видимо, начал тяготиться суровостью своих решений о ссылках церковных деятелей. Точные причины этой перемены настроения К. установить не удастся из-за недостатка источников. Вероятно, после завершения периода укрепления своей власти на Востоке, к-рое требовало различных репрессивных мер, К. посчитал, что дальнейшая демонстрация силы, тем более в религ. делах, уже неуместна, поскольку не отвечает общим принципам толерантности. Возможно также, что, низложив в 325 г. нек-рых епископов, пользовавшихся влиянием при имп. Лицинии и, следов., имевших определенный опыт в политических делах, К. вскоре ощутил некий «кадровый голод» в церковной сфере. Церковь Востока, недавно пережившая великое гонение, едва ли была в полной мере готова к той новой важной общественной роли, к к-рой призывал ее К. В те годы большинство епископов могли по опыту мн. поколений ранних христиан все еще относиться к имперской власти с опасением, видеть в ней скорее угрозу, чем союзника. Невозможно было рассчитывать на быстрое изменение их взглядов, готовность к сотрудничеству и активное участие в реформаторских инициативах К. Власть не хватало опытных советников, хорошо знавших церковные дела на Востоке. В связи с этим фигуры епископов Евсевия Никомидийского и Феогния Никейского могли стать привлекательными для К. Как видно из дальнейшей судьбы еп. Евсевия († 341), позднее переведенного на К-польскую кафедру, имп. власть по каким-то важным причинам нуждалась в его услугах и в последнее десятилетие правления К., и в начале правления имп. Констанция II.

Ок. осени 327 г. от Ария, Евсевия, Феогния и др. пострадавших потребовали вновь подписать Никейский Символ веры и прочие постановления Собора, что было ими исполнено, после чего вина с них была снята. В 328 г. епископы Евсевий и Феогний вернулись на свои кафедры в Никомидии и Никее, а Арий жил в Никомидии и К-поле и до своей смерти в 336 г. фактически находился «в распоряжении» К. (*Athanas. Alex. De morte Arii; Ruffin. Hist. eccl. X12; Philost. Hist. eccl. II 1, 7; Socr. Schol. Hist. eccl. I 14, 23, 25-26; Sozom. Hist. eccl. II 16, 27; Theoph. Chron. P. 29-30*). С этого времени постепенно увеличивалось влияние на политику К. партии, возглавляемой этими придворными епископами, к-рые полностью приняли принципы и цели К., его идею единства Церкви как первостепенного фактора в укреплении ее общественного статуса. При этом те церковные силы, к-рые высказывали недовольство реабилитацией сосланных, теперь воспринимались императором как нарушители спокойствия. Богословские аргументы противников Ария более не воспринимались всерьез, коль скоро реабилитированные подписали все формально необходимые документы, а обвинения в притворстве ариан доказать было невозможно.

Все церковные, соборные и судебные мероприятия до 337 г. формально касались лишь дисциплинарных вопросов либо личных конфликтов внутри епископата, клира и общин, но официально не касались вероучения. Никейский Символ веры, утвержденный всеми, оставался главным документом, определявшим суть церковного учения и единство Церкви

(ср.: Jones A. 1948. P. 172). Ни еп. Евсевий Никомидийский, ни даже Арий не покушались на пересмотр Символа веры открыто, хотя, вероятно, были недовольны им лично. Это была именно та позиция, к-рой требовал от Церкви К., настаивавший на второстепенности разногласий по сравнению с общецерковными интересами (ср. послание к еп. Александру и Арию: *Euseb. Vita Const.* II 63-73; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 7; *Gelas. Cyzic. Hist. eccl.* II 4; ДВС. Т. 1. С. 29-32). Поэтому достоверно установить, какую именно и насколько важную роль в событиях этих лет играл богословский фактор, крайне сложно, поскольку все источники, настаивающие на вероучительной подоплеке внутрицерковной борьбы, созданы заинтересованными сторонами (свт. Афанасий Великий) или спустя слишком много времени после событий (церковные историки V в.). Активная работа по пересмотру и уточнению Символа веры началась лишь после смерти К. (ср. *Антиохийские Соборы*, 339-341 гг.).

В июне 328 г., после смерти еп. Александра, на Александрийскую кафедру был возведен свт. Афанасий (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 6; *Hieron. Chron.* // PL. 27. Col. 677b; *Rufin. Hist. eccl.* X 14; *Philost. Hist. eccl.* II 11; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 15; *Sozom. Hist. eccl.* II 17-18; *Theodoret. Hist. eccl.* I 26). Эта перемена осложнила положение Александрийской Церкви, поскольку в первые годы своего служения на кафедре Афанасию не удалось объединить церковные общины. С одной стороны, Афанасия обвиняли в различных процессуальных нарушениях в ходе его рукоположения, а также в подкупе голосовавших епископов. С другой - Афанасий отказался принять в общение партию мелетиан, несмотря на то что объединение было предписано еще Никейским Собором. Непримируемое отношение Афанасия к мелетианам, а также наличие сильной оппозиции ему в Александрийской Церкви (обычно обозначается как «ариане») в определенной мере настроили К. против святителя и позволили его противникам вести многолетние тяжбы против него. В 331 г. под угрозой ряда обвинений в нарушениях церковного порядка Афанасий отправился на суд в Никомидию, где в Псамафийском дворце состоялась его встреча с К. (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 60-62). Судебное заседание завершилось полной победой свт. Афанасия, к-рому удалось доказать несостоятельность и клеветнический характер инкриминированных ему проступков. Несмотря на возможные политические разногласия с Афанасием, на бескомпромиссность епископа, которая могла быть опасна для имп. политики, К. был под впечатлением от личности святителя и счел необходимым поддержать его. К. передал Афанасию свое послание к Александрийской Церкви, в к-ром назвал его «Божьим человеком».

Ок. 329/330 г. состоялся Антиохийский Собор, превращенный в суд над еп. Евстафием Антиохийским и неск. др. епископами. Евстафий был обвинен в различных бесчестных проступках и отрекся от престола (*Euseb. Vita Const.* III 59-62; *Athanas. Alex. Hist. arian.* 4; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 24; *Sozom. Hist. eccl.* II 19; *Theodoret. Hist. eccl.* I 21-22). Позднейшие церковные историки описывали дисциплинарные обвинения, выдвинутые на Соборе против еп. Евстафия, лишь как предлог для его низложения. Подлинными причинами считали вероучительные противоречия, в т. ч. богословский спор между Евстафием и еп. Евсевием Кесарийским (*Socr. Schol. Hist. eccl.* I 23; *Sozom. Hist. eccl.* II 18). Низложение еп. Евстафия привело к волнениям в Антиохии и расколу церковной общины на партии сторонников Евстафия и приверженцев Собора. В течение последующих неск. лет этим партиям не удавалось возвести на епископский престол более или менее авторитетного кандидата; раскол Антиохийской Церкви продолжался более 100 лет. Роль К. в организации этого Собора неясна. Источники нигде не указывают, что К. мог быть инициатором его проведения. К. отправил к участникам Собора и жителям Антиохии неск. посланий, написанных уже после получения им известий о ходе заседаний и беспорядках в городе (*Euseb. Vita Const.* III 60-62). Он вновь настаивал на необходимости придерживаться единомыслия, увещевал избрать на кафедру достойного мужа. В отдельном письме К. хвалил еп. Евсевия Кесарийского (участника Собора) за его отказ избираться на Антиохийский престол. Вскоре для прекращения беспорядков, контроля над деятельностью епископов и завершения Собора К. направил в Антиохию своих представителей Акакия и Стратигия. К. также рекомендовал избрать на Антиохийскую кафедру свящ. Георгия из Арефусы либо свящ. Евфрония из Кесарии Каппадокийской. Собор остановил свой выбор на Евфронии. Несмотря на эти сложности, К. скорее всего был удовлетворен решениями Собора, видел в нем очередное торжество единого церковного большинства над «недостойными» членами Церкви, а раскол общины воспринимал как временные и маловажные обстоятельства. К. также мог быть доволен своим выбором Евсевия Никомидийского, председательствовавшего на Соборе, в качестве основного проводника имп. политики в Церкви.

Подобный же Собор с судебным разбирательством в отношении свт. Афанасия Александрийского предполагалось провести в Кесарии Палестинской в 334 г. (*Sozom. Hist. eccl.* II 25). К. издал эдикт о созыве Собора, но Афанасий, видимо, учтя опыт Евстафия Антиохийского, обратился к К. за разъяснениями. Евсевиане и мелетиане обвинили Афанасия в убийстве еп. Арсения Гипсельского, однако эмиссары свт. Афанасия вскоре обнаружили его живым в Тире и предъявили суду. Узнав об обнаружении еп. Арсения, К. отказался рассматривать проч. претензии к Афанасию. Собор был отменен, а К. отправил к Афанасию еще одно послание, заверив его в своем полном доверии, и тем самым вынудил оппозицию в Александрийской Церкви на время замолчать (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 68-71).

Кульминацией церковной политики последних лет К. стал Собор в Тире и Иерусалиме (июль-сент. 335), созданный для освящения построенной в Иерусалиме базилики Гроба Господня и приуроченный к тридцатилетию правления К. (*Euseb. Vita Const.* IV 41-48; *Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 7-19, 71-87; *Rufin. Hist. eccl.* X 11, 16-17; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 28-36; *Sozom. Hist. eccl.* II 25-28, III 7; *Theodoret. Hist. eccl.* I 28-31; *Chron. Pasch.* P. 531; *Theoph. Chron.* P. 31-33). По поручению К. соборные заседания вел комит Дионисий, распорядителем праздничной церемонии освящения храма и торжественных обедов был Мариан, знаток Свящ. Писания и советник К.; помимо епископата и клира на Соборе присутствовало много придворных и высоких чинов империи. В специальном письме К. обязал свт. Афанасия явиться на Собор (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 71). Главным событием Собора была торжественная церемония освящения базилики в Иерусалиме, продемонстрировавшая социальную значимость и офиц. единство укрепившейся христ.

Церкви, ставшая для современников символическим итогом религ. политики К. Собор был омрачен продолжавшимся противостоянием партий евсевиян и Афанасия Великого. В этот раз противники святителя выдвинули новую серию обвинений в насилиях, якобы чинившихся по отношению к мелетианам в Египте с одобрения и при прямом участии Афанасия. Делегация Александрийской Церкви из 48 епископов на Собор допущена не была, после чего Афанасий отказался от участия в заседании и немедленно отправился в К-поль, чтобы вновь доказать свою невиновность лично К. В нач. осени 335 г., когда император с эскортом проезжал по городу, свт. Афанасий неожиданно вышел из толпы перед К. Император первоначально воспринял поступок Афанасия как наглость и отказался с ним разговаривать, но вскоре все же принял его и после объяснений святителя понял необходимость вмешаться в ситуацию на Соборе. К. направил послание к участникам Собора, в к-ром выразил свое недовольство ведением заседаний и приказал представителям Церкви явиться в К-поль для разбора результатов Собора и обстоятельств конфликта между Афанасием и евсевиянами (*Ibid.* 86-87; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 34). В нач. нояб. в К-поле состоялось совместное заседание церковных партий в присутствии К. По его итогам 7 нояб. К. объявил о низложении еп. Афанасия и его ссылке в Августу Треверов. Т. о., прежде неизменно доброжелательное отношение императора к Афанасию в этот момент поменялось. Древние историки и совр. исследователи предлагали различные варианты объяснения этого решения К. Сам Афанасий писал, что гнев К. вызвали сведения о том, что он якобы угрожал прекратить экспорт хлеба из Египта в К-поль (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 87). Это объяснение было принято Сократом Схоластиком, Феодоритом Кирским и большинством других церковных историков и визант. хронистов (*Socr. Schol. Hist. eccl.* I 35; *Theodoret. Hist. eccl.* I 31; *Theoph. Chron.* P. 32). Тем не менее подобные действия в то время явно были вне компетенции и возможностей еп. Афанасия и всей Александрийской Церкви. Обвинения в адрес свт. Афанасия и аргументы его противников скорее всего, как и ранее, не произвели впечатления на К., иначе наказание для святителя было бы куда более суровым, чем ссылка.

Однако основной целью совещания для К. было заставить так или иначе примириться церковные партии и положить конец длившемуся уже неск. лет конфликту. Исходя из этого, К. должен был на заседаниях оценить саму степень готовности участников диалога к примирению. Решающую роль в принятом К. решении сыграл характер Афанасия, к-рый в ходе обсуждений вновь продемонстрировал свою бескомпромиссность и отказался вступить в церковное общение и с евсевиянами, и с мелетианами. И те и другие его противники, будучи вновь не в состоянии доказать преступления свт. Афанасия, скорее всего в присутствии К. были вполне готовы забыть прежние претензии и примириться со святителем. К. в соответствии со своими принципами должен был встать на позицию той стороны, которая проявила большее миролюбие (хотя бы лишь внешне) и склонность к компромиссу, и следов., позиция к-рой оказалась более удобной для имперской власти.

Крещение имп. Константина Великого. Гобелен по эскизу П. Рубенса. 1625 г. (Художественный музей, Филадельфия)

В 337 г. имп. Константин II Младший в письме александрийцам в защиту свт. Афанасия, освобожденного им от ссылки, указывал, что К., сослав епископа, предполагал вернуть его через нек-рое время, но император умер, не успев реализовать свое намерение (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar.* 87). Зная о судьбах Ария и др. сославшихся К. церковных деятелей, можно предполагать, что сведения Константина Младшего достоверны, и К. действительно считал, что свт. Афанасий сможет вернуться на престол, после того как с течением времени отношения непременно изменятся сами собой. К. до конца правления следил за обстановкой в Египте; ок. 336 г., получив новые сообщения о беспорядках в Александрии, он приказал выслать из города еп. Иоанна Аркафа, лидера партии мелетиан, к-рый занял ненадолго престол свт. Афанасия (*Sozom. Hist. eccl.* II 31).

Т. о., результаты политики К. в отношении Церкви были двойственными. С одной стороны, покровительство гос-ва открыло новую эру в развитии Церкви, быстро превратило ее в один из наиболее престижных социальных институтов империи, обеспечило ее дальнейшее укрепление и рост влияния христианства на жизнь и культуру рим. общества. С др. стороны, К. не удалось разрешить ряд важных внутрицерковных конфликтов. К. стремился обеспечить формальное единство рядов Церкви как корпорации, что было, несомненно, необходимым условием для всех успехов христианства в будущем. Однако К. недооценивал значение богословских и иных доктринальных споров для христиан и, вероятно, несколько идеализировал приверженцев новой веры, степень их внутренней сплоченности, не допускал мысли о возможности роста конкуренции и вражды среди епископата в борьбе за управление резко выросшими ресурсами Церкви, а также о возникновении длительных расколов в церковной иерархии и общинах.

Болезнь, крещение и смерть

(*Fowden.* 1994; *Burgess.* 1999). Весной 337 г. деятельность К. была прервана быстрым ухудшением его здоровья. К. оставил военные лагеря в М. Азии, переехал в Никомидию и оттуда на термальные источники близ г. Еленополя. Несмотря на лечение и молитвы в церкви св. ап. Луки, построенной здесь его матерью св. Еленой, К. вскоре потерял надежду на выздоровление. Он намеревался переехать в К-поль, но вынужден был остановиться в пригородной вилле Ахирон близ Никомидии. Здесь К. собрал нескольких находившихся при дворе епископов, заявил им, что хотел бы принять крещение в Иордане, подобно Христу, но из-за болезни решил креститься немедленно. Он пообещал также, что впредь, если ему будет даровано выздоровление, он будет вести христ. образ жизни. По свидетельству Евсевия, епископы совершили над К. обряд согласно обычаю (*Euseb. Vita Const.* IV 62). В церемонии участвовали несколько епископов, наиболее известным среди них источники называют еп. Евсевия Никомидийского (*Ibid.* IV 61-67, 70-71; *Hieron. Chron.* // PL. 27. Col. 679a-b; *Ruffin. Hist. eccl.* X 11; *Socr. Schol. Hist. eccl.* I 39-40; *Sozom. Hist. eccl.* I 5, II 34;

Theodoret. Hist. eccl. I 32; Chron. Pasch. P. 532.6-13, 533.5-20). 22 мая К. скончался (Euseb. Vita Const. I 1-9; Aur. Vict. Epitom. 41. 16; Eutrop. Breviar. 10. 8. 2; Hieron. Chron. // PL. 27. Col. 679c - 680a; Chron. Pasch. P. 532.7-533.17). К. умер накануне Пятидесятницы; он был похоронен в мавзолее, построенном для него в зап. части К-поля, рядом с храмом св. Апостолов, к-рый в то время был еще недостроен (Procop. De aedificiis. I 19-24).

Могила К. была утрачена в кон. XV в., после того как турки уничтожили с согласия греч. Патриархии собор св. Апостолов и его мавзолей. На месте имп. погребений в кон. XV-XVIII в. выстроена мечеть Мехмед-Фатих. Считается вероятным, что гробницей К. был порфиновый саркофаг, находящийся в Археологическом музее в Стамбуле (*Dölger. 1913. S. 377-381*). В неизвестное время он был перевезен из собора св. Апостолов к султанскому дворцу Топкапы. Это единственный из известных имп. к-польских саркофагов, к-рый не имеет к.-л. христ. символов. В связи с этим в поздневизант. эпоху считалось, что в нем был похоронен имп. Юлиан Отступник.

Сочинения

По свидетельству ряда источников, К. во время своего правления интересовался лит. деятельностью, поддерживал интеллектуалов, много читал и писал по разным вопросам (*Euseb. Vita Const. IV 29, 55; Lib. Or. 59. 27; Aur. Vict. Epitom. 41. 14; Eutrop. Breviar. X 7. 2*). Тем не менее об авторских сочинениях К. можно говорить лишь условно, поскольку большинство текстов, когда-либо публиковавшихся от имени К., были написаны его советниками и секретарями. Однако поскольку эти тексты, несомненно, проходили апробацию и скорее всего редактировались К. собственноручно, они вполне отражают не только общественно-политические, но и личные взгляды императора.

Смерть имп. Константина Великого. Гобелен по эскизу П. Рубенса 1625 г. (Художественный музей, Филадельфия)

Сохранилось более 100 законодательных актов, изданных при К., а также неск. десятков его писем, в основном посвященных вопросам церковной политики. Все письма известны по обширным цитатам или по текстам, полностью приведенным в «Церковной истории» и «Жизни Константина» еп. Евсевия Кесарийского (*Euseb. Hist. eccl. X 5-7; Idem. Vita Const. II 24-42, 46-60, 63-73; III 12, 21, 30-32, 52-53, 60-62; IV 8-13, 20, 35, 42*), в сочинениях «О постановлениях Никейского Собора» и «Апология против ариан» свт. Афанасия Великого (*Athanas. Alex. De decret. Nic. Syn. 38-42; Idem. Apol. contr. ar. 59, 61-62, 68, 70, 86*), «О донатовой схизме» еп. Оптата Милевского (*Optat. De schism. donat. App. 3, 5-6, 8-10, 13-16*), в церковных историях Сократа Схоластика (*Socr. Schol. Hist. eccl. I 7, 9, 25, 34*), Созомена (*Sozom. Hist. eccl. I 19; II 8-15*), Феодорита Кирского (*Theodoret. Hist. eccl. I 10, 20, 25, 29*) и еп. Геласия Кизического (*Gelas. Cyclic. Hist. eccl. II 4, 7, 36-37; III 3-5, 11, 15-19. App. 1-2*).

Среди текстов, изданных под именем К., наиболее важны: Миланский эдикт (традиционно К. считается его автором), группа посланий к правителям и христ. общинам вост. провинций империи, изданных в 324-325 гг. (*Euseb. Vita Const. II 24-42, 47-60*; подробнее см. разд. «Принципы политики религиозной толерантности»).

«Слово к сообществу святых» (*Const. Magn. Oratio ad sanctorum coetum / Ed. I. A. Heikel // Eusebius. Werke. Lpz., 1902. Vol. 1. P. 154-192*; рус. пер.: *Василевса Константина Слово, написанное к обществу святых // Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 180-213*) является наиболее объемным произведением, к-рое сохранилось под именем К. Это торжественная речь, посвященная христ. вере и полемике с язычниками. Вероятно, она была зачитана от имени К. перед Собором или на к.-л. др. церковном совещании или по крайней мере была написана для подобной публичной декламации. По сути это энкомий, написанный императором в честь Церкви. Факт создания этого произведения при дворе К. является еще одним подтверждением глубоких перемен, происшедших в рим. обществе при К., поскольку прежде энкомии такого рода сочинялись придворными риторами и философами в честь императоров. И если ранее христиане обращались к императорам с апологетическими сочинениями в надежде на милость властей, то теперь апологией новой веры занимается сам император. Время и причина написания «Слова...» остаются предметом исследований. Речь написана для праздника Св. Пасхи. Большинство специалистов ранее склонялись к тому, что это была Пасха 325 г., к-рой завершился Собор в Антиохии (*Barnes. 1981. P. 75; Lane Fox R. Pagans and Christians. L. etc., 1986. P. 654*). Дж. М. Рист считает, что это мог быть только 321 г. (*Rist J. M. Basil's «Neoplatonism» // Basil of Caesarea / Ed. P. J. Fedwick. Toronto, 1981. Vol. 1. P. 157-158*). Так или иначе текст «Слова...» не объясняет обстоятельств его создания. Убедительно датировать это произведение не удастся, и у исследователей все меньше уверенности в достоверности предложенных датировок (*Drake. 1985*). Иногда даже склонны видеть в тексте интерполяции, к-рые могли повлиять на смысл первоначального текста, отображавшего взгляды его автора (*Davies P. S. Constantine's Editor // JThSt. 1991. Vol. 42. N 2. P. 610-618*). Но возможно, что «Слово...» было написано до победы К. над Лицинием в 324 г., поскольку, упоминая о Диоклетиановом гонении, его провале, а также о гибели Максенция, автор не касается позднейших событий.

«Слово...» посвящено краткому объяснению христ. вероучения и полемике с язычниками, для которых К. приводит ряд доказательств истинности воплощения и учения Христа и праведности своей миссии освободителя христиан от гонений. Он начинает с описания провиденциальной роли Логоса в судьбе человечества (*Const. Magn. Or. sanct. 1*). Обращаясь к Церкви, «хранительнице истины и наставнице человеколюбия», просит у отцов, сведущих в божественных таинствах, помощи в исправлении возможных ошибок в его речи (*Ibid. 2*). Первый раздел сочинения богословский (*Ibid. 3-8*). К. описывает природу Творца и Логоса, Его отношения с миром и его устройство для людей,

осуждает учение о судьбе и случае, поскольку источником всего является Промысл Божий. Второй раздел представляет собой свод доказательств истинности христианства, взятых из внешних источников (Ibid. 9-21). К. обсуждает сочинения древних философов (Сократа, Пифагора), некогда стремившихся к исправлению нравов сограждан, учение Платона о Творце из диалога «Тимей», историю явления Спасителя миру как величайшего из учителей мудрости и благочестия (Ibid. 11-15), пророчества о Нем Моисея, Иеремии, Даниила, эритрейской Сивиллы (Sib. VIII 217-250; этот текст создан не ранее III в., но тогда считался древним) и Вергилия (4-я эклога). В последней части К. обращается к изложению событий, предшествовавших его политическим успехам, и объясняет свои победы тем, что он всегда следовал благочестию (Ibid. 22-26). К. обвиняет инициаторов гонений на христиан в нечестии, прямо говорит о правлениях Деция, Валериана, Аврелиана и Диоклетиана как о позоре (эта тема перекликается с темой сочинения Лактанция «О смертях преследователей»). Он заявляет, что если, как утверждалось, гонения были организованы во исполнение распоряжений богов, то это лишь обличает гонителей как людей, не имевших понятия о божественной природе. Их нечестивой жизни он противопоставляет образ жизни и богослужение христиан как истинное Богопочитание.

Одним из способов, по к-рому пытались определить время создания «Слова...», стал анализ богословского содержания документа. Однако попытки найти связи сочинения с арианством или даже с богословием еп. Евсевия Кесарийского, а также поиски др. еретических учений не дали убедительных результатов (Edwards. 1985). В тексте не используется термин «единосущный», он стал общепринятым далеко не сразу после Никейского Собора, и даже свт. Афанасий Великий в своих ранних произведениях его не упоминал. Автор «Слова...» сближается с арианством, когда причисляет Сына к сотворенному и заявляет, что Отец всего есть и Отец Своего Слова. Однако автор «Слова...» видит различие между Логосом и творением и, подобно свт. Афанасию, использует термин «свой» (ἴδιος), чтобы подчеркнуть особость природы Сына (Athanas. Alex. Apol. cont. ar. I 29, 58). С одной стороны, автор «Слова...» также неоднократно подчеркивает «вечную природу» Логоса (Ibid. 5, 11), что никак не согласовывается с арианством. С др. стороны, в тексте можно увидеть нек-рые следы лат. образованности автора. К. использует 4-ю эклогу Вергилия в той версии, которая не была знакома греч. писателям того времени, но совпадает с цитатами из Вергилия у Лактанция (Lact. Div. inst. VII 24). Эти наблюдения за сходством кругозора автора «Слова...» с лат. писателями-христианами являются косвенным подтверждением того, что автором «Слова...» был сам К.

Почитание

Культ св. равноап. Елены сложился рано, и упоминание о нем присутствует уже в нек-рых рукописях Мартиролога блж. Иеронима (после V в.; MartHieron. Comment. P. 227, 448-450); в Риме изначально была известна гробница св. Елены, с ее мощами связывали чудеса. Церковное почитание К. прошло гораздо более сложный процесс становления. Древнейшее точное указание на офиц. церковное почитание К. в Византии - кодекс-палимпсест с минологием кон. VIII в., где под 21 мая содержится память К. (Lond. Brit. Lib. Add. 4489).

Выдающаяся роль К. в политических преобразованиях Римской империи и в распространении христианства никогда не вызывала сомнений ни у современников, ни у потомков, ни в поздней античности, ни в средневековье. Особое отношение к К. проявлялось в разных формах и в зависимости от той или иной конъюнктуры приобретало различный смысл.

Первоначально почитание К. как выдающегося правителя империи складывалось в соответствии с традициями Римской империи. Еще при жизни его статуи были установлены в столицах и крупных городах и почитались долгое время после смерти. Сохранились остатки 2 крупнейших колоссов К., один из к-рых стоял в Новой базилике на Римском форуме (Капитолийский музей). После смерти К. решением рим. сената император был провозглашен божественным (divus). Ему был посвящен офиц. образ апофеоза императора - картина, на к-рой К. был изображен в иконографической традиции aeternitas augusti (вечность августа; известна с III в.) - восседающим на небесном своде. Были выпущены также монеты с изображением на аверсе посмертной маски К. и на реверсе - императора на квадриге, восходящего на небо, откуда его благословляет рука Бога (Euseb. Vita Const. IV 69, 73).

По свидетельству Иоанна Малалы, особые почести оказывались К. в К-поле ежегодно, по крайней мере до сер. VI в. Во время городского праздника на ипподром с эскортом солдат вывозили деревянную позолоченную статую К. с Тюхе в правой руке; она объезжала арену по кругу, останавливалась напротив имп. ложи, и правящий император должен был простирались ниц перед этой святыней (Ioan. Malal. Chron. P. 322). Изначально главным центром почитания К. стал его мавзолей, выстроенный еще при жизни К. в комплексе храма св. Апостолов (Euseb. Vita Const. IV 58-60; Краутхаймер. 2000. С. 70; Дагрон. 2010. С. 176-193). Поместив свое погребение в храм с таким посвящением, К. стремился утвердить среди подданных и потомков свое значение для истории, сопоставимое с ролью первых учеников Спасителя. Вместе с тем, несмотря на внешнюю привлекательность идеи «апостольства» К., визант. церковная традиция отнеслась к ней довольно осторожно; в течение неск. веков прославление К. оставалось лишь обычной риторикой.

Т. о., в IV-VI вв. в Римской и Византийской империях преобладала традиция т. н. политического культа К. как выдающегося исторического деятеля и правителя. Христиане Римской империи, чьи судьбы навсегда изменила политика К., испытывали восхищение перед императором, но и их отношение к К. сначала также укладывалось в рамки почитания императора как выдающегося исторического и общественного деятеля. Именно такова основа

Св. равноапостольница Елена и Святой Царь Константин (Ставрог-ту-Агиасмати) на Кипре. 1494 г.

идеализированного образа К., к-рый создал еп. Евсевий Кесарийский в «Житии Константина». Евсевий сделал также немало для инкорпорирования культа К. в структуру церковного Предания, но даже в то время это было воспринято как должное. Тем не менее образ К., созданный Евсевием, послужил одной из составляющих основ визант. имп. пропаганды и придворной культуры, особенно в V-VI вв. Т. о., христиане той эпохи видели в К. идеального императора-христианина, образец политика, защитника и покровителя Церкви, хранителя истинной христ. веры. Но в этом наборе характеристик еще не было понятия о К. как о святом.

В последующие неск. столетий после смерти К. античная средиземноморская цивилизация, объединенная Римской империей, претерпела ряд кардинальных трансформаций. Античный мир с его широкой интеграцией различных стран и народов уступил место средневековью; страны, в значительной мере обедневшие и утратившие часть культурного потенциала, постепенно оказались оторваны друг от друга политически и экономически и начали развиваться почти автономно. Важнейшим фактором изменений также стал процесс христианизации, который полностью завершился спустя неск. веков после смерти К. С одной стороны, государственный римский культ императора и политические концепции Римской империи (*Pax Romana*) повсюду (в т. ч. в Византии) за тысячелетие средневековья постепенно уступили место идее семьи христианских народов Европы. С другой - все большее значение приобретало церковное почитание К., осмысление деятельности К. и ее значения в рамках традиций не Римской империи, а христ. Церкви. Наряду с этим в связи с установившейся в средние века относительной изоляцией регионов христ. мира их отношение к К. постепенно становилось неоднородным: в странах Запада и Востока начали развиваться самостоятельные традиции культурной памяти о К., часто противоречившие друг другу.

Триумфальный въезд имп. Константина Великого в Рим. Роспись в Св. Клевете (Ставрос-ту-Агиасмати) на Кипре. 1494 г.

В Византийской империи на протяжении почти всей истории образ К. был одной из важнейших точек опоры гос. политической идеологии и общественного сознания. Все императоры, восходившие на к-польский престол, сопоставляли себя с К., стремились подражать ему (в меру своего понимания), воспринимали себя преемниками К. как основателя христианского царства (см.: *Дагрон*. 2010. С. 193-204; *New Constantines*. 1997). В той или иной мере византийцы видели в каждом своем императоре «нового Константина». Впервые, насколько позволяют судить источники, «новым Константином» был назван имп. Маркиан в 451 г. в славословиях в честь имп. четы на IV Вселенском Соборе в Халкидоне. Одновременно Маркиан был почтен эпитетами «новый Павел» и «новый Давид», а его супруга имп. Пульхерия была названа «новой Еленой» (*АСО*. Т. 2. Vol. 1 (2). P. 155; *ДВС*. Т. 3. С. 68). Тем самым на риторическом уровне устанавливались соответствия между первым христ. императором, важнейшим из апостолов, а также древним царем Израиля, к-рый служил для византийцев прообразом светского богоугодного правителя. Кроме того, эти эпитеты предвосхищали установление статуса К. как равноапостольного. Идея сопоставления К. с апостолами, несомненно, появилась уже в IV в., в ходе развития центра

почитания и апостолов, и императоров в храме св. Апостолов в К-поле. Долгое время это определение существовало в традиции энкомиев и др. славословий, содержавших риторические сравнения К. и др. императоров с апостолами; оно стало привычным для византийцев, хотя этот процесс занял весьма длительное время. Термин равноапостольный (*ισαπόστολος*) в ранней Церкви употреблялся по отношению к св. ап. Павлу, к-рый был призван Господом позже остальных апостолов. Применительно к К. этот эпитет впервые зафиксирован лишь в актах VII Вселенского Собора 787 г. (*Mansi*. Т. 12. Col. 225). Позднее он встречается в византийских источниках регулярно (напр., *Mich. Attal. Hist.* P. 267; *Zonara. Annales*. Vol. 1. P. 20; Vol. 2. P. 23).

В имп. династиях Византии часто пользовались именем Константин, и всегда оно носило в себе элемент сопоставления с К. Императоры, которые называли своих детей и наследников этим именем, всегда хотели продемонстрировать подданным надежду на будущее процветание, обновление империи и торжество истинной веры над ее врагами (*Haldon J. Constantine or Justinian?: Crisis and Identity in Imperial Propaganda in the VIIth Cent.* // *New Constantines*. 1997. P. 95-107). Особенно это становилось важным в нек-рые периоды кризисов и упадка Византии. Так, во 2-й пол. VI - нач. XI в. имя или титул К. и Константа носил целый ряд императоров и членов правящих фамилий. Имп. Тиверий, в 574 г. усыновленный имп. Юстином II, принял тронное имя Тиверий Константин. Старший сын имп. Ираклия (610-641), ставший императором в 641 г. (см. *Константин III*), носил титул Ираклий Новый Константин. И сам имп. Ираклий, и его сыновья и наследники в VII в. неоднократно именовались «новыми Константинами» в энкомиях и надписях. Имя К. оставалось важным и в иконоборческую эпоху (VIII - сер. IX в.), и при Македонской династии (сер. IX - сер. XI в.). Его носили неск. порфирородных царевичей, родившихся во дворце и с рождения наследовавших права на престол в VIII - нач. XI в. (см. *Константин V* и т. д.). В политической идеологии Македонской династии в кон. IX-X в. за К. сохранялась одна из ключевых ролей, поскольку, согласно Житию Василия Македонянина, мать имп. Василия I (867-886), основателя династии, происходила из рода потомков К. В актах К-польского Собора 869-870 гг. Василий I и его жена Евдокия были вновь удостоены славословий как «Новый Константин» и «Новая Елена» (*Mansi*. Т. 16. Col. 185). Василий неоднократно сравнивался с К. за его доблесть и мужество в сражениях (напр., энкомий свт. Фотия: PG. 102. Col. 584). Особая, едва ли не мистическая связь императора с К. подчеркивалась и в энкомиях в честь имп. *Константина VII Багрянородного* (944-959). Образ К. служил Константину VII неизменной идеальной моделью, а в глазах мн. подданных, особенно в глазах восторженных придворных, он представлялся как правитель, равный К., что ярко отразилось в некоторых пассажах из пролога к трактату «Геопоники», к-рый был посвящен Константину VII (*Beck H. Geoponica, sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae*. Lpz., 1905. P. 1). Настойчивое сопоставление 2

императоров заметно в иконографии декоративных костяных пластин из ГИМ, где представлена сцена с Христом, благословляющим Константина VII, и из коллекции Дамбартон-Окс в Вашингтоне, где изображение К., выполненное в то же время, имеет явные черты сходства с Константином VII (*Markopoulos A. Constantine the Great in Macedonian Historiography: Models and Approaches // New Constantines. 1997. P. 159-170*). Последний раз в Византии титул «Нового Константина» использовал придворный ритор Мануил Олово в энкомиях в честь имп. Михаила VIII Палеолога (1259-1282), отвоевавшего К-поль у латинян в 1261 г. и тем самым в буквальном смысле воссоздавшего империю К. (*Manuelis Holoboli Orationes / Ed. M. Treu. Potsdam, 1906-1907; Macrides R. J. From the Komnenoi to the Palaiologi: Imperial Models in Decline and Exile // New Constantines. 1997. P. 270-272*).

По мере развития христ. культуры и в Византии, и в Зап. Европе наряду с «политической» традицией культа К. постепенно начала формироваться и традиция его церковного почитания. Эта эволюция форм почитания К. от общественно-политической к церковной является ярким показателем сложного процесса христианизации позднеантичного и средневек. мира, постепенного роста влияния в нем христ. вероучения и традиций, их все более глубокого проникновения в сферы общественных взглядов и отношений, в психологию древнего общества и человека.

В сер. IV - сер. V в. развивается легендарная история обретения Древа Св. Креста Господня в Иерусалиме (см. *Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня*). В ней на 1-м плане - факт присутствия св. Елены на месте раскопок на Голгофе, а самому событию придается все более провиденциальный смысл. Обретение Св. Креста Господня матерью К. и установление почитания св. мест Палестины начинают восприниматься как одни из главных символов торжества христианства в мире. Одновременно в процессе развития образа К. как христианина важнейшее место занимает тема почитания им креста как знака новой веры. В трудах церковных историков этой эпохи (Руфин Аквилейский, Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Кирский) особо подчеркиваются неск. связанных с этим эпизодов: видение К. Креста на небе перед битвой с Максенцием, обретение Св. Креста Господня в Иерусалиме и почитание частиц этой реликвии К., а также новое явление Св. Креста в небе над Иерусалимом ок. 351 г. при имп. Констанции II. В эпоху имп. Ираклия (610-641) произошло очевидное для всех современников символическое воспроизведение событий Крестовоздвижения при К. и Елене, когда во время византийско-персид. войны Животворящее Древо было захвачено персами и затем возвращено христианам. Ираклий, в 630 г. лично перевозивший святыню в Иерусалим, несомненно воспринимал К. как образец.

Княжение имп. Константина Великого. Распись капеллы Сан-Сильвестро в базилике Санти-Кватро-Коронати, Рим. 1247 г.

В V в. наряду с темой Св. Креста историки Феодор Чтец и Геласий Кизический активно развивали тему общения К. и отцов Церкви его эпохи. В рассказе о I Вселенском Соборе особо указывали на проявление взаимного почтения К. и святителей Пафнутия и Спиридона Тримифунтского. Важное место в истории Собора заняли рассказы о чудесных диспутах с философами-язычниками святителей Спиридона Тримифунтского и Александра К-польского. Вместе с тем большое внимание авторов V-VI вв. к истории основания и строительства К-поля указывает на сохранение и параллельное развитие образа К. как гос. деятеля. Так, если Евсевий Памфил коснулся к-польского проекта К. довольно кратко (*Euseb. Vita Const. III 48-49*), то ряд позднейших авторов (*Socr. Schol. Hist. eccl. I 16; Sozom. Hist. eccl. II 3; Ioan. Malal. Chron. P. 319-328; Chron. Pasch. P. 527-530; Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 563-567; Scriptorum originum Constantinopolitanarum / Rec. Th. Preger. Lipsiae, 1901. Тl. 1*) изложили его с большим увлечением и новыми подробностями, описывая как церковное строительство, так и общегородские достопримечательности и произведения искусства в новой столице.

Куль К. в К-поле первоначально носил гос. характер, но постепенно соединился с церковным. В IV-VI вв. существовал алтарь К. на главном городском форуме, перед к-рым в определенные дни совершали церемонии. Также в день города статую К. выносили на ипподром (см. *Константинополь*). В городе существовало не менее 9 храмов, посвященных К., в т. ч. мавзолей внутри комплекса собора св. Апостолов (*Janin. Églises et monastères. 19692. P. 295-298*). Могила К. в храме святых Апостолов почиталась как одна из величайших святынь (*Nicolaus Mesarites. Description of the Church of the Holy Apostles in Constantinople / Ed. G. Downey // TAPS. 1957. Vol. 47. N 6. P. 914-915*). К. приписывали основание 22 городских храмов. В соборе Св. Софии почитались корона (диадема) и одежды К., по преданию дарованные ему ангелом. Корона была украшена драгоценностями, и считалось, что в нее вмонтирован один из Св. гвоздей Креста Господня. Ее выносили на всеобщее обозрение лишь в особых случаях; византийцы считали, что К. был первым императором, к-рый носил драгоценную корону (*Ioan. Malal. Chron. P. 321-322; Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 517*). Также большим вниманием пользовался шлем К., который уже в IV в. был украшен диадемой и стал моделью для венцов позднейших византийских императоров и зап. монархов. В имп. зале Большого дворца Хрисотриклине находились трон и щит К. Статуи К. были установлены в соборе Св. Софии, церкви св. Феклы и ряде др. храмов. Большинство этих реликвий были утрачены или увезены на Запад крестоносцами после 1204 г. Сохранилось изображение К. на мозаике X в. в соборе Св. Софии, где К. преподносит Пресв. Богородице основанный им К-поль.

Образ К. как человека и правителя постепенно становился легендарным: император отрывался от реалий своей эпохи, память о к-рой со временем все более стиралась. Уже в кон. IV в. свт. Иоанн Златоуст упоминал, что ныне никто ничего не помнит о К. (*Ioan. Chrysost. Ad popul. Antioch. Hom. 21: In ep. Flaviani reditum // PG. 49. Col. 216*). В дальнейшем эпоха К., мн. детали позднерим. культуры становились для византийцев все менее понятными. Образ императора приобретал черты, которые так или иначе соответствовали идеалам христианской или точнее средневек.

культуры, но все менее отражали историческую действительность. В ходе этого процесса возникали различные предания и произведения о К., трактовавшие его деяния уже как легенду. И на этом фоне в кон. IV-VI в. позднерим. общество все настойчивее стремилось решить проблему «воцерковления» образа императора. По мере завершения христианизации, с одной стороны, и развития церковного литургического обихода, с другой, для жителей Римской (Византийской) империи все важнее было не только видеть в К. общественно-политический идеал, но и воспринимать его как члена Церкви, прихожанина, символически и даже мистически всегда присутствующего среди остальных жителей империи, к-рые почти все духовно объединены новой торжествующей религией. Т. о., необходимо было интегрировать образ К. в структуру церковного обряда и обихода. В IV-V вв. в придворной риторике и гос. пропаганде К. сопоставляли с апостолами и царями Др. Израиля (Давидом и Соломоном). Однако этих хвалебных эпитетов и даже появившегося в VIII в. определения К. «равноапостольный» было недостаточно, его следовало ввести в состав вселенской христ. общины, в сонм святых законным каноническим образом. Решением этой проблемы стало появившееся в V в. предание о крещении К. папой Римским свт. Сильвестром. Это предание должно было сыграть ведущую роль в становлении церковной традиции почитания К. как святого и в его окончательном единении с Церковью. Но в IV-V вв. было известно, что К. принял крещение в 337 г. на смертном одре при участии епископов, к-рых позднее причислили к арианам. В связи с этим формирование церковного предания о крещении К. представляло собой значительные трудности, и христианским интеллектуалам Запада и Востока в позднеантичную эпоху пришлось приложить большие усилия для их разрешения.

О крещении К. на смертном одре сообщали мн. авторитетные писатели IV-V вв. разного вероисповедания. Так, и арианин Филосторгий, и блж. Иероним были полностью согласны в том, что К. принял крещение в 337 г. и что крестил его еп. Евсевий Никомидийский (*Philost. Hist. eccl. II 16; Hieron. Chron // PL. 27. Col. 679*). Однако в течение V в., по мере окончательного размежевания ариан и православных, история крещения К. в 337 г. вызывала все больше смущения. В сочинениях византийских церковных историков V в. проявились различные попытки затушевать подробности этого события, так или иначе отвести от него внимание читателей. Так, Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит Кирский не назвали имя церковного иерарха, крестившего К. (*Socr. Schol. Hist. eccl. I 39-40; Sozom. Hist. eccl. II 34; Theodoret. Hist. eccl. I 32*). Созомен специально остановился на вопросе о крещении К., чтобы определить, когда К. внутренне обратился к Христовой вере (*Sozom. Hist. eccl. I 5*). Он доказывал, что К. принял христ. веру еще до победы над Максенцием, о чем свидетельствуют его законы и «сведения хронистов». Историк не уточнял, в какой форме К. в то время мог обратиться в христианство, и тем самым оставлял читателям возможность предполагать, что К. не только испытывал симпатии к вероучению христиан, но, может быть, и прошел обряд крещения. Созомен также отверг известные ему рассказы о том, что К. якобы принял крещение после убийства Криспа для очищения (ср. подобную версию в «Истории» Зосима; *Zosim. Hist. II 29*). Т. о., представления о духовной эволюции К. от язычества к христианству стали в определенной степени противовесом сведениям о крещении императора на смертном одре. Впрочем, нек-рые визант. авторы в VII-VIII вв. еще воспроизводили сведения Евсевия Никомидийского о крещении К. на смертном одре (ср.: *Chron. Pasch. P. 532-533; Alex. Mon. De vener. Cruc. // PG. 87. Col. 4015-4095*).

Однако и такое неопределенное отношение к крещению К. уже не могло считаться удовлетворительным. В течение V в. сложилась и приобрела первостепенное значение легенда о том, что К. был крещен папой Римским св. Сильвестром вскоре после освобождения Рима в 312 г. Место и обстоятельства возникновения этого предания из-за недостатка источников остаются неясными. Предположительно оно появилось в Риме. В V-VI вв. гос. власть и в Восточной (Византийской), и в находившейся на пороге гибели Западной Римской империях проявила большой интерес к принятию и распространению этой новой офици. версии крещения К.

Неск. авторов 2-й пол. V - нач. VI в. упоминали о крещении К., предлагая свои версии, к-рые выглядят как различные переходные формы от арианской истории крещения к православной. Так, Геласий Кизический в «Церковной истории» кратко упомянул, что К. был крещен православным (*Phot. Bibl. 88*); язычник Зосим указал, что К. был крещен в Риме свящ. Эгиптием из Испании (*Zosim. Hist. II 29*).

Предание о крещении изложено в Деяниях св. папы Сильвестра (BHL, N 7726-7732; *Mombritius B. Sanctuarium seu vitae sanctorum. P., 1910. T. 2. P. 508-531*; «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского / Под ред. В. В. Калугина. М., 2003). Это произведение в посл. подвергалось многочисленным редакциям, самая поздняя из к-рых относится к IX в. Тем не менее основа сюжета о крещении К. сформировалась не позднее кон. V в. Согласно этому преданию, вскоре после освобождения Рима К. тяжело заболел и почувствовал приближение смерти. Врачебные средства императору не помогли; он обратился к языческим жрецам, и те заявили, что император исцелится, если искупается в крови младенцев. Несчастные жертвы были уже избраны, но К., увидев детей и их рыдающих матерей, отказался от этого изуверского ритуала. В одну из следующих ночей, когда К. продолжал страдать от болезни, ему во сне явился некий старец в светлых одеждах, к-рый сказал, что К. будет исцелен, если примет христ. крещение. Император немедленно вызвал к себе еп. Рима Сильвестра и спросил его о смысле этого видения. Сильвестр показал К. икону св. ап. Петра, и император узнал являвшегося к нему старца. К. принял крещение, погрузившись в ванну с водой, вскоре стал здоров и с тех пор покровительствовал Церкви во всех делах.

История крещения была известна сир. богослову Иакову Саругскому на рубеже V и VI вв. Впервые в развернутой форме ее воспроизвели визант. авторы сер. VI в.- хронист Иоанн Малала (*Ioan. Malal. Chron. P. 317*) и церковный историк Захария Ритор (*Zach. Rhet. Hist. eccl. I 7*). Оба использовали уже известные в то время «Акты Сильвестра». История о крещении К. Сильвестром была столь важна, что в 20-х гг. VI в. ей были

Явление апостолов Петра и Павла имп. Константину Великому во сне. Роспись капеллы Сан-Сильвестро в базилике Санти-Кваторо-Коронати, Рим. 1247 г.

посвящены неск. сюжетов декорации храма св. Полиевкта в К-поле, к-рый был построен Аникией Юлианой, родственницей императоров Западной Римской империи (*Anthologia Palatina*. I 10). В последующие эпохи в Византии легендарная история о крещении К. Сильвестром стала неотъемлемой частью церковного Предания и исторических знаний византийцев о К., она воспроизведена во всех основных версиях средневеков. Жития К. (ВНГ, N 364) и большим числом др. авторов (*Theoph. Chron.* P. 17-18; *Georg. Mon. Chron.* P. 485-487; *Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1.* P. 475-476; *Mich. Glyc. Annales.* P. 466-467; *Niceph. Callist. Hist. eccl.* VII 35; VIII 54-55). Православная история крещения почти полностью вытеснила знания о крещении императора на смертном одре. Нек-рые историки (Михаил Глика, Никифор Каллист) упоминали наряду с православной и о прежней версии крещения, но критиковали и отвергали вторую, приводя различные аргументы и оценивая

саму возможность крещения К. арианами как несомненную клевету. Вместе с тем наибольшим влиянием легенда о крещении К. св. папой Сильвестром пользовалась на Западе, где в VIII в. она была дополнена легендой о «Константиновом даре».

В Византии известны 3 основных классических версии Жития К. Датировка этих памятников остается сложной проблемой; большинство совр. исследователей считают, что Жития имели единый прототекст и сформировались в течение длительного периода VII-XI вв. (подробный анализ см. *Kazhdan.* 1987; *Winkermann.* 1964, 1978). Это ВНГ, N 364 (издание *Guidi.* 1908), ВНГ, N 365 (*Opitz.* 1934; дополнения *Halkin.* 1960) и ВНГ, N 365n (*Halkin.* 1959). В основных чертах композиция и характер повествования в них сходны, но есть и существенные отличия в деталях. Неск. неопубликованных вариантов Житий К., к-рые появились в этот же период, в основном соответствуют по содержанию указанным выше. Кроме Житий К. (а также описанных выше актов св. Сильвестра) для истории почитания К. в Византии важны также Житие св. Василия из Лакедемона (ВНГ, N 369b, не опублик.), Житие св. *Евсигния*, современника К., пострадавшего за веру при имп. Юлиане Отступнике (ВНГ, N 639; IX-X вв.), а также Жития святых Артемия (ВНГ, N 170, 172), Митрофана и Александра К-польских (ВНГ, N 1279; дата не определена, между VI и IX вв.; *Winkermann.* 1982), Акакия (ВНГ, N 13), Мокия (ВНГ, N 1298). Сохранились также 2 варианта похвального слова в честь 318 св. отцов Никейского Собора: 1-й энкомий приписан в рукописи св. Григорию Просветителю, основателю Армянской Апостольской Церкви, но создан ок. IX в. (ВНГ, N 1431; *Gregorius Lobrede.* 1908; *Krumbacher.* Geschichte. 1897. S. 169; *Beck.* Kirche und theol. Literatur. 1977. S. 545). 2-й, краткий, создан в XI в. (ВНГ, N 369k; *Winkermann.* 1965). Сведения о К. в обоих энкомиях полностью зависят от материалов «Церковной истории» Феодорита Кирского и Жития К. (ВНГ, N 364).

Житийный рассказ о К. строится на неск. ключевых эпизодах. Первый - легенда о рождении К. (*Guidi.* 1908. P. 58; *Opitz.* 1934. P. 545, 551; *Halkin.* 1959. P. 74). Согласно Житиям, трибун Констанций Хлор, отличившийся в войне с сарматами, некогда был отправлен послом в Персию (по версии ВНГ, N 365n, ехал на войну с сарматами). По дороге остановился в Дрепане (позднее переименован в Еленополь). Он провел ночь с дочерью хозяина трактира Еленой, подарил ей пурпурный хитон (в ВНГ, N 365n также золотую драгоценную цепочку) и просил отца позаботиться о ней и буд. ребенке. Тогда же во сне ему было видение, которое Констанций, будучи язычником, приписал Аполлону. Прошло ок. 10 лет; Констанций стал императором, отправил новое посольство в Персию, и его послы остановились в том же трактире и услышали, как маленький К. хвастается, что он сын императора. Они сначала подняли К. на смех, но Елена уверила их в правоте своего сына и продемонстрировала подаренный ей хитон (и украшение). В версии ВНГ, N 365n придворные чиновники Констанция специально искали здорового и умного мальчика, которого Констанций мог бы усыновить, поскольку его законная жена родила умственно отсталого сына. Послы доложили о К. Констанцию, и тот вызвал Елену с сыном в столицу.

Остается неясным, как появилась эта легенда о рождении К. фактически от незаконной связи, порочащей и К., и его семью. В ранневизант. эпоху она не была известна. Впервые о том, что К. был незаконнорожденным, упомянул автор Пасхальной хроники (нач. VII в.; *Chron. Pasch.* P. 517). Непонятно также, почему легенда приобрела столь большое распространение в византийском обществе. А. П. Каждан указал на сходство сюжета о незаконном рождении святого в Житиях К. и в Житии св. Феодора Сикеота (сер. VII в.), чья мать Мария жила на постоялом дворе и однажды провела ночь с имп. посыльным Космой (*Kazhdan.* 1987. P. 215; Житие Феодора Сикеота / Пер.: Д. Е. Афиногенов. М., 2005. 3-5. С. 28-29). Возможно, возникновение такой легенды о К. связано с некими вкусами визант. общества VII-VIII вв., которые впосл. у самих же византийцев вызывали отторжение. В позднейшие времена большинство визант. историков и хронистов настойчиво отрицали эту житийную версию происхождения К. В нач. IX в. Феофан Исповедник приписал создание легенды арианам и язычникам, которые, по его мнению, всегда стремились оклеветать К. (*Theoph. Chron.* P. 18); Георгий Монах (сер. IX в.) заявил, что рассказывающие подобное о К. являются клеветниками (*Georg. Mon. Chron.* P. 484-485). Позднейшие хронисты и др. визант. авторы принимали легенду в сглаженной форме и указывали, что Елена все же была законной женой Констанция.

Второй важный компонент Житий - молодость К. до его восшествия на престол (*Guidi.* 1908; *Halkin.* 1959. P. 77). В этом разделе ярко проявилась тенденция к героизации К., к-рый совершил ряд достойных восхитения поступков. К. жил при дворе Диоклетиана, где воспитывался в «эллинской мудрости», но бежал ко двору своего отца после того, как узнал о готовившемся злоумышленниками покушении на свою жизнь. В ВНГ, N 365n рассказывается, как К. якобы принимал участие в традиц. празднике на арене ипподрома, где император должен был своей рукой убить медведя и

льва (или леопарда) и провести ритуальный бой и разогнать 30 воинов, к-рые бросались в него бутафорскими камнями из сухой губки. Галерий якобы испугался это сделать, но К. со всем справился, хотя воины бросали в него настоящими камнями. Затем К. бежал к отцу, спасаясь от гнева Галерия. Похожие описания подвигов К. есть и у др. визант. авторов: у Иоанна Зонары - как К. на охоте поймал сильного льва, а во время войны с сарматами победил в поединке вождя варваров и привел его в ставку Галерия (*Zonara. Epit. hist. Vol. 2. P. 623*). Подобные же события упоминаются и в «Библиотеке» свт. Фотия (IX в.), к-рый ссылается на прочитанную им книгу некоего писателя-язычника Праксагора из Афин (*Phot. Bibl. 62*. Праксагор по др. источникам неизвестен, и неясно, читал ли Фотий его подлинный текст).

Третий эпизод, история видения креста К. во время войны с Максенцием, утвердившаяся уже среди авторов IV-V вв., также продолжает развиваться в средневек. легендах. В агиографии наряду с традиционными появляются новые элементы. В ВHG, N 365 К. видел сон накануне явления креста: гигант, состоявший полностью из света, ударил его так, что у К. пошла кровь из носа; император проснулся, вышел из шатра и увидел крест (*Opitz. 1934. P. 545*). Рассказ о самом видении креста, как правило, расцвечивается различными эпитетами (*Guidi. 1908. P. 22-24; Opitz. 1934. P. 545, 554-556; Halkin. 1959. P. 79-80*). К. видел лучи в форме креста, сиявшие на небе ярче солнца (сплявшим светом; в ВHG, N 365n К. видел столб света) и победную надпись. Затем Христос явился ему и приказал сделать изображение (εἰκὼν) увиденного из земных материалов (в ВHG, N 365n Господь также приказывает основать город на Востоке и посвятить его Пресв. Богородице). На следующий день К. собрал чеканщиков и ювелиров и приказал им сделать крест из золота и драгоценных камней. Крест был украшен также косым перекрестием в форме буквы Х и увенчан короной в форме буквы Р, и т. о. одновременно был представлен и знак, и монограмма Христа. Золотой крест К., по словам агиографов и нек-рых др. авторов, хранился в имп. сокровищнице в К-поле. Существовало также предание о том, что трижды в год к кресту прилетал ангел и произносил пророчества: в середине Великого поста, на 7 мая (явление Креста на Голгофе) и на 14 сент. (Крестовоздвижение) (*Guidi. 1908. P. 53*).

Поклонение Кресту. Гобелен по эскизу П. Рыбца. 1625 г. (Художественный музей, Филадельфия)

В Житиях постепенно увеличивалось количество сообщений о видениях. Рассказывали о том, что чудесные явления креста сопровождали К. не только во время битвы 312 г., но и в неск. последующих войнах. Согласно ВHG, N 364, крест явился К. на небе во время некоей легендарной тяжелой битвы против византийцев, наступавших с превосходящими силами, и предопределил победу К. Крест также светил на небе во время кампании К. против Лициния, «скифов» за Дунаем (или даже британцев, тоже за Дунаем), германцев, сарматов (*Guidi. 1908. P. 30, 35, 37; Opitz. Ibid.; Halkin. 1959. P. 81*). Неоднократно в различных вариантах Житий подчеркивается, что силой креста и согласно пророческому видению К. завоевал все народы мира до края океана. Предание о многочисленных видениях К. постепенно приобрело большое влияние в Византии. Нек-рые историки позднего периода, напр. Иоанн Зонара (*Zonara. Epitom. hist. Vol. 2. P. 6-7;*), приводили сюжеты неск. явлений Христа, ангелов и божественного голоса императору в разное время его жизни

Имп. Константин преподносит титул папы Римскому Сильвестру. Роспись капеллы Сан-Сильвестро в базилике Санти-Кватро-Корнати, Рим. 1247 г.

В средневизант. эпоху появилось также неск. агиографических произведений, где само чудо явления креста локализовалось не возле Рима, а близ К-поля, и тем самым историческая основа этого события полностью искажалась. В Житии св. Евсигния (ВHG, N 639; ок. IX-X вв.) рассказано, что К., еще будучи комитом, вел войну против византийцев (варварского народа) и его шатер находился на месте, где позднее был построен к-польский форум К. Император терпел неудачу, но в критический момент сражения он увидел на небе надпись по-гречески, призывавшую его принять Спасителя. Затем явились звезды в форме креста и надпись: «Сим победиши». К. сделал крест из дерева и вскоре победил. В том же Житии есть подобная история о видении во время войны К. на Дунае.

Среди описаний военных подвигов К. появилось также предание о его войне с персами, во время к-рой К. якобы попал в плен и едва сумел избежать гибели (*Guidi. 1908; Halkin. 1959. P. 84*). Наиболее подробный рассказ об этом событии сохранился в Житии св. Евсигния (ВHG, N 639), который участвовал в этой войне и был захвачен одновременно с императором. Евсигнию удалось бежать вместе с 10 товарищами и сообщить римлянам о месте, где персы содержали пленников. Персы хотели принести К. в жертву своему «идолу», но рим. солдаты напали на них, освободили К. и вознесли благодарственную молитву Богу за его спасение. Визант. авторы сомневались в хронологии этого события и помещали эту легендарную войну с персами то в начало правления К., сразу после смерти Констанция Хлора, то после победы над Максенцием, то после основания К-поля.

Особым значением для византийцев всегда обладала история основания К-поля. В ВHG 635n К. получил указание строить новую столицу на Востоке империи одновременно с небесным видением креста (*Halkin. 1959. P. 79-80*). В Житии св. Евсигния К. после победы над византийцами советовался с отцом «Констой» (к-рый был жив), где строить город. Большую популярность в Византии приобрела сомнительная по достоверности история, рассказанная

Основание Константинополя. Эскиз и картина «История Константина». 1622 г. Худож. П. Рубенс (частное собрание)

впервые Созоменом, о том, что К. собирался основать новую столицу на месте древней Трои, но затем, под влиянием чудесного знамения, выбрал место, где построили К-поль. Ее многократно повторяли и агиографы, и историки разных веков с различными деталями (*Sozomen. Hist. eccl. II 3; Theod. Lect. Eccl. hist. 13. 25-28; Theoph. Chron. P. 23; Georg. Mon. Chron. P. 499-500; Leo Gramm. Chron. P. 89; Guidi. 1908. P. 36; Opitz. 1934. P. 566-567; Halkin. 1959. P. 79*).

Согласно Житиям, особую роль в основании новой столицы и вообще в устройении ряда важнейших гос. дел сыграл некий придворный евнух Евфрата - легендарный персонаж, к-рому не удается найти к.-л. убедительные исторические прототипы. В ВHG, N 365 Евфрата накануне битвы с Максенцием (близ Византия, а не Рима) советует К. отменить многобожие и обратиться к истинному Богу, а Его Сыну Христу; К. следует его совету и побеждает. В ВHG, N 365n Евфрата становится главным архитектором К-поля, возводит стены, городские цистерны и соборы Св. Софии и св. Апостолов, приглашает жителей в К-поль со всей империи, строит им дома и снабжает их продовольствием. Согласно тому же Житию, Евфрата умер во время строительства церкви и приюта для бедняков у Фракийской стены К-поля, и

церковь с тех пор называлась местными жителями τὰ Εὐφρατῆ (*Halkin. 1959. P. 86-87, 89-91, 100*). Происхождение и смысловые функции легенды о Евфрате неизвестны, но она оказалась среди наиболее устойчивых мифических элементов предания, к-рые были приняты византийцами безоговорочно, прочно закрепилась в городском фольклоре К-поля и даже в исторических сочинениях (*Halkin. 1960. P. 18, 21; Scriptores originum Constantinopolitanarum / Ed. Th. Preger. Lpz., 1901. Vol. 1. P. 146-147*).

Среди прочего стоит отметить, что в средневек. визант. Житиях К. остались далеко на периферии интересов и внимания агиографов собственно заслуги К. перед Церковью, его реальные политические деяния в отношении христиан, т. е. все то, за что К. столь высоко ценили современники и потомки первых поколений. В Житиях К. едва упоминается, и далеко не всегда, I Вселенский Собор (*Halkin. 1959. P. 91*); никогда не говорится о Миланском эдикте, противостоянии с ересями донатистов или ариан. Тема обращения К. к христианству раскрывается сугубо через концепцию видения (или цепи подобных чудес) и не затрагиваются вопросы развития К. как личности. Процесс внутренней перестройки человека от языческой системы ценностей к христианской замещается актом крещения К., ритуальным действием, к-рое в средневек. восприятии полностью приобщает человека к Церкви. Тема отношений империи и Церкви представлена на основе легенды о крещении К. св. Сильвестром и легенды о «Константиновом даре». Т. о., на смену реальной политике религ. толерантности, к-рую, пусть и с оговорками, проводил исторический К., приходит идея о некоей мистической передаче власти от древней империи к Церкви (актуальной для средневековых писателей). История церковного строительства К. в Житиях также сводится к неск. основным эпизодам, которые включают элементы чуда, но при этом явно второстепенны для описания действительной политики храмового строительства при К. История основания К-поля состоит из рассказов о чудесной победе К., почитании св. Креста и его изображений в городе и едва упоминает о христ. храмах. Обустройство св. мест в Палестине также связано с помощью только Св. Креста и св. Елены, в то время как строительство храмов, организованное К. и епископами Иерусалимской Православной Церкви (в действительности почти без участия св. Елены), практически не затрагивается.

К XI в. легенды о К. в основном приобрели законченный вид; возникновение новых преданий прекратилось. Ряд историков и хронистов в поздней Византии (Иоанн Зонара, Михаил Глика, Никифор Каллист Ксанфопул) приняли на веру ряд легендарных сюжетов, особенно описания небесного видения креста и предание о крещении К. св. папой Римским Сильвестром. В поздней Византии лучшими риториками того времени Константином Акрополитом (кон. XIII - нач. XIV в.; ВHG, N 368), Никифором Григорой (сер. XIV в.; ВHG, N 369), Иоанном Хортазменом (нач. XV в.; ВHG, N 362) в честь К. созданы неск. панегириков. К.-л. новых элементов легенд о К. эти тексты не содержат, нек-рые прежде известные детали в них подверглись переосмыслению. Так, Григора и Хортазмен настаивают на благородном происхождении св. Елены, подчеркивают ее красоту и тот факт, что она находилась с Констанцием Хлором в законном браке. Той же версии следовали и некоторые хронисты позднего периода Византии, уже с X в. (*Leo Gramm. Chron. P. 83; Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 472, 476; Zonara. Epit. hist. Vol. 2. P. 1*). В энкомии Хортазмен особо отмечал образованность К., который, по его мнению, знал в совершенстве латынь и греческий. Т. о., представления о К. несколько корректируются в соответствии с идеалами общественных отношений и культуры эпохи т. н. палеологовского ренессанса.

И. Н. Попов

На христианском Востоке

По мнению Г. Фоудена (*Fowden. 1994*), легенда о крещении К. в Риме сложилась на Востоке и позднее на Западе соединилась с рядом местных преданий, в т. ч., с преданием о папе Сильвестре, получив окончательную редакцию в «Деяниях Сильвестра». На Востоке то же предание нашло отражение в сохранившейся на сир. языке и в араб. переводе мемры Иакова Саругского (451/2-521) о крещении К. (ВНО, N 1070-1072), где оно приобрело персидский колорит (*Kohlbacher. 2002*). Образ К. как идеального императора в сир. традиции нашел яркое выражение в «Романе о Юлиане»: он выступает как антипод имп. Юлиана Отступника (361-363), с одной стороны, и прототип имп. Иовиана (363-364) - с другой.

В копт. исторической и агиографической лит-ре К. представлен как антипод имп. Диоклетиана, основной фигуры копт. традиции. Иногда делается попытка представить К. христианином с юности. Так, в Мученичестве св. Исидора рассказывается о том, как юный К. скрывался от гонений Диоклетиана у своего родственника стратилата Панталеона, отца мч. *Исидора*. В ряде коптских агиографических текстов (Мученичество св. Набрахи; Гомилия в честь вмч. Георгия, атрибутируемая Феодоту, еп. Анкирскому) К.- император-освободитель, к-рый по восшествии на трон выпускает из тюрем христиан, заключенных туда в гонение Диоклетиана. В Гомилии в честь арх. Михаила, приписываемой Севиру Антиохийскому (VI в.), К. играет роль просветителя языческих земель, по просьбе местного правителя посылая Эфесского еп. Иоанна крестить жителей г. Энтиаке. Уникальный рассказ о юности К. содержится в копт. Мученичестве святых Тера и Ираи, в к-ром Диоклетиан, выполняя просьбу трибуна К., устраивает его брак с христианкой Калонией, сестрой Тера и Ираи.

В Гомилии Феодота Анкирского упоминается о посещении К. Иерусалима с матерью равноап. Еленой и сестрой Евдоксией. Вымышленная фигура последней, вобрав в себя черты равноап. Елены и *Евдокии*, жены имп. Феодосия II (возможны и др. прототипы), стала центром самостоятельной копт. «Легенды о Евдокии». В обширной ее вводной части (33 главы из 105) повествуется о чудесном свержении имп. Диоклетиана с престола арх. Михаилом по молитвам мучеников, о передаче им власти непосредственно К., о крещении К. призванными из Египта 72 старцами и о его легендарной войне с персами. Далее рассказывается об обретении Евдоксией места, где был Гроб Господень, при участии К., к-рый тщетно пытался вывезти в К-поль табличку от Креста, но смог забрать лишь копию. По мнению исследователей, эта легенда была создана в сер. VII в. или несколько ранее и является результатом соединения целого ряда характерных для копт. лит-ры сюжетов. В частности, представление о масштабной войне К. с персами и его чудесной победе над ними могло сформироваться у коптов с целью заменить в этой роли имп. *Ираклия*, к-рый в 629 г. освободил от персов Египет, однако осуществлял там прохалкидонитскую церковную политику и т. о. не мог стать императором-героем для монофизитов.

Значительное место отведено К. в копто-арабском Синаксаре (XIII-XIV вв.), в котором помимо кратких упоминаний в житиях др. святых есть 3 дня памяти, связанные с К.: под 28 бармахата (24 марта) помещена память кончины К. и содержится его краткое Житие (рассказ о войне с Максенцием и явлении Креста в 7-й год правления К. в Британии, победа над Максенцием в Риме, крещение К. папой Сильвестром, миссия равноап. Елены, основание К-поля в честь Пресв. Богородицы); 12 масри (5 авг.) празднуется начало правления К. в Риме; 10 бауна (4 июня) - память обнаружения указа К. о закрытии языческих храмов и об открытии христ. церквей (датируется 13-м годом правления К. и началом Патриаршества Александра Александрийского (с 312)).

Особую значимость образ К. приобрел в средневековой Эфиопии, имевшей общую с Византией модель гос. правления - христ. монархию. В честь К. приняли тронное имя эфиоп. цари Сайфа Арад (1344-1371) и *Давид II* (1380-1411); регулярно сравнивался с К. и именовался «Новым Константином» в эфиоп. историографии царь-реформатор и богослов *Зара Якоб* (1434-1468).

В средневек. западносир. Минологиях память К. (обычно вместе с равноап. Еленой) встречается под 20 и 21 мая, 1 авг. (РО. Т. 10. Fasc. 1. P. 44, 78, 122). В Армянской Апостольской Церкви литургическая память К. (и равноап. Елены) совершается в 4-й четверг после Пятидесятницы.

Ист.: L'omelia di *Giacomo di Sarug* sul battesimo di Costantino imperatore / Ed., trad. A. L. Frothingham // MRAL. Ser. 3. 1882. Vol. 8. P. 167-242; Eudoxia and the Holy Sepulchre: A Constantinian Legend in Coptic / Ed. T. Orlandi, B. A. Pearson, H. A. Drake. Mil., 1980 (рус. пер.: Изречения египетских отцов. 20012. С. 287-304).

Лит.: *Kohlbacher M.* Die Taufe Kaiser Konstantins und ihr geheimer Held: Anmerkungen zu einem Memra des Jakob von Batnan in Sarug (ВНО, 1070. 1072 [syr.] / 1071 [arab.]) // Syriaca: Zur Geschichte, Theologie, Liturgie und Gegenwartsfrage der syr. Kirchen: 2. Deutsches Syrologen-Symp. (Juli 2000, Wittenberg) / Hrg. M. Tamcke. Münster, 2002. S. 29-76; *Buzi P., Bausi A.* Tradizioni ecclesiastiche e letterarie copte ed etiopiche // Costantino I: Enciclopedia Costantiniana: sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto editto di Milano 313-2013. R., 2013. Vol. 2. P. 401-423; *Войтенко А.* Коптская легенда о Евдокии как «альтернативная история» правления Константина Великого // Miscellanea Orientalia Christiana: Восточнохрист. разнообразие / Ред.: Н. Н. Селезнев, Ю. Н. Аржанов. М., 2014. С. 225-247.

С. А. Моисеева

В Зап. Европе

(*Heydenreich*. 1893; *Gerland*. 1937; *Kaegi*. 1958; *Wolfram*. 1960; *Linder*. 1975, 1987; *Ewig*. 1976; *Кривушин*. 2012). Лат. позднеантичная и средневек. историография изначально испытывала недостаток достоверных сведений об эпохе К. Сочинение Лактанция «О смертях преследователей» трактовало образ К. еще слишком скромно и не могло устроить ни церковных, ни светских политических идеологов. Большим влиянием пользовался латинский перевод «Церковной истории» еп. Евсевия, дополненный Руфином Аквилейским. Мн. базовые сведения о К. в средние века восходят к краткому рассказу Руфина в 10-й книге «Церковной истории» о правлении К. после 324 г. (*Rufin*. Hist. eccl. X 1-14). Нек-рую, хотя и очень краткую информацию давала «Хроника» блж. Иеронима (переработка «Хроники» еп. Евсевия). «Житие Константина» еп. Евсевия на Западе не было известно вообще (его не знали даже Орозий и блж. Августин). Первый лат. перевод «Жития Константина» был издан в Париже лишь в 1544 г. Нек-рые фрагменты труда еп. Евсевия достигли Запада лишь через цитаты в «Трехчастной истории» Кассиодора, которая в основе представляла собой перевод византийского историка нач. VI в. Феодора Чтеца.

Мнение, что К. открыл новую эру в истории Римской империи, впервые на Западе отчетливо выражено Исидором Севильским в кон. VI в. (*Isid. Hisp.*

Etymol. V 1. 7). Для средневеков. юристов имело большое значение то, что кодексы Феодосия и Юстиниана, ставшие основой законодательства христианской империи V-VI вв., открывались законами, принятыми при К.

Вместе с тем до конца средневековья знания европейцев о К. неизменно страдали приблизительностью, что привело к нарастанию искажений и легенд в гораздо большем масштабе, чем в Византии. Многочисленны случаи совмещения образов К. и неск. др. правителей из его династии с похожими именами. К. в культурной памяти мог «поглощать» др. императоров. Первый подобный пример содержится уже в труде Оптата Милевского (кон. IV в.), к-рый спутал К. и Констанция II (*Optat. De schism. donat. II 15 (CSEL. 26. P. 50)*). В «Готском календаре» VI в. под 3 нояб. указана память К. вместо Констанция II (*Delehaye H. Saints de Thrace et de Mesie // AnBoll. 1912. Vol. 31. P. 276*).

Облатение Животворящего Креста Господня. Роспись капеллы Сан-Сильвестро в базилике Санти-Кватро-Корнати, Рим. 1247 г.

В отличие от Византии и христ. Востока в Зап. Европе К. не был официально канонизирован. Есть отдельные частные примеры включения памяти К. в различные календари, но они не получили офиц. одобрения Римской курии. Так, скорее всего под греч. влиянием память К. под 21 мая указана в древнем календаре, к-рый высечен на каменных панелях в ц. Сан-Джованни-Маджоре в Неаполе (IX в.; *Delehaye H. Hagiographie napolitaine // AnBoll. 1939. Vol. 57. P. 5-64*). Есть отдельные упоминания о К. как о святом в различных сочинениях западных авторов. Так, Бруно Кверфуртский (нач. XI в.) называл святыми (sanctus) К. и имп. Карла Великого в рассуждении об образе христ. императора-миссионера (*Vita S. Adalberti // MGH. Script. Vol. 4. P. 599*). Подобные случаи редки и означают лишь риторические эпитеты в адрес К., к-рого могли называть благочестивейшим (religiosissimus), христианнейшим (christianissimus), божественным (divus) и даже блаженным (beatus), но это не связано с канонизацией. Римская курия, в средневековье неоднократно сталкивавшаяся в политической борьбе с императорами и королями, настаивала на первенстве духовной власти над мирской и последовательно противилась канонизации К., образ которого мог бы стать слишком привлекательным знаменем для светских идеологов. Папа Григорий VII (1073-1085) заявлял, что, хотя в Церкви чтут память императоров К., Феодосия Великого, Гонория, Карла Великого и Людовика Благочестивого, ни один из них не прославлен чудесами и не причислен к лику святых (*Gregorius VII. Reg. epist. VIII 21 // MGH. Epp. Sel. T. 2. Fasc. 2. P. 559*). Позиция курии может быть определена как осторожная, но отнюдь не враждебная к К., по крайней мере до тех пор, пока это не затрагивало жизненно важных интересов пап.

Несмотря на эти идеологические сложности, имя К. почиталось в самых разных формах и в Зап. Европе приобрело не меньшее значение, чем в Византии. Светское почитание К. складывалось в придворном церемониале, гос. пропаганде и легендарном предании. Тем не менее поскольку изначально гос. позднерим. культ К. на Западе был практически прерван уже в V в., в средние века церковная и светская традиции почитания К. были тесно переплетены.

Церковное почитание К. на Западе в основном опиралось на традицию почитания Животворящего Древа Креста Господня, к-рое достигло своего наивысшего расцвета в эпоху крестовых походов. Образы равноапостольных К. и Елены неизменно присутствовали или подразумевались в ритуалах и праздниках в честь Св. Креста. При этом на Западе в отличие от Византии непосредственная роль К. в этом событии, как правило, подчеркивалась, а роль св. Елены нередко была второстепенной (*Linder. 1975. P. 67*). Праздник Крестовоздвижения достоверно известен в Риме с VII в. На основе повестей о воздвижении Св. Креста, а также о перенесении реликвии в различные зап. города и монастыри были составлены многочисленные гимны и похвальные слова Св. Кресту (BHL, N 4178-4202; *Linder. 1975. P. 54*).

Латинская агиографическая традиция избирательно интересовалась историей К. Сочинений, охватывавших всю жизнь К., не существовало. Наиболее значительные произведения, связанные с этой темой, формировались в рамках культа равноап. Елены и папы св. Сильвестра, хотя зачастую они выходили за пределы церковных норм. Так, в Европе было известно неск. вариантов истории Елены и рождения К., которые отчасти были сходны с визант. версиями Житий К., но иногда превращались в авантюрную повесть. Среди таковых наиболее известна «Книжица (libellus) анонима о Константине Великом и его матери Елене», созданная в Италии ок. XII-XIV вв. (BHL, N 3780; *Heydenreich. 1879; Кривушин. 2012. С. 88-120*). В ней рассказывается, что Елена, дева-христианка знатного происхождения, подвергается насилию со стороны императора Рима Констанция. Тронутый ее слезами, он дарит ей имп. украшения и просит заботиться о будущем ребенке, которого Елена называет К. Некие купцы, заметив сходство К. и Констанция, похищают юношу и отвозят из Рима в Византию, где при дворе «греческого императора» выдают К. за сына императора Рима и с помощью подложного письма добиваются свадьбы с наследницей империи греков. На обратном пути в Рим купцы бросают новобрачных и присваивают все приданое невесты, кроме спрятанных ею драгоценностей. К. признается жене, что он самозванец, но та из сострадания не отказывается от него. К. и его жена спасаются на проходящем корабле и оказываются в Риме, где некоторое время живут на спасенные от рабителей драгоценности. К. участвует в турнире и обращает на себя внимание Констанция, к-рый хочет узнать, кто этот юноша. Тогда Елена предъясняет императору некогда подаренные ей украшения и тем самым доказывает, что К.- сын и наследник Констанция. Т. о., в этом произведении византийская фабула существенно усложнена. Реальное низкое происхождение Елены заменено знатностью, что более соответствует зап. вкусу, в историю вплетен мотив пиратского похищения, широко известный в античной лит-ре.

Легенда о крещении К. папой Сильвестром быстро приобрела популярность. В восприятии европейцев принятие новой веры виделось как результат победы, дарованной Богом праведному правителю. Уже в кон. VI в. *Григорий Турский* в

«Истории франков» использовал ее как модель для рассказа о крещении кор. *Хлодвига* (481-511) св. *Ремигием Реймским* (*Greg. Turon. Hist. Franc. // MGH. Scr. Mer. T. 1. Pars 1. P. 77*). Подобным образом в VIII в. св. *Беда Достопочтенный* изложил историю победы короля Нортумбрии св. *Освальда* (634-642) над бриттом Кедваллой (*Beda. Hist. Angl. III 1-2*). Позднее на этой основе сложился образ К. как императора-крестоносца, ставший прототипом европ. агрессивного миссионерства, связанного с покорением различных земель, в т. ч. с крестовыми походами.

История взаимоотношений К. и папы св. Сильвестра приобрела значение некоего универсального мифа, на к-ром строились представления о природе светской и духовной властей и отношений между ними. Любой зап. монарх и папа на Римском престоле в соответствующих ситуациях (раздел сфер влияния гос-ва и Церкви, борьба за инвеституру, крестовые походы, легитимация королевской власти и т. д.) воспринимали себя наследниками договора К. с Сильвестром. К., папа св. Сильвестр, а также св. ап. Петр как основатель Римской Церкви в восприятии европейцев были персонификациями Церкви и гос-ва. С их помощью можно было объяснить широким слоям общества проблемы церковно-политической идеологии, а также использовать этот сюжет в дидактических целях. Существовала *двух мечей теория*, светского и духовного, к-рые держат в руках королевская власть и Церковь и с помощью к-рых они добиваются торжества истинной веры на земле. Так, в «Генеалогии королей англ» Элреда из Риво (сер. XII в.) кор. Эдгар (959-975), обращаясь к клирикам, говорил, что сам он держит в руках меч К., а Церковь держит меч св. ап. Петра (*Aelredus Rievallensis. Genealogia regum Anglorum // PL. 195. Col. 728*).

Папа Римский Сильвестр показывает Константину образ апостола Петра и Павла. Роспись капеллы Сац-Сильвестро в базилике Санти-Кватро-Коронати, Рим. 1247 г.

Возвращение к переоценке сведений о крещении К. произошло лишь в Новое время под влиянием критики соч. «Константинов дар» как подложного документа и постепенной оценки всей версии Жития св. Сильвестра как легендарной.

Мн. правители Зап. Европы в различных ситуациях обращались к К. как к образцу идеального законодателя, к-рому надо следовать. Наиболее часто обсуждались роль К., инициатора созыва Соборов, а также тема почитания императором отцов Никейского Собора (на основе *Rufin. Hist. eccl. I 2*). Образ императора, открывающего Собор, неоднократно вдохновлял средневек. монархов. Напр., герм. имп. *Фридрих I Барбаросса* говорил о К. в 1159 г. на открытии Собора в Павии (*Gesta Frederici Imperatoris. V 74 // MGH. SS. P. 319*).

С К. связывалось большое число легенд об основании храмов в городах. При этом только в Риме эти предания имели под собой твердую историческую

основу. В Риме, где неск. больших базилик были заложены при К. или его ближайших преемниках, память об императоре всегда оставалась одной из главных основ городской культуры. В годы правления храмы украшали мозаиками; различные литургические предметы считались именно его вкладышами в храм. К. и мн. события его жизни (крещение папой Римским Сильвестром, история Св. Креста и др.) изображались в храмах и в средние века, и в эпоху Возрождения. Римская статуя Марка Аврелия в средние века считалась памятником К., который неоднократно воспроизводился в образе рыцаря на коне во Франции и Германии, в основном в храмах. Рыцарь К. изображался защищающим некую даму, которая символизировала Церковь. Статуя в кафедральном соборе в Бамберге («Бамбергский всадник»; 1-я пол. XIII в.) представляет, по одной из версий, К. в момент видения и тем самым подчеркивает мистическо-религиозный аспект образа императора (*Daras. 1970; Traeger. 1970*). Та же идея была по-новому интерпретирована Дж. Л. Бернини, который в 1670 г. создал конную статую К. в момент видения для собора св. Петра в Ватикане.

В Италии считалось также, что К. был основателем церквей в Остии, Капуе, Неаполе, Торлоне и др. Согласно «Салернской хронике» (X в.), К. некогда перенес в ц. св. Стефана в Капуе мощи святых Стефана и Агафии (*Chronicon Salentinum // MGH. Script. Vol. 3. 1839. P. 481*). С VIII в. в Неаполе возникло предание об основании К. базилики св. Реституты, позднее ставшей кафедральным собором (*Cat. episc. Neapolitanorum // MGH. Scr. Lang. 1878. P. 437; Gesta episc. Neapolitanorum. I 3 // Ibid. P. 404; Vita Athanasii ep. Neapolitani // Ibid. P. 443*). Анонимный автор неаполитанской «Партенопейской хроники» ц. Санта-Мария-дель-Принчипио (1-я пол. XIV в.) на основании сходства посвящений многих церквей Неаполя с храмами К.-поля заявлял об основании неаполитанских храмов К. и о некоем особом отношении императора к Неаполю, из чего он делал вывод о необходимости добиваться независимого и равного положения епископов Неаполя и Римских пап. Принимая на веру легенду о «Константиновом даре», он считал, что это соглашение Сильвестра и К. не касалось Неаполя, который в древние времена напрямую подчинялся имп. власти (*Parascandalo L. Memoriae storiche-critiche-diplomatiche della chiesa di Napoli. Napoli, 1848. Vol. 2. App. 2. P. 212-213*). Подобная тенденция ярко проявилась в церковно-политической идеологии Венеции. В «Венецианской хронике» особый статус митрополии Аквилеи и Градо обосновывался ее древними особыми связями с К.-полем (*Chron. Venetum (vulgo Altinate) // MGH. Script. 1883. Vol. 14. P. 1-69*). Т. о., эти и мн. подобные предания воспринимались как достоверные и в разное время активно использовались местными епископами и светскими властями в церковно-политической борьбе.

В Германии известна лишь одна подобная легенда, возникшая не позднее сер. X в., об основании К. аббатства св. ап. Матфия в Трире. Используя эту легенду, аббатство добивалось независимости от Трирского архиепископства и прямого подчинения императору (*Mohr W. Zur Problematik des Dagobert-Konstantin-Tradition des Klosters St. Maximin in Trier // Trierer Zschr. 1967. Bd. 30. S. 148-160*).

Наряду с культом Св. Креста, короны, шлема и др. атрибутов К., почитавшихся в Византии, на Западе распространились предания о конской сбруе К. (*Greg. Turon. De mirac. // MGH. Scr. Mer. T. 1. Pars 2. P. 41; Ado. Martyrologium. 3 mai // PL. 123. Col. 259*), а также о его мече. Во все эти реликвии, как считалось, также были закованы частицы гвоздей Св. Креста. В XII в. Уильям из Малмсбери упоминал, что меч К. был подарен Гуго Французским его кузену кор. Этельстану Английскому, что едва ли достоверно (*William of Malmesbury. Gesta rerum Anglorum / Ed. W. Stubbs. L., 1887. Vol. 1. P. 150*). Фигура К. была включена и в легендарное предание раннесредневековой Британии. К. является одним из героев «Истории королей бриттов» Гальфрида Монмутского (XII в.). Он правил сначала в Британии как сын имп. Констанция и Елены, дочери вождя бриттов Коэля и самой красивой и образованной невесты в стране; победил Максенция в Риме и начал править всем миром. Т. о., К. оказался вписан в родословную британских королей и стал одним из славнейших предков кор. Артура (*Geoffrey of Monmouth. History of the Kings of Britain / Ed. M. D. Reeve. Woodbridge, 2007. 78-83, 159-160*).

Победа имп. Константина Великого над Максенцием.
Роспись в Сал-францезско в Ареццо. 1452–1466 гг.
Худож. Пьеро дела Франческо

Наиболее удаленное от исторической основы фольклорное предание о К. (Кустанте) сложилось в Европе после крестовых походов, когда зап. лит. традиция испытала влияние визант. любовного романа. В XII-XV вв. в Италии, Франции и Германии был известен роман о Кустанте, в к-ром сплетались неск. популярных фольклорных мотивов (*Wesselofsky. 1877; Coveney. 1955; Кривушин. 2012*). Сюжет отчасти напоминает античный миф о Беллерофонте. Король-язычник Византия (Греции или Сицилии) Флориан (Мюзлен) получил пророчество о том, что его единственная дочь Сивиллина станет женой некоего простолюдина Кустанта. Король собственной рукой нанес младенцу тяжелые раны и приказал оставить его, но тот оказался под опекой аббатства, где его излечили и воспитали христианином. Через много лет увидев его вновь, Флориан сразу узнал юношу, взял ко двору и придумывал способ его погубить. Он отправил Кустанта с письмом в замок, где под охраной жила Сивиллина. В письме был приказ начальнику замка тайно убить Кустанта, но Сивиллина случайно увидела посланца спящим в саду, влюбилась в него, прочла письмо и подменила его другим, где содержался приказ выдать ее замуж за юношу. Узнав о свадьбе, Флориан вынужден был покориться Божественному Провидению; Кустант стал его наследником, крестил всю страну, и с тех пор Византий называли Кустантинобль. Возможно, в этом сюжете отразились очень отдаленные отголоски сложной истории отношений К. и семей имп. Диоклетиана, Максимиана Геркулия и Лициния, к-рые в той или иной мере были известны в Византии и через не сохранившиеся до наст. времени визант. литературно-фольклорные сочинения могли попасть в Зап. Европу, затем неоднократно перерабатывались в духе средневеков. куртуазной лит.-ры.

Ист.: СTh; CJC; *Optat. De schism. donat.; Euseb. Hist. eccl.; idem. Vita Const.; idem. de laudibus Const.; Athanas. Alex. Apol. contr. ar.; idem. de decret. Nic. Syn.; idem. Ep. ad Afros; idem. De morte Arii; Aur. Vict. De caes.; idem. Epitom.; Eutrop. breviar; Hieron. Chron.; Anon. Vales. Chron. Const.; Socr. Schol. Hist. eccl.; Sozom. Hist. eccl.; Theodoret. Hist. eccl.; Zosim. Hist.; Ioan. Malal. Chron.; Chron. Pasch.; Zonara. Epit. hist.; Praxagorae fragmenta // Historici Graeci minories / Ed. L. Dindorf. Lpz., 1870. Vol. 1. P. 438-440; SynCP. P. 697-700; XII Panegyrici Latini / Rec. A. Baehrens. Lipsiae, 1874; Wesselofsky A. Le Dit de l'Empereur Constant // Romania. P., 1877. T. 6. P. 161-198; Oros. Hist. adv. pag.; Ruf. Fest. Breviar; Incerti auctoris de Constantino Magno eiusque matre Helena libellus / Ed. E. Heydenreich. Lpz., 1879; Patria CP. T. 1; Parducci A. La leggenda della nascita e della gioventù di Constantino Magno in una nuova redazione // Studi Romanzi. Perugia, 1903. Vol. 1. P. 57-105; Gregorius Lobrede auf die 318 Väter des Konzils zu Nikaia und Konstantin den Grossen / Ed. J. Compennass. Bonn, 1908; Guidi M. Un bios di Costantino. R., 1908; Actus Sylvestri // *Mombritius B. Sanctuarium, sive Vitae sanctorum. P., 1910. Vol. 2. P. 279-293; Opitz H. G. Die Vita Constantini des codex Angelicus 22 // Byz. 1934. T. 9. N 2. P. 535-593; Coveney J. Edition critique des versions en vers et en prose de la legende de l'empereur Constant avec une étude linguistique et littéraire. P., 1955; Halkin F. Une nouvelle vie de Constantin dans un légendier de Patmos // AnBoll. 1959. Vol. 77. P. 63-108; idem. L'empereur Constantin converti par Euphrates // Ibid. 1960. Vol. 78. P. 5-18; Winkelmann F. Das Enkomium auf 318 Väter des Nikanischen Konzils (BHG 369K) // Eirene. Praha, 1965. Vol. 4. P. 39-41; idem. Vita Metrophanis et Alexandri BHG 1279 // AnBoll. 1982. Vol. 100. P. 147-184; Латинские панегирики / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент.: И. Ю. Шабага // ВДИ. 1996. 3. с. 210-221; «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиогр. своде Андрея Курбского / Под ред. В. В. Калугина. М., 2003; Кривушин И. В., Кривушина Е. С. Средневековое предание о Константине Великом и его матери св. царице Елене: Пер., коммент., исслед. СПб., 2012.**

Лит.: *Baronius C. Annales ecclesiastici. Antw., 1624. T. 3; [De Rossi G.] L'iscrizione dell'Arco trionfale di Costantino // BACr. 1863. Vol. 1. N 8. P. 57-60; Burckhardt J. Die Zeit Constantins des Grossen. Lpz., 1880 (рус. пер.: Буркхардт Я. Век Константина Великого. М., 2003); Seeck O. Die Zeitfolge der Gesetze Constantins // ZsRg.R. 1889. Bd. 10. S. 1-44, 177-251; idem. Die Verwandtenmorde Constantin's des Grossen // Zwth. 1890. Bd. 33. S. 63-77; idem. Das sogenannte Edikt von Mailand // ZKG. 1891. Bd. 12. S. 381-386; idem. Untersuchungen zur Geschichte des Nicänischen Konzils // Ibid. 1897. Bd. 17. S. 1-71, 319-362; idem. Die Urkunden der Vita Constantini // Ibid. 1898. Bd. 18. S. 321-345; idem. Die Zeitfolge der Gesetze Constantins // Zschr. für Rechtsgeschichte. 1909. Bd. 10. S. 1-44, 177-251; idem. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr.: Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit. Stuttg., 1919; idem. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Stuttg., 1921. 6 Bde; Heydenreich E. Constantin der Grosse in der Sagen des Mittelalters // Deutsche Zschr. für Geschichtswissenschaft. Freiburg, 1893. Bd. 9. S. 1-27; Zahn T. Konstantin der Grosse und die Kirche // idem. Skizzen aus dem Leben der alten Kirche. Erlangen, 1894. S. 241-266; Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. М., 1897; Hefele, Leclerq. Hist. des conciles. T. 1. Pt. 1-2; Bury J. B. The Constitution of the Later Roman Empire. Camb., 1910; Duchesne L. Early History of the Christian Church. L., 1912. Vol. 2; Straubinger J. Die Kreuzauffindungslegende. Paderborn, 1912; Керенский В. А. Литература о св. Константине // ПС. 1913. Ч. 2. С. 359-382; Dölger F.-J., Hrsg. Konstantin der Grosse und seine Zeit. Freiburg i. Br., 1913.*

(RQS.S; 19); *idem*. Die Taufe Konstantins und ihre Probleme // RQS.S. 1913. Bd. 19. S. 377-447; *Soden H., von*. Urkunden zur Entstehungsgeschichte des Donatismus. Bonn, 1913; *Batiffole P.* La paix constantinienne et le catholicisme. P., 19142; *Coleman C. B.* Constantine the Great and Christianity. N. Y., 1914; *Спасский А. А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Серг. П., 1914; *Бриллиантов А. И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. Пг., 1916; *Курганов Ф. А.* Император Константин Великий, святой, равноапостольный. Каз., 1918; *Levison W.* Konstantinische Schenkung und Silvester-Legende // Miscellanea F. Ehrle: Scritti di storia e paleografia. R., 1924. Vol. 2. P. 159-247. (ST; 38); *Baynes N. H.* The Byzantine Empire. L., 1925; *idem*. Three Notes on the Reforms of Diocletian and Constantine // JRS. 1925. Vol. 15. N 2. P. 195-208; *idem*. Constantine the Great and the Christian Church. L., [1930]; *idem*. Eusebius and the Christian Empire // *Idem*. Byzantine Studies and other Essays. L., 1955. P. 168-172; *Heseler P.* Zum Logos auf das Konzil von Nikaia und auf Konstantin den Grossen // BNJ. 1927. Bd. 5. S. 59-62; *Lot F.* La fin du monde antique et le début du Moyen âge. P., 1927; *Geffcken J.* Der Ausgang des griechisch-romischen Heidentums. Hdlb., 1929; *Grégoire H.* La «conversion» de Constantin // Revue de l'Université de Bruxelles. 1930/1931. T. 36. P. 231-272; *idem*. La statue de Constantin et le signe de la croix // L'Antiquité classique. Brux., 1932. Vol. 1. P. 135-143; *idem*. Nouvelles recherches constantiniennes // Byz. 1938. Vol. 13. P. 551-593; *idem*. La vision de Constantin «liquidée» // Ibid. 1939. Vol. 14. P. 341-351; *Aličldi A.* The Helmet of Constantine with the Christian Monogram // JRS. 1932. Vol. 22. P. 9-23; *idem*. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // MDAI.R. 1934. Bd. 49. S. 1-118; *idem*. The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxf., 1948; *idem*. Costantino tra paganesimo e christianesimo. R.; Bari, 1976; *Piganiol A.* L'empereur Constantin. P., 1932; *Opitz H.-G.* Athanasius' Werke. B.; Lpz., 1934. Bd. 3/1: Urkunden zur Geschichte des arianischen Streites; *idem*. Eusebius von Caesarea als Theologe // ZNW. 1935. Bd. 34. S. 1-19; *Peterson E.* Der Monotheismus als politisches Problem. Lpz., 1935; *Schwartz E.* Kaiser Konstantin und die christliche Kirche. Lpz.; B., 19362; *Seston W.* L'opinion païenne et la conversion de Constantin // RHPHR. 1936. T. 16. P. 250-264; *Gerland E.* Konstantin der Grosse in Geschichte und Sage. Athen, [1937]; *Lietzmann H.* Der Glaube Konstantins des Grossen // SPAW. 1937. Bd. 29. S. 263-277; *Straub J. A.* Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttg., 1939; *idem*. Konstantin's Verzicht auf den Gang zu Kapitol // Historia. Wiesbaden, 1955. Bd. 4. N 2/3. S. 297-313; *idem*. Kaiser Konstantin als ἐπίσκοπος τῶν ἐκτός // StPatr. 1957. Vol. 1. P. 678-687. (TU; 63); *idem*. Constantine as κοινὸς ἐπίσκοπος: Tradition and Innovation in the Representation of the First Christian Emperor's Majesty // DOP. 1967. Vol. 21. P. 37-55; *Zeiller J.* Quelques remarques sur la «Vision» de Constantin // Byz. 1939. Vol. 14. P. 329-339; *Setton K. M.* Christian Attitude towards the Emperor in the IVth Cent. N. Y., 1941; *Gaudemet J.* La législation religieuse de Constantin // RHEF. 1947. T. 33. N 122. P. 25-61; *idem*. La formation du droit séculier et du droit de l'Église au IVe et Ve siècles. P., 1957; *idem*. La législation anti-païenne de Constantin à Justinien // Cristianesimo nella Storia. Bologna, 1990. Vol. 11. P. 449-468; *Chadwick H.* The Fall of Eustathius of Antioch // JThSt. 1948. Vol. 49. P. 27-35; *Jones A. H. M.* Constantine and the Conversion of Europe. L., 1948; *idem*. Notes on the Genuineness of the Constantinian Documents in Eusebius' «Life of Constantine» // JECclH. 1954. Vol. 5. N 2. P. 196-200; *idem*. The Later Roman Empire (284-602): A Social, Economic and Administrative Survey. Baltimore, 1986r. Vol. 1; *Orgels P.* La première vision de Constantin (310) et le temple d'Apollon à Nîmes // BullAcBelge. Ser. 5. 1948. T. 34. P. 176-208; *Galletier E.* La mort de Maximien d'après le Panégyrique de 310 et la vision de Constantin au temple d'Apollon // REA. 1950. T. 52. P. 288-299; *Williams G. H.* Christology and Church-State Relations in the IVth Century // Church History. Chicago etc., 1951. Vol. 20. N 3. P. 3-33; N 4. P. 3-25; *Гуревич А. Я.* Время Константина в освещении совр. буржуазной историографии // ВДИ. 1954. № 1. С. 92-100; *Dörries H.* Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. Gött., 1954. (AAWG; 34); *idem*. Constantine and Religious Liberty. New Haven, 1960; *idem*. Constantine the Great. N. Y., 1972; *Volk L.* Die Konstantinischen Kirchenbauten nach den litterarischen Quellen des Okzidents // RACr. 1954. Vol. 30. P. 99-136; *idem*. Die Kirchenstiftungen des Kaisers Konstantin im Lichte des römischen Sakralrechts. Köln, 1964; *Ehrhardt A. A. T.* Constantin d. Grossen Religionspolitik u. Gesetzgebung // ZSRG.R. 1955. Bd. 72. S. 127-190; *Kraft H.* Kaiser Konstantins religiöse Entwicklung. Tüb., 1955. (BHT; 20); *Karayannopoulos J.* Konstantin der Grosse und die Kaiserkult // Historia. 1956. Bd. 5. N 3. S. 341-357; *idem*. Der frühbyzantinische Kaiser // BZ. 1956. Bd. 49. S. 369-384; *Aland K.* Die religiöse Haltung Kaiser Konstantins // StPatr. 1957. Vol. 1. P. 549-600. (TU; 63); *Πολίτης Κ.* Κωνσταντίνος ὁ Μέγας. Αθήνα, 1957; *Habicht C.* Zur Geschichte des Kaisers Konstantin // Hermes. Stuttg., 1958. Vol. 86. N 3. S. 360-378; *Kaegi W.* Vom Nachleben Konstantins // Schweizerische Zschr. f. Geschichte. 1958. Bd. 8. N 3. S. 289-326; *Koep L.* Die Konsekrationsmunzen Kaiser Konstantins und ihre religionspolitische Bedeutung // JAC. 1958. Bd. 1. S. 94-104; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. P., 1959. T. 1; *Halkin F.* Le règne de Constantin d'après la chronique inédite du Pseudo-Syméon // Byz. 1960. Vol. 29/30. P. 7-27; *Vogt J.* Constantin der Grosse und sein Jahrhundert. Münch., 19602; *Wolfram H.* Constantin als Vorbild für den Herrscher des hochmittelalterlichen Reiches // MIÖG. 1960. Bd. 68. S. 226-243; *Winkelmann F.* Konstantins Religionspolitik und ihre Motive im Urteil der literarischen Quellen des 4. und 5. Jh. // Acta antiqua Academia scientiarum Hungaricae. Bdpst., 1961. T. 9. P. 239-256; *idem*. Die vormetaphrastischen griechischen hagiographischen Vitae Constantini Magni // Actes du XIIe Congres intern. d'études byzantines. Belgrade, 1964. Vol. 2. P. 405-414; *idem*. Das hagiographische Bild Konstantins I. in mittelbyzantinischer Zeit // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.-11. Jh. / Hrsg. V. Vavonek. Praha, 1978. S. 179-203; *idem*. Studien zu Konstantin dem Grossen und zur byzantinischen Kirchengeschichte / Ed. W. Brandes, J. F. Haldon. Birmingham, 1993; *Bruun P.* Studies in Constantinian Chronology. N. Y., 1961. (Numismatic Notes and Monographs; 146); *idem*. The Christian Signs on the Coins of Constantine // Arctos. N. S. Helsinki, 1962. Vol. 3. P. 5-35; *idem*. Constantine and Licinius, AD. 313-337. L., 1966. (The Roman Imperial Coinage; 7); *idem*. Studies in Constantinian Numismatics: Papers from 1954 to 1988. R., 1991; The Conflict between Paganism and Christianity in the IVth Cent. / Ed. A. Momigliano. Oxf., 1963; *Armstrong G. T.* Church and State Relations: The Changes Wrought by Constantine // J. of Bible and Religion. Phil., 1964. Vol. 32. N 1. P. 1-7; *idem*. Constantine's Churches: Symbol and Structure // The J. of the Society of Architectural Historians. Chicago, 1974. Vol. 33. N 1. P. 5-16; *Каждан А. П.* Судьбы христианства при Константине // ВИ. 1965. № 5. С. 214-217; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Background. Wash., 1966. 2 vol.; *Farina R.* L'imperio e l'imperatore Cristiano in Eusebio di Cesaria: La prima teologia politica del Cristianismo. Zürich, 1966; *Guthrie P.* The Execution of Crispus // Phoenix. Toronto, 1966. Vol. 20. N 4. P. 325-331; *Dupont C.* Les privilèges des clercs sous Constantin // RHE. 1967. Vol. 62. P. 729-752; *Lassus J.* L'Empereur

Constantin, Eusèbe et les lieux saints // RHR. 1967. Vol. 171. N 1. P. 135-144; *Shepherd M. H.* Liturgical Expressions of the Constantinian Triumph // DOP. 1967. Vol. 21. P. 57-78; *Sutherland C. H. V.* From Diocletian's Reform (A. D. 294) to the Death of Maximinus (A.D. 313). L., 1967. (The Roman Imperial Coinage; 6); *Teall J. L.* The Age of Constantine: Change and Continuity in Administration and Economy // DOP. 1967. Vol. 21. P. 11-36; *Leroy-Molinghen A.* La mort d'Arius // Byz. 1968. Vol. 38. P. 105-111; *MacMullen R.* Constantine and the Miraculous // GRBS. 1968. Vol. 9. Pt. 1. P. 81-96; *idem.* Christianizing the Roman Empire A. D. 100-400. New Haven; L., 1984; *idem.* What Difference did Christianity Make? // Historia. 1986. Bd. 35. N 3. S. 322-343; *idem.* Constantine. N. Y., 1987r; *idem.* Christianity and Paganism in the IVth to VIIIth Cent. New Haven, 1997; *Daras C.* Les représentations équestres de Constantin en Aquitaine // Archéologia. P., 1970. Vol. 32. P. 18-23; *Storch R.* The Trophy and the Cross: Pagan and Christian Symbolism in the IVth and Vth Cent. // Byz. 1970. Vol. 40. P. 105-118; *idem.* The «Eusebian Constantine» // Church History. 1971. Vol. 40. N 2. P. 145-155; *Traeger J.* Der Bamberger Reiter in neuer Sicht // ZfK. 1970. Bd. 33. S. 1-20; *Paschoud F.* Zosime 2.29 et la version païenne de la conversion de Constantin // Histoire. 1971. Bd. 20. N 2/3. S. 334-353; The Conversion of Constantine / Ed. J. W. Eadle. N. Y.; L., 1971; *Sansterre J.-M.* Eusèbe de Césarée et la naissance de la théorie «césaropapiste» // Byz. 1972. Vol. 42. P. 131-195, 532-594; *Alexander S. S.* Studies in Constantinian Church Architecture // RACr. 1971. Vol. 47. P. 281-330; 1973. Vol. 49. P. 33-44; *Barnes T. D.* Lactantius and Constantine // JRS. 1973. Vol. 63. P. 29-46; *idem.* The Beginnings of Donatism // JThSt. 1975. Vol. 26. N 1. P. 13-22; *idem.* The Emperor Constantine's Good Friday Sermon // Ibid. 1976. Vol. 27. N 2. P. 414-423; *idem.* Emperors and Bishops, AD. 324-344: Some Problems // AJAH. 1978. Vol. 3. P. 53-75; *idem.* Constantine and Eusebius. Camb. (Mass.); L., 1981; *idem.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Camb. (Mass.); L., 1982; *idem.* Constantine's Prohibition of Pagan Sacrifice // AJPhil. 1984. Vol. 105. N 1. P. 69-72; *idem.* Constantine and the Christians of Persia // JRS. 1985. Vol. 75. P. 126-136; *idem.* The Conversion of Constantine // Échos du monde classique: Classical views. [Calgary], 1985. Vol. 29. P. 371-391; *idem.* Constantine and Christianity: Ancient Evidence and Modern Interpretations // ZACHr. 1998. Bd. 2. S. 274-294; *idem.* From Toleration to Repression: The Evolution of Constantine's Religious Policies // Scripta Classica Israelica. Ramat-Gan, 2002. Vol. 21. P. 189-207; *idem.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden, 2011; *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974; Konstantin der Grosse / Hrsg. H. Kraft. Darmstadt, 1974; *Stertz S. A.* Θεία βασιλεία: Hellenistic Theory and the Foundations of Imperial Legitimacy, AD. 270-395. Ann Arbor, 1974; *Caron P. G.* Constantin le Grand ἐπίσκοπος τῶν ἐκτός de l'église romaine // RIDA. 1975. Vol. 22. P. 179-188; *Grant R. M.* Religion and Politics at the Council at Nicaea // The J. of Religion. Chicago, 1975. Vol. 55. P. 1-12; *Simonetti M.* La crisi ariana nel IV secolo. R., 1975; *Runciman St.* Eusebius of Caesarea and the Christian Empire // Δευκαλίων. Ἀθήνα, 1975. T. 14. Σ. 114-128; *Drake H. A.* In Praise of Constantine: A Historical Study and New Translation of Eusebius' Tricennial Orations. Berkeley; L., 1976; *idem.* Suggestions of Date in Constantin's «Oration to the Saints» // AJPhil. 1985. Vol. 106. N 3. P. 335-349; *idem.* Athanasius' First Exile // GRBS. 1986. Vol. 27. N 2. P. 193-204; *idem.* What Eusebius Knew: The Genesis of the «Vita Constantini» // CPh. 1988. Vol. 83. N 1. P. 20-38; *idem.* Constantine and Consensus // Church History. 1995. Vol. 64. P. 1-15; *idem.* Lambs into Lions: Explaining Early Christian Intolerance // Past and Present. Oxf., 1996. Vol. 153. P. 3-36; *idem.* Constantine and the Bishops: The Politics of Intolerance. Baltimore; L., 2000; *Ewig E.* Das Bild Konstantins des Grossen in der ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters // *idem.* Spätantikes und fränkisches Gallien. Münch., 1976. Bd. 1. S. 72-113; *Luibhéid C.* The Arianism of Eusebius of Nicomedia // Irish Theol. Quarterly. Magnooth, 1976. Vol. 43. N 1. P. 3-23; *idem.* Finding Arius // Ibid. 1978. Vol. 45. N 2. P. 81-100; *Fears J. R.* Princeps a Diis Electus: The Divine Election of the Emperor as a Political Concept at Rome. R., 1977; *Brown P. R.* The Making of Late Antiquity. Camb. (Mass.), 1978; *idem.* The Rise of Christendom. Oxf., 20032; *Elliott T. G.* The tax exemptions granted to clerics by Constantine and Constantius II // Phoenix. 1978. Vol. 32. N 4. P. 326-336; *idem.* Constantine's Conversion: Do We Really Need It? // Ibid. 1987. Vol. 41. N 4. P. 420-438; *idem.* Constantine's Early Religious Development // JRH. 1989. Vol. 15. N 3. P. 283-291; *idem.* Eusebian Frauds in the «Vita Constantini» // Phoenix. 1991. Vol. 45. N 2. P. 162-171; *idem.* Constantine's Explanation of his Career // Byz. 1992. Vol. 62. P. 212-234; *idem.* Constantine's Preparations for the Council of Nicaea // JRH. 1992. Vol. 17. N 2. P. 127-137; *idem.* Constantine's Conversion «Revisited» // The Ancient History Bull. Chicago, 1992. Vol. 6. P. 59-62; *idem.* Constantine and the «Arian Reaction after Nicaea» // JEclH. 1992. Vol. 43. N 2. P. 169-194; *idem.* The Christianity of Constantine the Great. Scranton, 1996; *Rösch G.* Ὄνομα βασιλείας; Studien zum offiziellen Gebrauch des Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. W., 1978; *Austin N. J. E.* Constantine and Crispus, AD 326 // AClass. 1980. Vol. 23. P. 133-138; *Decker D., de, Dupuis-Masay G.* L'«episcopat» de l'empereur Constantin // Byz. 1980. Vol. 50. P. 118-157; *Ehrhardt C. T. H. R.* Constantinian Documents in Gelasius of Cyzicus' Ecclesiastical History // JAC. 1980. Bd. 23. S. 48-57; *Hanson J.* Dreams and Visions in the Graeco-Roman World and Early Christianity // ANRW. 1980. Tl. 2. Bd. 23. Tbd. 2. P. 1395-1427; *Rodgers B. S.* Constantine's Pagan Vision // Byz. 1980. Vol. 50. P. 259-278; *eadem.* The Metamorphosis of Constantine // CQ. N. S. 1989. Vol. 39. N 1. P. 233-246; *Taylor S. M.* Constantine the Great: Folk Hero of the IVth Crusade // Neophilologus. Dordrecht etc., 1980. Vol. 64. N 1. P. 32-37; *Whittaker C. R.* Inflation and the Economy in the IVth Century A. D. // Imperial Revenue: Expenditure and Monetary Policy in the IVth Cent. A. D. Oxf., 1980. P. 1-22; *Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde l'empire romaine de Dioclétien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire, 284-363. P., 1982; *Esbroeck M., van.* Legends about Constantine in Armenian // Classical Armenian Culture. Chico, 1982. P. 79-101; *Hunt D.* Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire, AD 312-460. Oxf., 1982; *idem.* Constantine and Jerusalem // JEclH. 1997. Vol. 48. N 3. P. 405-424; *Cameron A.* Constantinus Christianus // JRS. 1983. Vol. 73. P. 184-190; *eadem.* The Later Roman Empire: AD 284-430. L., 1993; *eadem.* The Reign of Constantine, A. D. 306-337 // The Cambridge Ancient History. Camb., 20052. Vol. 12: The Crisis of Empire / Ed. A. Bowman e. a. P. 90-109; *Warmington B. H.* The Sources of some Constantinian Documents in Eusebius' Ecclesiastical History and Life of Constantine // StPatr. 1983. Vol. 18. Pt. 1. P. 93-98; *idem.* Eusebius of Caesarea's Versions of Constantine's Laws in the Codes // Ibid. 1993. Vol. 24. P. 201-207; *Культура Византии: IV - 1-я пол. VII в. М., 1984; Hanson R. P. C.* The Fate of Eustathius of Antioch // ZKG. 1984. Bd. 95. S. 171-179; *idem.* The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy, 318-381. Edinb., 1988; *Pohlsander H. A.* Crispus: Brilliant Career and Tragic End // Historia. 1984. Bd. 33. N 1. S. 79-106; *idem.* The Emperor Constantine. N. Y.; L., 1996; *Hendy M. F.* Studies on Byzantine

Monetary Economy: c. 300-1450. Camb., 1985; *Hall S. G.* The Sects under Constantine // Voluntary Religion. Oxf.; N. Y., 1986. P. 1-13. (Studies in Church History; 23); *Ison D.* ΠΑΙΣ ΘΕΟΥ in the Age of Constantine // JThSt. 1987. Vol. 38. N 2. P. 412-419; *Kazhdan A.* «Constantine imaginaire»: Byzantine Legends of the IXth Cent. about Constantine the Great // Byz. 1987. Vol. 57. P. 196-250; *Liebeschuetz J. W. H. G.* Government and Administration in the Late Roman Empire // The Roman World / Ed. J. Wacher. L., 1987. Vol. 1. P. 455-469; *Linder A.* The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagiographic Commemoration // Studi Medievali. 1975. Vol. 16. P. 47-95; *idem.* The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagiographic Commemoration. Spoleto, 1987; *Maier J. L.* Le Dossier du Donatisme. B., 1987. T. 1. (TU; 134); *Pelikán J.* The Excellent Empire: the Fall of Rome and the Triumph of the Church. San Francisco; L., 1987; *Wright D. H.* The True Face of Constantine the Great // DOP. 1987. Vol. 41. P. 493-507; *Barcelo P. A.* Die Religionspolitik Kaiser Constantins des Grossen vor der Schlacht an der Milvischen Brücke // Hermes. Stuttg., 1988. Bd. 116. S. 76-94; *Di Maio M., Zeuge J., Zotov N.* Ambiguitas Constantiniana: The «Caeleste Signum Dei» of Constantine the Great // Byz. 1988. Vol. 58. P. 333-360; *Errington R. M.* Constantine and the Pagans // GRBS. 1988. Vol. 29. N 3. P. 309-318; *Fowden G.* Between Pagans and Christians // JRS. 1988. Vol. 78. P. 173-182; *idem.* The Last Days of Constantine: Oppositional Versions and Their Influence // Ibid. 1994. Vol. 84. P. 146-170; *idem.* Constantine, Silvester and the Church of S. Polyeuctus in Constantinople // JRArch. 1994. Vol. 7. P. 274-284; *Brennecke H. C.* Bischofsversammlung und Reichssynode: Das Synodalwesen im Umbruch der Konstantinischen Zeit // Einheit der Kirche in vorkonstantinischer Zeit. Erlangen, 1989. S. 35-53. (Oikonomia; 25); *Girardet K. M.* Die Petition der Donatisten an Kaiser Konstantin (Frühjahr 313) // Chiron. Münch., 1989. Bd. 19. S. 185-206; *Hollerich M. J.* Myth and History in Eusebius's «De vita Constantini»: Vit. Const. 1.12 in Its Contemporary Setting // HarvTR. 1989. Vol. 82. N 4. P. 421-455; *idem.* Religion and Politics in the Writings of Eusebius: Reassessing the First «Court Theologian» // Church History. 1990. Vol. 59. P. 309-325; *Pierce P.* The Arch of Constantine: Propaganda and Ideology in Late Roman Art // Art History. L. etc., 1989. Vol. 12. N 4. P. 387-418; *Warmington B. H.* Did Constantine Have «Religious Advisers»? // StPatr. 1989. Vol. 19. P. 117-129; *idem.* Eusebius of Caesarea and the Governance of Constantine // Ancient History in a Modern University / Ed. T. W. Hillard e. a. Grand Rapid, 1998. Vol. 2. P. 266-279; *Федорова Е. В.* Люди императорского Рима. М., 1990. С. 256-272; *Grünwald Th.* Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung. Stuttg., 1990; *Klein R.* Das Kirchenbauverständnis Constantins der Grossen in Rom und in den östlichen Provinzen // Das antike Rom und der Osten: FS für K. Parlasca / Hrsg. C. Borke, M. Donderer. Erlangen, 1990. S. 77-101; *Davies P. S.* Constantine's Editor // JThSt. 1991. Vol. 42. N 2. P. 610-618; *Kuhoff W.* Ein Mythos in der römischen Geschichte: Der Sieg Konstantins des Grossen über Maxentius vor den Toren Roms am 28. Oktober 312 n. Chr. // Chiron. 1991. Bd. 21. S. 127-174; ODB. Vol. 1. P. 498-500; Costantino il Grande dall'antichità all'umanesimo: Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico. Macerata, 18-20 dic.1990 / A cura di G. Bonamente, F. Fusco. Macerata, 1992-1993. 2 vol.; *Drijvers J.-W.* Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. Leiden, 1992; *Leeb R.* Konstantin und Christus: Die Verchristlichung der imperialen Repräsentation unter Konstantin dem Grossen als Spiegel seiner Kirchenpolitik und seines Selbstverständnisses als christlicher Kaiser. B., 1992; *Grant M.* The Emperor Constantine. L., 1993; *Odahl C. M.* Constantine's Epistle to the Bishops at the Council of Arles: A Defence of Imperial Authorship // JRH. 1993. Vol. 17. N 3. P. 274-289; *idem.* The Christian Basilicas of Constantinian Rome // Ancient World. 1995. Vol. 26. P. 3-28; *idem.* Constantine and the Christian Empire. L.; N. Y., 2004; *Bradbury S.* Constantine and the Problem of Anti-pagan Legislation in the IVth Cent. // CPh. 1994. Vol. 89. P. 120-139; *Карташев А. В.* Вселенские Соборы. М., 1994; *Болотов.* Лекции; New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, IV-XIII Cent. / Ed. P. Magdalino. Aldershot; Brookfield, 1994; *Nixon C. E. V., Rodgers B.* In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Berkeley, 1994; *Wiemer H.-U.* Libanius on Constantine // CQ. N. S. 1994. Vol. 44. P. 511-524; *Edwards M. J.* The Arian Heresy and the Oration to the Saints // VChr. 1995. Vol. 49. N 4. P. 379-387; *Grubbs J. E.* Law and Family in Late Antiquity: The Emperor Constantine's Marriage Legislation. Oxf., 1995; *Corcoran S.* The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government, AD 284-324. Oxf., 1996; From Constantine to Julian / Ed. S. N. C. Lieu, D. Montserrat. L.; N. Y., 1996; *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Р. н./Д., 1997. Т. 2; *Шлабара И. Ю.* Славься, император!: Лат. панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997; *Woods D.* Where Did Constantine I Die? // JThSt. 1997. Vol. 48. N 2. P. 531-535; *idem.* On the Death of the Empress Fausta // Greece and Rome. Oxf., 1998. Vol. 45. P. 70-86; *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церк. историография. СПб., 1998; *Рудоквас А. Д.* О законодательстве против язычества имп. Константина Великого // Античный мир. СПб., 1998. С. 377-393; *он же.* О христианизации рим. права в эпоху имп. Константина Великого // Древнее право. 2002. Т. 9. № 1. С. 161-180; *Boojarra J. L.* Constantine and the Council of Arles: The Foundations of Church and State in the Christian East // GOTR. 1998. Vol. 43. P. 129-141; Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. N. C. Lieu, D. Montserrat. L.; N. Y., 1998; Die Konstantinische Wende / Hrsg. E. Mühlberg. Gutersloh, 1998; *Elsner J.* Imperial Rome and Christian Triumph. Oxf.; N. Y., 1998; *Hall L. J.* Cicero's instinctu divino and Constantin's instinctu divinitatis: The Evidence of the Arch of Constantine for the Senatorial View of the Vision of Constantine // JECS. 1998. Vol. 6. N 4. P. 647-671; *Rapp C.* Imperial Ideology in the Making: Eusebius of Caesarea on Constantine as «Bishop» // JThSt. 1998. Vol. 49. Pt. 2. P. 685-695; *Burgess R. W.* Ἀχυρών or Πρόορτειον: The Location and Circumstances of Constantine's Death // JThSt. 1999. Vol. 50. N 1. P. 153-161; *Cameron A., Hall S. G., ed.* Eusebius Life of Constantine. Oxf.; N. Y., 1999; *Carrié J.-M., Rousselle A.* L'Empire Romain en mutation: des Sévères à Constantin, 192-337. P., 1999; *Pensabene P., Panella C.* Arco di Costantino: tra archeologia e archeometria. R., 1999; *Краутхаймер П.* Три христ. столицы: Топография и политика: [Рим, К-поль, Милан]. СПб., 2000; *Curran J. R.* Pagan City and Christian Capital: Rome in the IVth Cent. Oxf., 2000; *DePalma Digeser E.* The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome. Itaca (N. Y.), 2000; *Jones M. W.* Genesis and Mimesis: The Design of the Arch of Constantine in Rome // J. of the Society of Architectural Historians. 2000. Vol. 59. N 1. P. 50-77; *Nicholson O.* Constantine's Vision of the Cross // VChr. 2000. Vol. 54. N 3. P. 309-323; *Weber G.* Kaiser, Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike. Stuttg., 2000; *Southern P.* The Roman Empire from Severus to Constantine. L.; N. Y., 2001; *Marcone A.* Pagano e Cristiano: Vita e mito di Costantino. R.; Bari, 2002; *Salzman M. R.* The Making of a Christian Aristocracy. Camb. (Mass.); L., 2002; *Weiss P.* The Vision of Constantine // JRArch. 2003. Vol. 16. P. 237-

259; *Baert B.* The Heritage of Holy Wood: The Legend of the True Cross in Text and Image. Leiden, 2004; *Harries J.* Law and Empire in Late Antiquity. Camb., 2004r; *Potter D. S.* The Roman Empire at Bay: AD 180-395. N. Y. etc., 2005r; *Brandt H.* Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser. Münch., 2006; *Canella T.* Gli Actus Silvestri: Genesi di una leggenda su Constantino imperatore. Spoleto, 2006; *Hartley E. e. a., ed.* Constantine the Great: York's Roman Emperor. York, 2006; *Roldanus J.* The Church in the Age of Constantine: Theological Challenges. L.; N. Y., 2006; The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. N. Y.; Camb., 2006; *Bleckmann B.* Konstantin der Grosse. Hamburg, 20075; *Van Dam R.* The Roman Revolution of Constantine. Camb., 2007; *Попов И. Н.* Образ Константина Великого в исторической памяти византийцев: история против мифа // Причерноморье в Средние века. М., 2008. С. 11-33; *он же.* Константин Арианин: церковная политика 325-337 гг. глазами византийских историков и хронистов // Море и берега: К 60-летию профессора С. П. Карпова. М., 2009. С. 445-458; *Humphries M.* From Usurper to Emperor: The Politics of Legitimation in the Age of Constantine // J. of Late Antiquity. Baltimore, 2008. Vol. 1. P. 82-100; Konstantin der Grosse: Das Bild des Kaisers im Wandel der Zeiten / Hrsg. A. Goltz, H. Schlange-Schöningh. Köln, 2008; *Hijmans S. E.* Sol: The Sun in the Art and Religions of Rome: Diss. [Groningen], 2009; *Stephenson P.* Constantine: Unconquered Emperor, Christian Victor. L., 2009; *Wilkinson K. W.* Pallas and the Age of Constantine // JRS. 2009. Vol. 99. P. 36-60; *Дагрон Ж.* Император и священник: Этюд о визант. «цезарепапизме». СПб., 2010; *Чекалова А. А.* Сенат и сенаторская аристократия К-поля: IV - 1-я пол. VII в. М., 2010; *Bardill J.* Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. Camb., 2012; Свети цар Константин и хришћанство: Међународ. научни скуп поводом прославе 1700 годишнице Миланског едикта, 31 мај - 2 јун 2013. Ниш, 2013. 2 т.

И. Н. Попов

Почитание К. у южных славян и на Руси

Мощи К. в южно- и восточнослав. регионах в средние века известны, как правило, в виде маленьких частиц в мощевиках. Примером может служить нагрудная иконка-мощевик (ок. 1416) из Благовещенского собора Московского Кремля (ГММК. ДК-16) новгородской или псковской работы, изготовленная для кн. Константина, сына Димитрия Донского. Содержавшиеся в ней реликвии (утрачены между 1918 и 1920) были подарены, согласно надписи, митр. Галактионом Ираклийским, вероятно патриаршим послом (*Стерлигова.* 2000. С. 56-57. Кат. 9; *Турилов.* К истории поздневизант. церк. иерархии. 2013. С. 755-758). Единственное исключение составляет серебряный чеканный ковчег-реликварий (ГММК. Инв. МР-6011) размером 38´4,3´3 см, изготовленный во 2-й пол. XIV - нач. XV в. в Сербии, в котором содержалась (до рубежа 10-х и 20-х гг. XX в.) «кость ручная от локтя» К. (*Зверев.* 2000. С. 126-128. Кат. 33; *Турилов.* Сербский ковчег-реликварий. 2013). Обстоятельства создания и ранняя история ковчега до 20-х гг. XVI в. неизвестны (обзор гипотез см.: *Турилов.* То же). Наиболее вероятно, что он был изготовлен для серб. обл. правителя Константина Драгаша, получившего мощи К. в дар из К-поля в связи с браком его дочери Елены (между 1389 и 1391) и наследника визант. престола Мануила II Палеолога. По свидетельству К-польского патриарха Иеремии II Траноса, вручившего святыню в 1588 г. в Москве царю Феодору Иоанновичу, мощи были вывезены «из Серпской земли» (т. е., вероятно, во время войны с Венгрией в 20-х гг. XVI в.) султаном Сулейманом I, подарены патриарху Иеремии I и хранились в патриаршем соборе Пресв. Богородицы Паммакарistos (Посольская книга по связям России с Грецией (правосл. иерархами и мон-рями), 1588-1594 гг. М., 1988. С. 29). Встречаются также частицы от гробницы равноапостольных К. и Елены, напр. в новгородском кресте-мощевике XIII в. из ризницы собора в г. Хильдесхайме (Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Худож. металл XI-XV вв. М., 1996. С. 195-201. Кат. 32).

Из других святынь, связанных с К., в слав. странах известен «Крест царя Константина», привезенный в 1652 г. в Москву из афонского мон-ря Ватопед царю Алексею Михайловичу «для поклонения». Реликвия не была возвращена на Афон, и после длительной переписки между Ватопедом и царским двором она осталась в России (*Фонкич.* 2001. С. 89-97; *Чеснокова.* 2011. С. 128-130). Святыня сопровождала царя во время военной кампании 1656 г., участвовала в крымских походах 80-х гг. XVII в. с войском кн. В. В. Голицына (*Чеснокова.* 2011. С. 184-185); была похищена во время французской оккупации Москвы в 1812 г. В. Г. Григорович-Барский отмечает наличие «креста великого, удивительного... от святого Константина соделанного» в афонском монастыре прп. Павла, к-рый до 40-х гг. XVIII в. оставался сербским (*Григорович-Барский В. Г.* Второе посещение Св. Афонской горы. М., 2004. С. 398). Учитывая высокий статус реликвий К., вполне естественным было появление квазисвятынь, ошибочно (преднамеренно или непреднамеренно) связываемых с его именем. Так, напр., драгоценный диптих венецианской работы нач. XIV в. с живописными изображениями Страстей Христовых, хранящийся в ризнице серб. Хиландарского мон-ря, в сер. XVI в. выдавался за дар, привезенный для К. из Иерусалима его матерью Еленой (*Турилов А. А.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийнина. М., 2011. С. 252-253, 271).

Пространные Жития К. (точнее, общие Жития равноапостольных К. и Елены) представлены в рукописной традиции лишь древнерус. списками (*Иванова.* 2008. С. 534-535) - начиная с XV в. дометафрастовское Житие К. и Елены было переведено на славянский язык в составе Четьих-Миней не позднее XII в. (старший в майском томе Волоколамского комплекта - РГБ. Вол. № 597. Л. 310 об.- 336, посл. четв. XV в.). Это Житие в XVI в. было включено в состав ВМЧ и вошло в позднейшие комплекты Четьих-Миней - Чудовский, Тулуловский и Милютинский. При этом, вероятно, в XV-XVII вв. на Украине и в Белоруссии памятник если и был известен, то значительно менее, чем в Московской Руси. На это указывает, в частности, его отсутствие в 3-томном Торжественнике минейном 1-й четв. XVI в. (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 79, 80, 105 - *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной б-ки, церковнослав. и русских. Вильна, 1882. С. 224), составленном, возможно, при Западнорусской митрополичьей кафедре; здесь его заменяет Похвальное слово К. и Елене свт. Евфимия, патриарха Тырновского, в ряде других - Проложное Житие. Вероятно, значительной древностью отличается и перевод метафрастовского Жития, встречающийся гораздо реже (старший список в добавлениях посл. трети XV в. к «Словесам постническим» свт. Василия Великого кон. XIV в.- ГИМ. Увар. № 506-Ф. Л. 216-261). Рукописная традиция и текстология последнего на славянской почве остаются практически

неизученными. В кон. XVII в. на основе дометафрастовского Жития с использованием дополнительных источников свт. Димитрием, буд. митр. Ростовским, был написан новый текст, опубликованный в т. 3 (март-май) его «Книги житий святых» (К., 1700), вполн. неоднократно переиздававшимся и переведенном на рус. язык.

Краткое Житие К. и Елены было переведено на Руси (или для Руси) не позднее XII в. в составе нестишного Пролога, получившего широкое распространение в рус. списках кон. XII-XVII в. и в южнославянских XIII-XVI вв. (включая чтения в составе Миней служебных и праздничных). В московских печатных изданиях Пролога оно публикуется начиная с 1643 г. Не позднее XIII в. было переведено еще более краткое Житие этих святых, встречающееся в месяцесловах южнослав. Апостолов (напр., НБКМ. № 882) и (реже) в составе Миней праздничных, напр. Палаузовской Миней (РНБ. Ф.п.1. 72, 1-я пол. XIV в.- *Христова-Шомова*. 2012. С. 702-706). В 1-й пол.- сер. XIV в. Житие К. и Елены трижды переводили на слав. язык в составе редакций стихного Пролога: дважды - в Болгарии (либо болг. книжниками на Афоне) и один раз - сербами (афонское происхождение не исключено и в этом случае). 2-й болг. перевод был выполнен в составе служебных Миней по Иерусалимскому уставу, содержащих полный набор житий и стихов на каждый день месяца. На Руси самостоятельный болг. перевод стихного Пролога получил известность не позднее рубежа XIV и XV вв. (этим временем датируется старший список - ГИМ. Чуд. № 17) преимущественно в монастырском, а не в соборно-приходском обиходе; служебные Миней с проложными житиями не имели здесь (в отличие от Болгарии, Сербии, Валахии и Молдавии) распространения. Не позднее 2-й пол. XIV в. на слав. язык был переведен (в Болгарии или на Афоне) стихотворный месяцеслов Христофора Митилинского со стихами в честь К. и Елены под 21 мая. В слав. традиции этот памятник (в большинстве случаев анонимный) именуется обычно «Канон и стихиры святым всего лета». Старший южнослав. (болг.) список (Ath. Zogr. 115) датируется 1392 г. (авторство в рукописи приписано свт. Мефодию, еп. Патарскому, «сказаемо Митилено»), один из древнейших рус. списков сохранился среди дополнительных статей к Толковой Псалтири 1-й четв. XV в. (ЯИАМЗ. Инв. № 15231), переписанной в Спасо-Прилуцком мон-ре под Вологодой (РФА. Вып. 3. С. 556-560).

В кон. XIV в. (не позднее 1393) в Болгарии свт. Евфимием, патриархом Тырновским, было написано Похвальное слово равноапостольным К. и Елене. Повествовательную канву составляет греч. метафрастовское Житие К. и Елены, старший список (серб. ресавского извода) сохранился в составе Сборника житий и похвальных слов нач. XV в. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 60. Л. 94-121 об.). Текст получил широкое распространение в славяно-румын. (прежде всего в молдавской), серб. и рус. рукописной традиции XV-XVII вв.; старший русский список содержится в составе Сборника житий и слов 2-й четв. XV в. (РГБ. Троиц. № 754), но в Четьи-Миней (включая ВМЧ) это произведение не вошло.

Служба равноапостольным К. и Елене впервые была переведена в X в., вероятно в Болгарии, в составе служебных Миней; старший список (только окончание, с 9-й песни канона) находится в древнерус. *Путятинной Минее* XI в. (РНБ. Соф. № 202), хорошо передающей языковые и орфографические особенности древнеболг. оригинала. Старшие полные древнерусские (новгородские) списки службы в составе служебных Миней на май (ГИМ. Син. № 166 (нотированная); РНБ. Соф. № 203) датируются XII в. (СКСРК, XI-XIII. № 89-90). Новый перевод служебных Миней был выполнен в 1-й пол. XIV в. в Болгарии или на Афоне. На Руси он получил известность к нач. XV в. Память К. и Елены составляет неотъемлемую часть месяцесловов слав. богослужебных книг начиная с древнейшего времени (*Лосева*. 2001. С. 344-345; *Христова-Шомова*. 2012. С. 702-706).

Интерес к личности и деятельности К. во внелитургической (прежде всего идеологической) сфере в средневековье и раннее Новое время проявлялся в православных слав. странах неравномерно. Источником сведений о К. помимо Житий и похвальных слов здесь служили хроники Иоанна Малалы (переведена в X в. в Болгарии), Георгия Монаха (переведена в XI в. на Руси, в XIV в. с др. версии в Болгарии), Иоанна Зонары, Константина Манасси и Симеона Логофета (болг. переводы XIV в., последний в полном виде не получил известности на Руси и в Сербии). В Болгарии в эпоху принятия христианства и Первого царства (сер. IX - нач. XI в.) неизвестны случаи уподобления деяний правителей деятельности К. Отчасти это объясняется почти полным отсутствием в болг. лит-ре жанра княжеских и царских житий. В XIV в., в эпоху Второго Болгарского царства, известны 2 примера уподобления царя Иоанна Александра К.- в послесловиях Софийского Песнивец (Псалтири толковой) 1337 г. и Лондонского Евангелия 1356 г., переписанного для этого правителя (*Христова Б. и др.* Бележки на бълг. книжовници, X-XVIII в. София, 2003. Т. 1: X-XV в. С. 42-43, 47-48. № 45, 56).

В кон. XII-XV в. в Сербии при преобладании в агиографии жанра житий правителей сравнения сербских королей с К. также весьма редки (а в записях книгописцев не встречаются). Так, архиеп. *Даниил II* (1324-1337) в Житии кор. Стефана Уроша II (Милутина) сопоставляет с царем Давидом и К. (*Данило, архиеп.* Животи краљева и архиепископа српских / Изд.: Ђ. Даничић. Загреб, 1866. С. 148). «Вторым Константином» назван св. король-мученик Стефан Дечанский в кондаке службы ему, написанной на рубеже XIV и XV вв. *Григорием Цамблаком* (Србљак: Службе. Канони. Акатисти. Београд, 1970. Књ. 2. С. 338). Возможно, применительно и к Болгарии и к Сербии сравнения местных правителей с К. отражают в известной мере представления о росте политического значения южнослав. гос-в на фоне все более заметного упадка Византии.

В 1-й трети XV в., возможно под пером *Константина Костенечского*, в серб. родословах возникает версия о родстве К. через его сестру Констанцию с династией Неманичей, а через них с Лазаревичами и Бранковичами (*Михальчић Р.* Родослови // Лексикон српског Средњег века. Београд, 1999. С. 626).

С XI по XVII в. на Руси большое место в хронографическом повествовании отводилось жизни и деятельности К., начиная с «Хронографа по великому изложению» и старшей редакции «Летописца Еллинского и Римского» и кончая Лицевым летописным сводом и Хронографом Русским редакции 1617 г.; источником сведений наряду с переводными

хрониками служило пространное Житие К. дометафрастовской редакции. Во 2-й пол. XVII в. этот перечень пополнился переводами хронографов Дорофея, еп. Монеувасийского, и Матфея Кигаласа (*Чеснокова*. 2011. С. 159-168).

Сравнение рус. князей (преимущественно великих) с К. присутствует в лит. памятниках XI в., посвященных св. крестителю Руси, напр. в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона (БЛДР. Т. 1. С. 48), в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» *Иакова Мниха* (Там же. С. 318, 322), в Начальном летописном своде под 1015 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 169, 519) и через него - в Повести временных лет (Там же. Т. 1. Стб. 130-131; Т. 2. Стб. 115). Позднее оно встречается в летописях: в Похвале строительной деятельности вел. кн. Киевского Рюрика Ростиславича - под 1199 г. (Там же. Т. 2. Стб. 710), в некрологе Волинскому кн. Владимиру Васильковичу - под 1288/89 г. (Там же. Стб. 916). С кон. XIII в. такое уподобление уходит из древнерусской литературной практики более чем на столетие. В кон. XIV - 1-й четв. XV в. в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» неизвестный по имени московский книжник использовал формулировку митр. Илариона (БЛДР. Т. 6. С. 226). С сер. XV в., после Флорентийской унии, в условиях крайнего упадка Византии сравнение с К. начинает применяться и по отношению к живущим князьям. В развернутой форме это нашло отражение в «Слове похвальном инока Фомы вел. кн. Тверскому Борису Александровичу» (ПЛДР. Вып. 5. С. 282). Как защитник Православия от унии, К. уподобляется его современник вел. кн. Московский Василий II Тёмный в Послании 1441 г. К-польскому патриарху Митрофану и в Повести Симеона Суздальца о хождении на Флорентийский Собор (*Синицына*. 1998. С. 67, 81-82). Позднее «новыми Константинами» достаточно регулярно именовались Московские великие князья и цари, начиная с Иоанна III Васильевича, преимущественно в посланиях им духовных лиц, в т. ч. греч. иерархов (Там же. С. 121-126; *Чеснокова*. 2011. С. 169-170). После взятия К-поля в 1453 г. турками московские правители оказались хотя и не единственными, но, несомненно, сильнейшими (в сравнении с груз. царями и господарями Валахии и Молдавии) православными государями. Наиболее полное представление о преемстве власти К. московскими государями и даже об их родстве с ним нашло выражение в послании вел. кн. Василию III Иоанновичу (1523-1526), приписываемом в списках старцу псковского Елеазарова мон-ря *Филофею* (*Синицына*. 1998. С. 359). В XVII в. определение «новый Константин» становится по сути частью титула московских государей в формуляре посланий им греч. иерархов, питавших надежду на участие первых царей из династии Романовых (прежде всего Алексея Михайловича) в антиосманской коалиции и призывавших их к освобождению К-поля (*Чеснокова*. 2004; *Она же*. 2011. С. 169-171).

Не позднее 1-й четв. XV в. в рус. книжности получает распространение соч. «Константинов дар» в неск. редакциях (РФА. Вып. 4. С. 784-795; *Zhivov*. 2013. Р. 144-154). В 1653 г. его текст был издан в Москве в составе Кормчей и через ее посредство получил известность у южных славян. С этим сочинением сюжетно связано оригинальное рус. соч. «Повесть о белом клобуке» кон. XV или XVI в., обосновывающее право Новгородских архиепископов носить этот головной убор (СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 214-215; *Синицына*. 1998. С. 294-298; *Zhivov*. 2013. Р. 144-154).

Трактовка образа К. в России существенно меняется в царствование Петра I, который настаивал в соответствии со своими представлениями на том, что К. обладал полнотой власти и в светской, и в духовной сфере и действовал как «внешний» епископ, оправдывая тем самым свою политику в отношении Церкви (*Zhivov*. 2013. Р. 154-160).

Имянаречение в честь К. в правосл. слав. династиях, несомненно, носило идеологический характер. В Болгарии и Сербии имя Константин для наследников престола по ряду причин либо не считалось престижным, либо (что более вероятно) было табуировано, как принадлежащее целиком имперской традиции и демонстрирующее избыточные претензии, и только дуклянский кн. Константин Бодин (1081-1101) и болгарский царь Константин Тих (1257-1277), который не был связан происхождением с предшествующей династией Асеней, а был избран и возведен на престол боярами, носили это имя. В честь К. был назван также старший (неправивший) сын видинского царя Иоанна Срацимира (1371-1396). Выбор для него этого имени, возможно, отражает амбиции династии царя Иоанна Александра в условиях политического упадка Византии. В Сербии Константином был назван младший сын краля Стефана Уроша II (Милутина), погибший в 1321 г. в борьбе за престол со своим братом, а во 2-й пол. XIV в., после распада царства Стефана Душана, - Константин Драгаш, младший (2-й) сын обл. правителя в Сев.-Вост. Македонии деспота Деяна, выдавший между 1389 и 1391 гг. дочь за наследника византийского престола Мануила II Палеолога (*Острогорски Г.* Византија и словене. Београд, 1970. С. 271-280).

На Руси долгое время наблюдалась сходная картина. Лишь в кон. XII в. это имя получил св. блгв. *Константин Всеволодович* (1185-1218), старший сын вел. кн. Владимиро-Суздальского Всеволода Юрьевича, связанного по материнской линии с Византией. Впосл. прецедент не имел повторений. Имя Константин получило широкое распространение среди различных линий потомков Всеволода Большое Гнездо, но, как правило, оно давалось не старшим сыновьям. В период Московского царства наречений представителей правящих династий в честь К. не было. В Российской империи имя Константин актуализировалось для династии Романовых со времени русско-тур. войн 2-й пол. XVIII в., когда в связи с балканскими политическими проектами в честь К. в 1779 г. был назван 2-й сын цесаревича Павла Петровича. Эта практика получила продолжение в следующих поколениях (вел. князья Константин Николаевич, Константин Константинович и др.).

Сведений о посвящении равноапостольным К. и Елене мон-рей и храмов в южнослав. странах и Румынии до 2-й пол. XIX в. не сохранилось. Известен лишь факт обновления серб. кор. Стефаном Урошем II (Милутином) (1282-1321) древней церкви в Скопье во имя этих святых (*Данило, архиеп.* Животи краљева и архиепископа српских. Загреб, 1866. С. 138). Вопрос о посвящении равноапостольным К. и Елене мон-рей и храмов в средневек. Руси и в России Нового и Новейшего времени остается малоисследованным. С XIII в. (не позднее 1276) известен Цареконстантиновский мон-рь во Владимире, восстановленный в 1362 г. свт. *Алексием, митрополитом Московским* (*Зверинский*. Т. 2. С. 405. № 1350).

Допустимо предположить, что первоначально обитель была основана во время пребывания кн. Константина Всеволодовича на великом княжении Владимирском (1216-1218). Церкви, посвященные равноапостольным К. и Елене (включая придельные), строились на Руси, как правило, в крупных городах. В Новгороде храмы в их честь были на Яневе ул. (упом. с 1151) и на Росткине ул. на Софийской стороне (1390), также существовал придел собора мон-ря свт. Павла Исповедника, патриарха К-польского (1224) (ПСРЛ. Т. 2. С. 29, 215; 63, 267). В Москве ц. во имя равноапостольных К. и Елены, давшая название соседней с ней Константино-Еленинской башне Кремля, появилась не позднее 1470 г. (Там же. Т. 25. С. 395).

В народных верованиях правосл. славян память равноапостольных К. и Елены связана с весенними сельскохозяйственными работами (посев льна и овса, посадка огурцов). Болгары и греки в нек-рых областях Фракии и Македонии в день памяти равноапостольных К. и Елены совершают ритуальные танцы на углях, этот обычай получил название «нестинарство» или «анестинария» (Седакова, Узенева. 1999. С. 588-589). В заговорах имя Константин встречается крайне редко и сравнительно поздно - в записях не ранее 2-й пол. XVIII в.

Лит.: Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция рус. средневек. концепции (XV-XVI вв.). М., 1998; Седакова И. А., Узенева Е. С. Константин и Елена // Слав. древности: Этнолингв. словарь. М., 1999. Т. 2. С. 588-590; Зверев А. С. Константинопольские и греческие реликвии на Руси // Христианские реликвии в Моск. Кремле / Ред.-сост.: А. М. Лидов. М., 2000. С. 111-146 (126-128); Стерлигова И. А. Новозаветные реликвии в Др. Руси // Там же. С. 19-93 (56-57); Лосева О. В. Рус. месящесловы XI-XIV вв. М., 2001. С. 344-345; Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и священные реликвии Христ. Востока в Москве в сер. XVII в. // Очерки феод. России. М., 2001. Вып. 5. С. 70-97; Чеснокова Н. П. Русский царь - Новый Константин // Славяне и их соседи: Тез. XXII конф.: Репрезентация верховной власти в средневек. обществе (Центр., Вост. и Юго-Вост. Европа). М., 2004. С. 107-111; она же. Христ. Восток и Россия: Полит. и культ. взаимодействие в сер. XVII в. М., 2011; Иванова К. Bibliotheca hagiographica balcano-slavica. София, 2008. С. 534-535; Творогов О. В. Переводные жития в рус. книжности XI-XV вв.: Кат. М.; СПб., 2008. С. 76-77; Христова-Шомова И. Службеният Апостол в слав. ръкописна традиция. София, 2012. Т. 2; Турилов А. А. К истории поздневизант. церк. иерархии (по данным слав. источников кон. XIV - сер. XV вв.) // ЗРВИ. 2013. Кн. 50. С. 751-760; он же. Сербский ковчег-реликварий св. царя Константина из Благовещенского собора Моск. Кремля - датировка и гипотезы о происхождении // Црквене студије. Ниш, 2013. Кн. 10. С. 125-133; Zhivov V. Two Images of Constantine the Great in Russian Historical Writings of the 15th-18th Cent. // La figura di Costantino imperatore e l'ideologia imperial nella storia culturale, religiosa e civile dei paesi slavi. Mil., 2013. P. 141-168.

А. А. Турилов

Гимнография

В древнем иерусалимском Лекционарии, сохранившемся в арм. переводе V в., память К. отмечается 22 мая (см.: *Reponx. Lectionnaire arménien*. P. 337); указан прокимен (Пс 131. 1), Апостол (1 Тим 2. 1-7), аллилуиарий из Пс 20, Евангелие (Лк 7. 1-10). В более поздней версии этого же Лекционария, дошедшей до нас в грузинском переводе, память К. также отмечается 22 мая (см.: *Tarchnischvili. Grand Lectionnaire*. Т. 2. P. 11), дается общее указание «все царям» и ссылка на 19 янв. (пам. имп. *Феодосия Великого*; богослужебное последование 19 янв. (см.: *Ibid*. Т. 1. P. 30) то же, что и на память К. 22 мая в арм. переводе Лекционария). В том же памятнике 29 янв. отмечается явление К. Креста Господня (*Ibid*. P. 33); К. упоминается в тропаре службы этого дня («Господи, Моисею иногда...») в иерусалимском Тропологии, сохранившемся в груз. переводе (*Метревели. Иадгари*. С. 85; *Кекелидзе. Литургические груз. памятники*. С. 360).

Согласно *Типикону Великой церкви* IX-XI вв. (*Mateos. Typicon*. Т. 1. P. 14, 296), память К. отмечается 3 сент. без богослужебного последования; 21 мая празднуется совместная память равноапостольных К. и Елены: на Пс 50 поется

Крѣта твоєгѡ Ѡбразъ на нѣсѣ видѣвъ:

тропарь 4-го гласа Тоῦ Σταυροῦ σου τὸν τύπον ἐν οὐρανῷ θεασάμενος (), на литургии - прокимен (Пс 46. 7), читают Апостол (Гал 1. 11-19 или Деян 26. 1, 12-20) (если 21 мая попадает на период Пятидесятницы), аллилуиарий со стихом из Пс 131, Евангелие (Ин 10. 2-5, 27-30), поется причастен (Пс 32. 1).

В различных редакциях *Студийского устава* отмечается общий день памяти К. и равноап. Елены - 21 мая. Согласно *Студийско-Алексиевскому Типикону* 1034 г. (*Пентковский. Типикон*. С. 344-345), отражающему самую раннюю сохранившуюся редакцию студийского Синаксаря, последование равноапостольных К. и Елены включает

Новѣи ты вѣсть дѣдѣ:

отпустительный тропарь 3-го гласа (в совр. богослужебных книгах это один из седальнов), кондак, канон, неск. стихир-самогласнов и подобнов. Указанием на достаточно высокий праздничный статус этой памяти является пение тропарей канона с повторением и светильна «Свят Господь Бог наш...» по 9-й песни. Для литургии указания те же, что и в Типиконе Великой ц., за исключением причастна (Пс 111. 6).

В древних слав. Минеях (XII в.; ГИМ. Син. № 166. Л. 123 об.- 130 об.; РНБ. Соф. № 203. Л. 98 об.- 103) последование 21 мая включает канон, 2 седальна (1-й - это отпустительный тропарь в Студийско-Алексиевском Типиконе), 2 группы стихир-подобнов (2-я включает только 2 стихиры); могут содержаться 5 стихир-самогласнов (напр., см.: ГИМ. Син. № 166), к-рые также зафиксированы в Стихирарях того времени (напр., БАН. 34.7.6).

В *Евергетидском Типиконе* 2-й пол. XI в. (*Дмитриевский. Описание*. Т. 1. С. 455-456) служба равноапостольным К. и Елене имеет тот же устав, что и по Студийско-Алексиевскому Типикону. На вечерне отменяется стихословие кафизмы,

на литургии поются изобразительны, на блаженнах - тропари из 3-й песни канона К. и Елены, прокимен из Пс 18, аллилуиарий со стихом из Пс 88, причастен (Пс 18. 5), чтения те же, что и в Типиконе Великой ц.

В Мессинском Типиконе 1131 г. (*Arranz*. Турисон. Р. 152-153), представляющем южноиталийскую редакцию Студийского устава, 21 мая в честь равноапостольных К. и Елены указан ряд песнопений, отсутствующих в др. студийских Типиконах: цикл стихир-подобнов и 3 самогласна на «Господи, воззвах», славники на «Господи, воззвах», на стиховне и на хвалитех; на «Бог Господь» - тот же тропарь, что и в Типиконе Великой ц.; праздничной особенностью службы является пение особых антифонов (Пс 19, 20, 88) на утрне; указания о литургии те же, что и в Типиконе Великой ц.

В Иерусалимском уставе память равноапостольных К. и Елены также отмечается 21 мая. Степень торжественности службы в этот день в разных редакциях Иерусалимского уставах может варьироваться.

Начиная с ранних редакций XI-XII вв. (напр., *Sinait. gr.* 1094 - см.: *Lossky*. Турисон. Р. 216) и до редакций XVII в., последование равноапостольных К. и Елены соответствует уставу малого праздника: на утрне поется «Бог Господь» и тропарь, стихиры на «Господи, воззвах» исполняются на б, на вечерне и утрне назначаются стихиры-самогласны, в т. ч. для пения на хвалитех; канон равноапостольных К. и Елены исполняется на б. Такой же устав имела служба в честь равноапостольных К. и Елены в печатных московских Типиконах (1610, 1633 и 1641) до исправленного издания 1682 г.

В редких случаях в рукописных богослужебных книгах (напр., Типикон XIV в.- НБКМ. Греч. 56) встречается описание торжественной службы во имя равноапостольных К. и Елены со всенощным бдением и с максимальным набором песнопений; на утрне читается Евангелие (Ин 10. 9-16).

В первых изданиях греч. Минеи (напр., напечатанной в Венеции в 1569) 21 мая содержится бденная служба равноапостольным К. и Елене с добавлением песнопений сочинения Николая Малакса (см.: *Филарет (Гумилевский)*. Песнопевцы. С. 378-379): стихир на малой вечерне, дополнительного цикла стихир-подобнов на «Господи, воззвах», 2-го канона на утрне, цикла самогласнов для помазания елеем в конце утрени. Более поздние издания греч. Минеи (напр., 1607) уже не содержат песнопений Малакса - в них служба равноапостольным К. и Елене излагается по уставу малого праздника, как и в ранних рукописных редакциях.

В XVII в. в греч. и слав. Минеях память равноапостольных К. и Елены празднуется более торжественно. 21 мая уже с XVI в., несмотря на отсутствие в уставе службы К. полиелея, в слав. богослужебных книгах отмечалось знаком (см. ст. Знаки праздников месяцеслова): на вечерне назначается пение «Блажен муж», 3 паремии (3 Цар 8. 22-23, 27-30; Ис 61. 10-11; 62. 1-5; Ис 60. 1-16), последование включает стихиры на литии и на стиховне, на утрне поется полиелей, прокимен из Пс 88 и читается Евангелие (Ин 10. 9-16).

В румын. Минеях XVIII-XX вв. на память равноапостольных К. и Елены 21 мая указана полиелейная служба, как в греч. и слав. богослужебных книгах, за исключением некоторых изданий: напр., в Минее 1804 г. 21 мая отмечена бденная служба с малой вечерней - последование включает ряд песнопений равноапостольным К. и Елене, отсутствующих в др. источниках.

Греч. Типикон протопсалта Константина, изданный впервые в 1838 г., приводит варианты соединения последования равноапостольных К. и Елены с праздниками подвижного годового круга: напр., если 21 мая совпадает с Вселенской родительской субботой перед Пятидесятницей, последование К. и Елены поется в пятницу, а отдание праздника Вознесения переносится с пятницы на субботу; при совпадении с Пятидесятницей последования Троицы и Минеи соединяются, причем стихиры берутся из обоих последований, а канон на утрне и служба на литургии - только из Троицы. В последующих изданиях Типикона протопсалта Константина приводится обычный устав службы 21 мая (со входом, с чтениями на вечерне, со степенными антифонами и с Евангелием на утрне), затем описывается устав службы в случае совпадения с Неделей о самаряныне, с отданием праздника Вознесения в пятницу 7-й недели по Пасхе (отдание не переносится на четверг, как в 1-м издании Типикона), с праздником Пятидесятницы, со Всех святых недель. В издании нового греч. Типикона 1888 г. в переработке протопсалта Г. Виолакиса (*Βιολάκης*. Турикόν. Σ. 275-283) в 14 главах приведены указания о службе 21 мая в случаях различных совпадений.

Содержащееся в совр. богослужебных книгах последование равноапостольных К. и Елены включает следующие элементы: отпустительный тропарь плагального 4-го (т. е. 8-го) гласа Τοῦ Σταυροῦ σου τὸν τύπον ἐν οὐρανῷ θεασάμενος

Крѣта твоєгѡ ѡбразъ на нѣсѣ видѣвъ:

() ; кондак 3-го гласа Κωνσταντῖνος σήμερον, σὺν τῇ μητρὶ τῇ Ἑλένῃ (

Кѡнстантѣнъ днѣсь съ мѣтерїю елѣною:

) с икосом; канон плагального 4-го (т. е. 8-го) гласа с ирмосом

Водѣ прошѣдъ:

Ѣдїне нѣвный црїю

Ἰγρὰν διοδεύσας (), нач.: Μόνε ἐπουράνιε Βασιλεῦ (); 9 стихир-самогласнов и 3 цикла стихир-подобнов; 4 седальна; 2 светильна. В греч. Минее указан светилен, отсутствующий в совр. рус. Минее. Песнопения посвящены или К., или Елене (в каноне их тропари чередуются), или им обоим.

Кроме того, К. может упоминаться в песнопениях праздников, связанных с Крестом Господним, напр. в 3-й стихире на

ѣѡкѡ кѡнстантѣнъ ѡдолѣнїе

литии службы Воздвижения Креста (14 сент.):
416).

(см.: Минея (МП). Сентябрь. С.

По рукописям известны песнопения равноапостольным К. и Елене, отсутствующие в совр. богослужебных книгах:

БЛАГА ЛЮБЪВНЮ НЫНА:

кондак 3-го гласа (Амфилохий. Кондакарий. С. 253) с икосом (также см. Типографский устав - ГТГ. К5349. Л. 67 об.; Минея на май РНБ. Соф. № 203. Л. 99); дополнительные икосы (Амфилохий. Кондакарий.

ГРАДИТЕ ЛЮДИЕ:

С. 118, 184); анонимный канон 2-го гласа, ирмос Δεῦτε, λαοὶ (), нач.: Δεῦτε, πιστο ἄπαντες, ἀνευφημήσωμεν (Придите, верные все, восхвалим); канон 4-го гласа авторства мон. Иоанна, ирмос: Ἰσομαί σοι, Κύριε,

ВОСПОЮ ТΕΒῆ ΓΔН ВЖЕ МОИ:

ὁ Θεός μου (), нач.: Σο τῷ βασιλεύοντι (Тебе, царствующему); анонимный канон

ГПИСИТЕЛЮ ВГЪ:

плагального 1-го (т. е. 5-го) гласа, ирмос: Τῷ σοτῆρι Θεῷ (), нач.: Ὁ προγνώστης Θεός, ὁ ἐκ μὴ ὄντων τὸ πρῶν (Провидец Бог, из не сущих прежде); анонимный канон плагального 2-го (т. е. 6-го) гласа с акростихом Ἐκτῆ δέξησιν προσδέχου, Κωνσταντίνε (Шестое моление прими, Константин; указание «шестое моление» в этом акростихе

ГѦКѦ ПО

позволяет предположить, что автор канона составил К. венюк канонов), ирмос: Ὡς ἐν ἡπείρω περζεύσας (

СЪХЪ ПЪШЕШЕСТВОВАВЪ:

), нач.: Ἐξ ἀναξίων χειλέων (Из недостойных уст) (Ταμεῖον. Σ. 202).

В греч. печатных Минеях XVI в., содержащих 21 мая бденную службу равноапостольным К. и Елене, помещен канон 2-го гласа, составленный Николаем Малаксом, с акростихом Πιότην ἀνάκτων τὴν ἀπαρχὴν αἰνέσω (Верных правителей

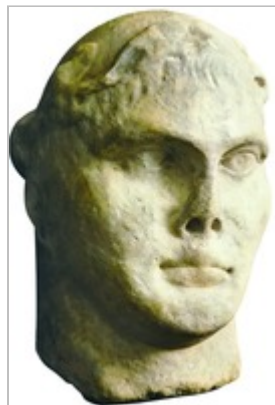
ВО ГАВБНИГЪ ПОСТАА ННОГДА:

начаток восхваляю), ирмос: Ἐν βυθῷ κατέστρωσε потὲ (), нач.: Παντοκράτωρ ἦψιτε Χριστὲ (Вседержитель высочайший Христос), а также 2 цикла стихир-подобнов и ряд самогласнов того же автора.

А. А. Лукашевич

Иконография

Прижизненные изображения

Имп. Константин Великий, 307 г. (Музей графства Йоркшир, Великобритания)

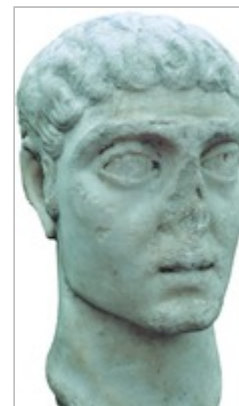
I. Скульптурные портреты. Предположительно самым ранним изображением К. является порфировая голова императора (фрагмент скульптуры; 305-315, Национальный музей г. Ниш, Сербия); в пользу этой атрибуции говорит гл. обр. ее происхождение из Ниша. Несмотря на существенные утраты (не сохр. нижняя часть лица), портрет выразителен благодаря широко раскрытым глазам миндалевидной формы; лоб прорезан морщинами, на скулах насечки, возможно изображающие бороду, ушные раковины слабо моделированы. Волосы скрыты головным убором в виде низкой цилиндрической тульи; убор такого типа имеют императоры-соправители в скульптурной группе «Тетрархи» (ок. 300) на юж. фасаде собора Сан-Марко в Венеции. С этой композицией скульптурный фрагмент из Ниша помимо иконографического сходства сближают обобщенная художественная манера и материал изготовления. Так, для изображения тетрархов было принципиальным сглаживание вплоть до неразличимости индивидуальных черт каждого из соправителей. Т. о., с одной стороны, подчеркивалась их божественная сущность, наделяющая соправителей сверхъестественным сходством, с другой - выражалась идея единства и неделимости их власти. Близкая к блоку форма, намеренная диспропорция,

отвлеченность и схематичная трактовка образов также выражали прочность союза 4 правителей, «их абсолютное единство и неразрывность, их непоколебимую дружбу и равновесие» (Kitzinger. 1977. P. 12). Порфир в свою очередь символизировал имп. власть, а технологические ограничения в его обработке способствовали достижению нужного обобщения, схематизма и аскетичности образов. Предположительно порфировая голова из Ниша являлась фрагментом скульптурной группы, представлявшей императоров Галерия, Максенция, К. и Лициния; она могла быть выполнена по заказу имп. Галерия для популяризации соправителей 2-й тетрархии.

Частью ростовой статуи К., очевидно, была голова (307, Музей графства Йоркшир, Великобритания), найденная в 1823 г. при раскопках рим. крепости Эборак в Йорке (графство Норт-Йоркшир, Великобритания). Вероятно, статуя была установлена в честь 1-й годовщины правления императора после провозглашения его августом в 306 г. в Эбораке. Легкий наклон головы влево и вниз отсутствует в поздних портретах императора (высота скульптуры в 2 раза превышала человеческий рост). За основу скульптурного портрета была взята классическая по пропорциям иконография императоров Августа и Траяна с определенным типом прически, без бороды. Лицо молодое (нос поврежден), лоб гладкий, глаза среднего размера, полные губы; надбровные дуги, скулы и подбородок выделены и скруглены; маленькие уши частично прикрыты короткими волосами, челка разделена на пряди и зачесана вперед. Голова увенчана дубовым (лавровым?) венком - символом воинской доблести. Лицо спокойное, сосредоточенное, внутреннее напряжение, свойственное более поздним портретам К., отсутствует.

И. А. Ричмонд предположил, что памятник из Йорка является не оригинальным произведением, а переработанной первоклассными мастерами столичного круга ранней статуей рим. героя (напр., Геркулеса; заметны следы переделки волос, особенно вокруг ушей). Скульптура из Йорка, как и более архаичная скульптура из Ниша, представляет идеализированный образ обожествленного властителя и не является портретом как таковым. Однако обращение в йоркском памятнике к иконографии императоров Августа и Траяна позволило привести в застылую, аскетичную стилистику «Тетрархов» индивидуальную характеристику. Т. о., в скульптуре из Йорка был намечен возврат к идее великой империи во главе с великим императором и заявлена иконографическая программа, к-рая получила развитие в поздних образах. Стилистическое и иконографическое решение портрета императора имело большое значение, поскольку изображение правителя находилось во всех общественных местах, объединяя т. о. империю своим символическим присутствием.

К йоркскому памятнику стилистически близок ранний портрет К. (Новая глиптотека, Копенгаген). Император изображен молодым человеком без бороды (нос утрачен), скулы и подбородок округлые, рот чуть приоткрыт, прическа похожа на прическу йоркской скульптуры, с той разницей, что уши не прикрыты волосами. Черты лица приобрели сглаженность, благодаря акценту на широко распахнутых глазах с припухшими веками и как бы высверленных зрачках, образ воспринимается более идеализированным. При этом памятник утратил непосредственность, присущую скульптуре из Йорка.

Имп. Константин Великий 1-я четв. IV в.
(Новая глиптотека, Копенгаген)

В 1-й пол. IV в. происходит обращение к эстетическим идеалам греко-рим. классического искусства. Уходит свойственная периоду тетрархии обобщенная схематизация форм, к-рые становятся более мягкими и чувственными. Новый образ сакральной имп. власти формируется на основе объединения присущих классическому искусству конкретных черт и обобщенности изображения, свойственного искусству архаизирующему.

Одним из наиболее известных рим. изображений К. раннего периода являются рельефы Триумфальной арки К. в Риме (312-315). В ее декоре были использованы споллии - элементы монументов II в.; к ним относятся 8 медальонов, в 4 из к-рых была добавлена фигура К. (тондо со сценами охоты и жертвоприношения Аполлону и Диане на сев. и юж. сторонах). При К. был создан фриз со сценами похода против Максенция: на вост. стороне - отбытие из Медиолана (ныне Милан), на южной - сцены сражения, на западной - триумфальный въезд К. в Рим, на северной - К. перед народом; раздача денег императором. В образе императора, как в портрете из Йорка, соединены черты индивидуальные и архетипические. Так, К. представлен молодым, безбородым, хотя на момент создания памятника ему было более 40 лет. Как и в йоркском портрете, особо проработаны глаза с глубоко врезанными зрачками, придающими взгляду сосредоточенность (особенность портретов IV в.), та же прическа. Узнаваемость фигуры К. в каждой сцене достигается с помощью композиционных приемов. Соединение в памятнике рельефов II и IV вв., где натуралистичность и иллюзионизм соседствуют с абстрактностью и схематичностью, согласуется с главной функцией арки - демонстрацией законности власти К., наследования ее от великих рим. императоров. Вечность имп. власти символизируют сцены в медальонах (охота на кабанов; К. с Дианой (Луна) и Аполлоном (Солнце)).

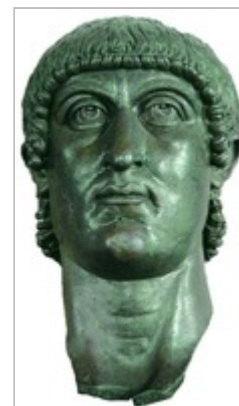
Имп. Константин Великий 306-330 гг.
(базилика Сан-Джованни-ин-Латерано, Рим)

Мраморная статуя К. (306-330, базилика Сан-Джованни-ин-Латерано, Рим) представляет собой скульптуру высотой 3,22 м: молодой император в боевых доспехах, в парадной позе полководца, обращающегося к своим войскам. Здесь использована иконография аналогичных изображений Августа и Траяна, но при этом образ К. более отвлечен и торжественен. В постановке фигуры использован легкий контрапост: опора на правую ногу, левая согнута в колене и чуть выдвинута вперед, широкий мускулистый корпус дан фронтально, плечи слегка развернуты влево; пропорции тела несколько нарушены. Голова немного наклонена, взгляд направлен перед собой. Левою рукой, согнутой в локте, император держит короткий рим. меч, с левого плеча на руку и вертикально вниз спадает палудамент - воинский плащ; на голове дубовый венок. В поднятой правой руке К., очевидно, сжимал копьё или жезл. Обобщенными, идеализированными чертами, умиротворенным, величавым выражением лица скульптура напоминает ранние изображения императора.

В скульптурном портрете, т. н. голове колосса (313-324, Капитолийские музеи, Палаццо-деи-Консерватори, Рим; сохр. голова, фрагменты ног, в т. ч. стопа, части рук, в т. ч. кисть), пропорции лица сознательно нарушены ради создания героизированного портрета императора. Огромные глаза придают образу «выражение замкнутого, недоступного для простых смертных величия» (Бритова, Лосева, Сидорова. 1975. С. 92). Той же цели - созданию непроницаемой маски - служат строгая симметрия, моделировка большими нерасчлененными плоскостями. Узнаваемость образа К. обеспечивали крупный нос, форма подбородка, характерная прическа в виде валика локонов. По сохранившимся деталям колосса - руке с вздувшимися венами, реалистично вылепленной стопе - можно предположить, что образ в целом был менее идеализированным, чем другие. Назначение колоссальных статуй - создание объекта для поклонения. Размер такой статуи подавляет человека, демонстрирует непреодолимую дистанцию между простым смертным и властителем. Полностью исключается контакт

со зрителем: взгляд колосса направлен в сторону и вверх. На примере ряда памятников К. заметно стремление к увеличению их размеров: если высота головы йоркской скульптуры - 42 см, копенгагенской - 43 см, то рим. колосса - 2,6 м.

То же образное решение еще одного памятника К. (сохр. голова высотой 95,2 см (фрагмент мраморной скульптуры сидящего императора; 325-370, Метрополитен-музей, Нью-Йорк)). Взгляд больших глаз с тяжелыми, как бы припухшими веками устремлен вверх; черты лица геометричны, сглажены, прическа та же, что и в ранних памятниках. Вертикальные морщины на лбу - не особенность облика К., а знак выражения божественной заботы императора об империи. Красиво очерченный рот чуть приоткрыт - это наиболее естественная часть портрета, наделенного некой отвлеченной одухотворенностью.

Имп. Константин Великий 336-337 гг.
(Капитолийские музеи, Палаццо-деи-Консерватори, Рим)

В бронзовом колоссе К. из Рима (336-337, Капитолийские музеи, Палаццо-деи-Консерватори, Рим; сохр. голова, детали конечностей) достигнута предельно точная и в то же время обобщенная характеристика ставших типологическими черт К. Это уже некий отвлеченный образ-икона, олицетворение божественной власти. В то же время в нем присутствует чувственное начало, живая, иллюзионистическая передача деталей (ноздри, губы, завитки волос).

Из Ниша происходит фрагмент бронзовой статуи императора в доспехах - голова императора в диадеме (324/325, Национальный музей, Белград). В этом портрете, так же как и в бронзовом колоссе, образ императора приобретает иконность, что подчеркивается строго фронтальным положением головы, симметрией и маскообразной застылостью лица. Портретное сходство отступило на второй план. К. изображен в идеальном возрасте - молодым, лицо гладкое, без морщин, без бороды, глаза огромные, губы довольно тонкие. В позднем имп. портрете лавровый или дубовый венок сменился диадемой, к-рая не только является атрибутом власти, земного величия императора, но и отсылает к иконографии Аполлона-Гелиоса, заимствованной христ. художниками из античного искусства.

Константин Великий. Золотой солид. 326-327 гг.
Аверс, реверс

В период правления К. его портреты изготавливались в т. ч. из полудрагоценных камней. Напр., бюст К. из халцедона (315-330, Кабинет медалей Национальной б-ки, Париж), несмотря на небольшие размеры, воспринимается монументально и величественно; образ императора предельно обобщен, при этом гармоничные, без лишней стилизации черты лица восходят к классическим образцам рим. портрета. То же можно сказать о камее из сардоника, изображающей К. и Тюхэ К-поля (30-е гг. IV в., переработана в нач. XIX в., ГЭ).

Н. А. Гульянова

II. На монетах и медалях представлен тот же иконографический тип - безбородый император в идеальном возрасте. Даже на небольших профильных бюстах на медалях и монетах переданы характерные черты К.- дугообразные брови над глубоко посаженными большими глазами, удлинённый нос с горбинкой, подчеркнута массивная нижняя часть лица, мощная шея, сосредоточенный, устремленный вверх взгляд. Исключением являются отдельные монеты, на которых К. изображен с короткой бородой. На юбилейных медалях к 30-летию правления император предстает прекрасным молодым (независимо от реального возраста) человеком, у него широко распахнутые глаза и твердый и решительный взгляд. При сохранении общего профильного типа бюста императора имеются отличия в деталях: на голове может быть царская диадема или лавровый венок с развевающимися сзади лентами-завязками, надетый непосредственно на волосы или поверх шлема. Встречаются также изображения К., увенчанного лучистым венцом (золотой солид, Британский музей), что связано с особым культом Непобедимого Солнца (лат. Sol Invictus), рим. офиц. божества, сходство императора с ним подчеркнуто иконографически: фигура бога солнца с лучистым венцом помещается на реверсе некоторых монет К. Сдвоенное (парное) изображение бюста К. и профиля Sol Invictus известно на солидах, отчеканенных в правление императора, а также на золотом медальоне его времени с надписью: «Invictus Constantinus» (Toynbee J. M. C. Roman Medallions. N. Y., 1944, 1987r. Pl. XVII. N 11).

III. Упоминания о прижизненных изображениях К. содержатся у церковного историка и автора «Жития Константина» еп. Евсевия Кесарийского. Ему также принадлежит замечание о присущем императору особом выражении глаз, к-рое епископ связывал с христ. молитвенным состоянием К.: «Сколь глубоко укоренилась в душе его сила божественной веры, можно заключить и из того уже, что на золотых монетах он повелел изображать себя со взором, обращенным горе и устремленным к Богу, в виде молящегося. Такие отпечатки расходились по всему Риму, а в самих дворцах некоторых городов над входными дверями находились изображения, представлявшие его стоящим в прямом положении, со взором, устремленным на небо, и с руками, молитвенно воздетыми горе» (Euseb. Vita Const. IV 15). Еп. Евсевий описал стацию, к-рую воздвигли императору на Римском форуме в честь победы над Максенцием, одержанной после чудесного явления креста К.: «На самом людном месте Рима поставили ему стацию, он немедленно приказал то высокое копьё в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: «Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и по освобождении его возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу»» (Ibid. I 40). С христ. т. зр. - как победу над злом - интерпретирует еп. Евсевий и известную лишь по его описанию картину в имп.

дворце. На ней К., окруженный сыновьями, был изображен побеждающим дракона (Ibid. III 3). Сохранились сведения о водруженной на серебряную колонну конной статуе К., образцом для которой послужила конная статуя Марка Аврелия (см.: *Габар.* 2000. С. 66. Примеч. 4).

В христианском искусстве

на миниатюрах в рукописи Гомилий Григория Назианзина (Paris. gr. 510. Fol. 440v, между 879 и 882), иллюстрирующих историю обретения Креста Господня, имеются сцены «Сон Константина» и «Явление креста на небе перед Мульвийской битвой». Император изображен в военном платье - в короткой тунике и плаще, на голове увенчанный крестом визант. корона-стемма. У К. темные короткие волосы и небольшая борода. Облик императора напоминает его античные изображения, но это сходство скорее типологическое, чем портретное.

На мозаике кон. X в. в юж. вестибюле собора Св. Софии в К-поле К. и имп. Юстиниан стоят по сторонам от Богоматери с Младенцем на престоле. К. изображен справа подносящим Пресв. Богородице построенный им город К-поль. Он в длинном расшитом царском дивитисии и широком лоре, на голове - корона-стемма. Исторические портретные черты полностью утрачены, но акцентировано внешнее подобие великих императоров К. и Юстиниана: у обоих отсутствуют бороды, средней длины волосы свисают по сторонам 2 округлыми локонами. На фреске мон-ря Протат на Афоне (нач. XIV в.) К. представлен в далматике и лоре, с драгоценным крестом на длинном древке в правой руке и со свитком в левой руке, в круглой короне-камилавке.

Сон имп. Константина Великого. Битва у Мульвийского моста. Обретение Креста. Миниатюра из Гомилий Григория Назианзина. 801–900 гг. (Paris. gr. 510. Fol. 400r)

Имп. с. равноап. Константин. Фрагмент росписи кафедрального мон-ря Протат на Афоне. Нач. XIV в. Мастер Мануил Пан-селин

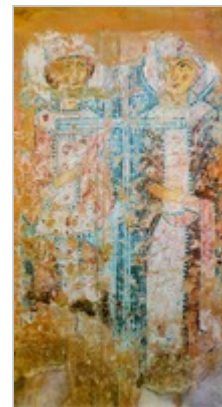
Единоличные изображения К. в византийском искусстве встречаются очень редко. Чаще всего он изображается вместе с матерью имп. равноап. Еленой по сторонам креста. В основе этой парной композиции - почитание Креста К. и обретение Животворящего Древа Креста Господня имп. Еленой. Наиболее распространен тот вариант, где святые держат древко креста; др. вариант - когда они представлены на нек-ром расстоянии от креста в молитвенном обращении к нему (см. в ст. *Елена*, равноап. имп.). В сцене «Воздвижение Креста Господня» К. представлен на фреске ц. Успения Пресв. Богородицы мон-ря Грачаница (ок. 1321), его образ здесь близок к изображению в мон-ре Протат на Афоне.

В композиции «I Вселенский Собор» К. изображается, как правило, в центре на троне, окруженный епископами (иногда справа от трона, на к-ром находится раскрытое Евангелие), он с темными волосами и бородой, в короне и царском одеянии.

Известны житийные циклы К., нек-рые из них уникальны по составу. Напр., в росписи ц. равноап. Константина в Пиргос-Монофациу на Крите (1314-1315) цикл в юж. нефе отражает жизненный путь святого патрона храма от его рождения (конные изображения родителей святого, равноап. Елены и Констанция Хлора, - позади отца сидит отрок К.) до первой победы (битва у Мульвийского моста) и наследования его престола (коронование сыновей К.). Фрагментарно сохранился фресковый цикл в ц. святых К. и Елены в Охриде (Константин с конными воинами отправляется на битву; Константин и свт. Сильвестр?). Тематика отдельных композиций росписи ц. Св. Креста (Ставрос-ту-Агиасмати) на Кипре (1494) также обусловлена посвящением храма. Так, в сев. нише, плоскость которой разделена большим деревянным 4-конечным крестом, размещены сцены обретения Св. Креста равноап. Еленой. Поверхность арки ниши занимают сцены, посвященные жизни К. и явлению креста перед битвой у Мульвийского моста.

На Руси древнейшие изображения К. сохранились в росписи Михайловского придела Софийского собора в Киеве (40-е гг. XI в.) и в Мартириевской паперти Софийского собора в Вел. Новгороде (кон. XI - нач. XII в.). В обоих памятниках использована традиц. парная иконография утверждения креста К. и равноап. Еленой. В Св. Софии образы К. (изображен фронтально) и имп. Юстиниана (в приделе праведных Иоакима и Анны) типизированы: оба молоды; с округлыми лицами, едва показавшейся бородой и небольшими усами. Высоко посаженные зрачки увеличивают и без того большие глаза К. и делают его взгляд более выразительным. Оба императора в лоратных одеждах, но на голове К. торжественная корона с перпендулиями. В Мартириевской паперти К. и Елена изображены в царских одеяниях, в коронах-стеммах, они обращены к большому кресту, держат его одной рукой, свободная рука у обоих в молении. Отличаясь в деталях, поздние изображения будут следовать типу иконографии, представленному на новгородской фреске.

В Кирилловской ц. в Киеве (40-е гг. или посл. четв. XII в.) образы К. и Елены расположены на северной стене северного нефа в средней части, с ними сопоставлены расположенные напротив, в компартименте южного нефа, ктииторские изображения членов княжеской семьи. В XVI в. в связи с формированием на Руси идеологии правосл. царства и актуализацией темы благочестия государя в галерее образов русских князей на столбах Благовещенского собора Московского Кремля с К. и Еленой сопоставлены парные изображения равноапостольных Владимира и Ольги (1547-1551). Тогда же фигура К. была включена в состав сложных композиций с образами святых, объединенных по чинам святости. Так, на иконе «О Тебе Радуется» из новгородской ц. Петра и Павла в Кожевниках (ок. 1558, НГОМЗ) он представлен во главе группы русских святых в лике царей и князей.

Св. равноапостольные Константин и Елена
Распись Мантирьевской папарты Софийского
собора в Вел. Новгороде. Кон. XI — нач. XII в.

На иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» (сер. XVI в., ГТГ) К. с крестом в руках изображен с воинами в шествии к Горнему Иерусалиму. Ближайшей аналогией является фреска ц. Св. Креста в Пэтрэуци (Румыния), кон. XV в., с изображением имп. Константина и св. воинов на конях, следующих за арх. Михаилом, который указывает на крест в небесном сегменте.

Источником новой рус. иконографии «Поклонение Кресту» (Поклонение Кийскому кресту), куда были включены изображения К. и Елены, а также царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, стал Кийский крест, созданный как реликварий в 1656 г. «в меру» Креста Христова по заказу патриарха Никона для Крестного монастыря на Кий-острове. Одна из первых икон была написана, очевидно, ок. 1658 г. (сохр. следующая по времени икона из теремной ц. Воздвижения Креста в Кремле, 1677-1678, ГММК).

Житие К. помещено в 3-м хронографическом томе Лицевого летописного свода 70-х гг. XVI в. (РНБ. Ф. IV. 151), в котором на основе т. н. Летописца Еллинского и Римского излагается история римского царства. В рассказе о царствовании отца К. Констанция Хлора, озаглавленном «Царство 42. Констино. Отца Константинова», говорится об обстоятельствах рождения К., о его воспитании, затем о жизни К. у Диоклетиана, о прибытии К. к умирающему отцу в Британию и о провозглашении его кесарем. В соответствии с рассказом К. сначала изображен младенцем в рубашке и без головного убора, затем - отроком с камиллавкой на голове, после поставления на царство - безбородым юношей в царском зубчатом (городчатом) венце, на миниатюрах, сопровождающих описание облика К., помещенное перед рассказом о его борьбе с Максенцием, - с бородой. Продолжение истории К. изложено в части под названием «Начало царства христианского. Первое царство царя Константина, правоверного». На всех последующих миниатюрах К. представлен средовеком. Повествуя о строительстве К-поля, автор особое внимание уделяет порфировой колонне, установленной императором на форуме, на к-рой находилась медная статуя с 7-лучевым венцом на голове. Это изваяние 4 раза изображено на миниатюрах.

Св. равноапостольные Константин и Елена
Распись Благовещенского собора Московского
Кремля. 1547-1551 гг.

В русской иконописи житийные циклы К. встречаются редко. Напр., на иконе «Воздвижение Креста со сценами «Обретения Креста»» (кон. XVII - нач. XVIII в., Ярославль, собрание М. Е. Де Буара (Елизаветина)) 9 из 16 клейм посвящены истории К.: сон К.; видение креста из звезд; победа над Максенцием; поход против скифов на Дунай; победа над скифами; возвращение в Рим и встреча с царицей Еленой; болезнь К.; явление К. апостолов Петра и Павла; крещение К. и Елены папой Сильвестром.

/

Лит.: *Witte F.* Die Kolossalstatue Konstantins des Grossen in der Vorhalle von S. Giovanni in Laterano // *Konstantin der Grosse und seine Zeit: Gesammelte Studien: Festgabe zum Konstantins-Jubiläum* / Hrsg. F. J. Dölger. Freiburg i. Br., 1913. S. 259-268; *Berenson B.* L'Arco di Costantino o della decadenza della forma. Mil., 1952, 2007. P. 22, 54-55; *Lauer H. H.* Kaiserin Helena: Leben und Legenden. Münch., 1967; RBK. Bd. 2. Sp. 1084-1087; *Subotić G.* Sv. Konstantin i Jelene u Ohridu. Beograd, 1971; *Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Римский скульптурный портрет. М., 1975; *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art. 3rd-7th Cent. Camb. (Mass.), 1977, 1980. P. 14-23; *Srejić D.* The Late Classical and Early Byzantine Portraiture // *Antički portret u Jugoslaviji*. Beograd, 1987. P. 107-108, 232, 234-235; *Henig M.* The Art of Roman Britain. L., 1995; *Johansen F.* Catalogue Roman portraits: (Ny Carlsberg Glyptotek). Copenhagen, 1995. Vol. 3. P. 170-171; *Stylianou A., Stylianou J.* The Painted Churches of Cyprus. Nicosia, 1997. P. 198-205; *Elsner J.* Imperial Rome and Christian Triumph: The Art of the Roman Empire ad 100-450. N. Y., 1998. P. 53-87; *Грабар А. Н.* Император в визант. искусстве. М., 2000. С. 37; Βυζάντιο ως οικόμηνη: Βυζαντινό κα Χριστιανικό Μουσείο. Αθήνα, [2001]. Σ. 76-77; *Басманова Р. В.* Образ в христ. искусстве: К вопросу о неоплатоническом в становлении христ. символизма // Рус. культура: Теорет. проблемы ист. генезиса: Сб. ст. / Ред.: В. А. Щученко. СПб., 2004. С. 92-125; *Ottaway P.* Roman York. Stroud, 2004; *Constantine The Great - York's Roman Emperor: The Cat.* / Ed. E. Hartley. York, 2006. P. 120; *Hannestad N.* Die porträtskulptur zur zeit Konstantin des Grossen // *Konstantin der Grosse: Ausstellungskatalog* / Hrsg. A. Demandt, J. Engemann. Mainz, 2007. S. 96-116; *Bidwell P., Hartley E., Corcoran S.* Constantine at York // *Ниш и Византја: VII научни*

скуп, Ниш, 3-5 јун, 2008 Уред.: М. Ракоција. Ниш, 2009. С. 45-53; *La Regina A.* Archaeological guide to rome. Mil., 2010r. P. 142-143, 232-238.

Н. В. Квливидзе

Электронная версия разработана при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

© 1998 - 2023 Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия».

 Rambler's Top100

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-106–115

ДИОКЛЕТИАН И КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ: ДИАЛОГ ИМПЕРАТОРОВ НА ФОНЕ КРИЗИСА

И.А. Миролубов

Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Россия
peter-herzog@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются личные взаимоотношения двух крупнейших фигур римской истории рубежа III–IV вв. – императоров Диоклетиана (284–305) и Константина Великого (306–337). Традиционно оба императора считаются основателями новой общественно-политической модели устройства Римской империи – домината. Более того, Константин Великий признается наукой продолжателем целого ряда начинаний Диоклетиана в области управления Римской империи. Вопрос о личных взаимоотношениях двух правителей, однако, в науке практически не поднимался. Между тем, с точки зрения автора представленной статьи, постановка этого вопроса и его разрешение помогло бы в перспективе глубже понять характер обоих реформаторов и оценить степень осознания Константином себя как преемника и наследника Диоклетиана. Оба императора были лично знакомы примерно с 293 г. н.э. и вплоть до смерти Диоклетиана контактировали друг с другом. Примечательно, что в этот период они успели поменяться ролями: Диоклетиан начинал императором, а умер частным лицом, наблюдая крах своей системы. Константин, напротив, прошел путь возвышения и добился императорского титула. Естественно, что на взаимоотношения двух императоров накладывали отпечаток и текущая политическая ситуация, и третьи лица, принимавшие активное участие в борьбе за власть, и воззрения в области религиозного вопроса. В качестве источниковой базы для своего исследования автор статьи привлекает обширную нарративную традицию (в рамках которой сохранилась заявленная самого Константина), а также данные эпиграфики и нумизматики. Таким образом, полученные выводы удастся подкрепить с помощью комплексного анализа источников разного типа.

Ключевые слова: Константин Великий, династия Константина Великого, Диоклетиан, идеология императорской власти в Римской империи, тетрархия, доминат, Поздняя Римская империя

В науке давно утвердилось мнение о том, что доминат – как новая общественно-политическая модель существования Римской империи – утвердился в правление императоров Диоклетиана и Константина Великого. Последний заслуженно рассматривается¹ как преемник Диоклетиана и продолжатель многих его

Данные об авторе: Миролубов Иван Андреевич – кандидат исторических наук, сотрудник Московского государственного объединенного музея-заповедника.

¹ Сергеев 1938, 667–668; Машкин 2006, 601–602; Loewenstein 1974, 403–404; Неронова 1989, 308; Уильямс 2014, 284–285.

начинаний. Однако, оставляя в стороне вопрос о политической преемственности, следует учесть, что оба императора были современниками и достаточно близко знали друг друга. В этой связи особенную актуальность приобретает вопрос об их взаимоотношениях, который не получил должного внимания² со стороны исследователей. Уяснение этого момента может стать перспективной основой для изучения характера деятельности Константина в качестве политического наследника императора Диоклетиана.

Карьера Константина Великого началась с возвышения его отца, Констанция Хлора, который в 293 г. н.э. был включен на правах младшего соправителя (цезаря) в четверную императорскую коллегию, созданную императором Диоклетианом (тетрархия³). Латинская нарративная традиция отмечает, что Константин, оказавшийся при восточном дворе Диоклетиана, был *obses*, то есть выполнял роль заложника (*Origō Const. imp.* 2. 2; *Aur. Vict. De caes.* 40. 2; *Epitome de caes.* 41. 2). Учитывая, что тетрархия объединила четырех разнохарактерных людей в единый орган верховной власти, можно полагать, что Диоклетиан действительно использовал такой нестандартный метод для обеспечения верности Констанция Хлора установлениям своей системы. Впрочем, «заложничество» Константина не являлось аналогом заточения. Мы обнаруживаем, что юноша получил образование⁴ и поступил на военную службу⁵. Собственно, с этого момента и начинается история взаимоотношений Константина и Диоклетиана. Евсевий в «Жизнеописании Константина» сообщает о первой почести, оказанной юноше при императорском дворе: во время проезда Диоклетиана через Палестину молодой Константин находился «с правой стороны от императора» (*Vita Const.* IV. 19). Феофан дополняет это сообщение известием о том, что Константин находился при Диоклетиане, когда тот «в Александрии окружил Ахиллея» (А.М. 5788). Таким образом, посещение Константином восточных областей и Египта⁶ следует датировать 297–298 гг.⁷, когда Диоклетиан был занят подавлением восстания Домиция Домициана и Аврелия Ахиллея в Египте. Почетное пребывание Константина при особе императора указывает, что между ним и Диоклетианом сложились неплохие отношения⁸. Дальнейшая военная карьера Константина проходила уже под началом

² В литературе встречались указания о чувстве мщения, которое Константин якобы испытывал к Диоклетиану: Князький 2010, 116. Высказывалось предположение о стремлении Константина дистанцироваться от фигуры Диоклетиана: Уильямс 2014, 285.

³ Состав первой коллегии (293–305 гг.): августы Диоклетиан и Максимиан Геркулий (старшие императоры), цезари Галерий и Констанций Хлор (младшие соправители и наследники). О составе императорской коллегии: Kienast 2004, 264–265.

⁴ Вопрос образования Константина мы рассмотрели в статье: Миролубов 2016, 90–95.

⁵ Крист 1997, 410; Odahl 2010, 72–74; Potter 2013, 67–81.

⁶ Константин Великий в своей «Речи к собранию святых» упоминает, что лично видел покинутые людьми руины некогда великих городов Вавилона и Мемфиса (*Orat.* 16).

⁷ Здесь и далее в вопросах датировок опираемся на работу Д. Кинаста: Kienast 2004, 296.

⁸ Феофан отмечает, что Диоклетиан завидовал молодому человеку и хотел погубить его (А.М. 5788). То же самое, по его сообщению, намеревался сделать позднее Галерий (А.М. 5793). Намерение Галерия подтверждается другими авторами – Лактанцием, Праксагором и Анонимом Валезия. Что же касается известия Феофана о Диоклетиане, то оно вступает в противоречие и с данными о карьере Константина, и с сообщениями других источников. По всей видимости, Феофан либо просто продублировал данные, которые должны были характеризовать отношения Галерия и Константина, либо постарался приписать Диоклетиану черту, характерную, по его мнению, для императора-гонителя.

Галерия⁹, однако Лактанций – самый ранний биограф Константина – указывает, что около 305 года он был утвержден в звании «трибуна первого ранга» (*tribunus ordinis primi*) именно Диоклетианом (*De mort. pers.* 18. 10). Лактанций также передает диалог, который будто бы состоялся между Диоклетианом и Галерием и имел своей целью наметить претендентов на роль наследников императорской власти. Диоклетиан называет Константина «достойным [народной] любви» и отмечает, что он, если станет императором, «будет считаться лучше и милостивее своего отца» (*De mort. pers.* 18. 11). Хотя еще Гиббон считал этот диалог несомненным литературным творчеством самого Лактанция¹⁰, все же он мог отражать определенные настроения, которые имели место при дворе. Как бы то ни было, основываясь на имеющейся информации, мы можем сделать вывод, что по ситуации на начало 305 г. отношение Диоклетиана к Константину было вполне благосклонным. Отношение Константина к Диоклетиану нам неясно¹¹. Отметим, однако, что Константин, находясь при восточном дворе, видел начатые Диоклетианом и его соправителем Галерием гонения против христиан¹². У Евсевия цитируется письмо Константина периода его единовластия, где он сообщает, как Диоклетиан на его глазах расспрашивал своих приближенных о христианах и подписывал указ о гонениях. Характеристика Диоклетиана в этом письме довольно красноречива – «жалкий, поистине жалкий и душевно заблудший человек» (*Vita Const.* II. 51). Можем предположить, что начиная с 303 г. Константин копил по отношению к Диоклетиану определенную неприязнь, однако вряд ли можно говорить о ее открытой демонстрации.

Затрагивая вопрос об отношениях Константина и Диоклетиана до 305 г., хочется обратить внимание на гипотезу Т.Д. Барнса¹³, который предположил, что основатель тетрархии решил связать себя с Константином родственными узами. Связующим звеном Барнс считает спутницу¹⁴ Константина Минервину, родившую ему в это время сына Криспа. Первым аргументом Барнса является ее имя, производное от имени богини Минервы; оно, якобы, обнаруживает связь с Юпитером, отцом Минервы и покровителем императора Диоклетиана. В качестве второго аргумента исследователь выдвигает аналогичные брачные связи между

⁹ Отношения с Галерием у Константина, по сообщениям традиции, складывались напряженные. Довольно примечательно сообщение Лактанция и Праксагора о том, что Константин был брошен Галерием в клетку с диким зверем (львом или медведем), которое мы подробно рассмотрели в статье: Миролюбов 2017, 571–579.

¹⁰ Гиббон 2008, 586; Буркхард 2003, 39. Мнение это подтверждается той мыслью, что доверительная беседа двух императоров вряд ли могла стать достоянием придворного преподавателя риторики, каковым являлся Лактанций.

¹¹ Буркхардт полагает, что Константин отвечал Диоклетиану язвительностью и интригами: Буркхард 2003, 252. Однако мнение это применительно к данному периоду не подтверждается данными источников.

¹² Odahl 2010, 73.

¹³ Barnes 2014, 48–49. Сам автор отмечает недостаточность ее источниковой базы.

¹⁴ По данным нарративной традиции, она была конкубиной Константина (*Epitome de caes.* 41. 4; *Zos. Hist. Nov.* II. 20. 2; *Zonar. Epitome hist.* XIII. 2). В латинском панегирике, произнесенном по случаю женитьбы Константина на Фаусте в 307 году, сообщается, что жених уже был женат, из чего следует, что Минервина, единственная известная его спутница до брака с Фаустой, была его супругой (*Pan. Lat.* 6. 4. 4). Таким образом, статус Минервины на основании имеющихся источников установлен быть не может. Д. Поттер считает ее представительницей придворной аристократии: Potter 2013, 97–98.

семьями тетрархов: Констанций Хлор получил в жены дочь/падчерицу соправителя Диоклетиана¹⁵, Максимиана Геркулия, сын Максимиана Максенций – дочь Галерия, а сам Галерий – дочь Диоклетиана¹⁶. Однако, при всем остроумии, гипотеза не кажется состоятельной. В 307 г. Константин сочетался браком с дочерью Максимиана Геркулия. Позднее отношения между зятем и тестем испортились: последний был низвержен и погиб (либо казнен, либо вынужденно покончил с собой), однако Константин, несмотря на столь сложные отношения, никогда не упускал случая использовать фигуру тестя для укрепления генеалогии своих сыновей от этого брака¹⁷. Между тем фигуры Диоклетиана в позднейших генеалогических конструкциях Константина мы не находим. Что касается имени, то помен «Минервий» носили в IV столетии, к примеру, два ратора из Бурдигалы¹⁸, что указывает на его использование в отрыве от семьи Диоклетиана. Таким образом, мы не можем допустить гипотетической родственной связи Диоклетиана и Константина.

1 мая 305 г. Диоклетиан отрекся от власти, убедив сделать то же самое своего соправителя Максимиана Геркулия. Их места (августов) заняли Констанций Хлор, отец Константина, и Галерий, а на их места (цезарей) заступили протеже Галерия – Флавий Север и Максимин Даза. Лактанций сообщает, что Дазу в императорское достоинство возводил в Никомедии уходящий на покой Диоклетиан, из чего следует, что Максимин провел на западе империи аналогичную процедуру с Флавием Севером. На церемонии, происходившей в Никомедии, присутствовал и Константин. Лактанций отмечает, что «все смотрели на Константина [как на наследника] – в том не было никаких сомнений» (*De mort. pers.* 19. 1). Однако на трибунал был выведен Даза. Реакцию Константина Лактанций не передает, однако Аврелий Виктор отмечает, что он «не желал это терпеть» (*De caes.* 40. 2). Дальнейшие события известны: Константин бежит к отцу, августу Констанцию, чье войско в день его смерти – 25 июля 306 г. – и, возможно, в согласии с его предсмертной волей провозглашает Константина императором.

Насколько мы можем судить, после 305 г. Константин и Диоклетиан не встречались лично. Отношения между ними могут быть реконструированы лишь на основании имеющихся данных об их деятельности в период кризиса и падения тетрархической системы. Мы знаем, что Константин попытался легитимировать свое положение в рамках тетрархии и был признан Галерием в ранге цезаря, между тем как вакантный после смерти Констанция Хлора ранг августа перешел к Флавию Северу. Пример Константина, однако, побудил к выступлению сына Максимиана Геркулия, Максенция, а затем и самого Максимиана. Флавий Север не смог подавить их мятеж: он был пленен и погиб, что вновь сделало вакантным положение августа. Галерий, вопреки порядку, не передал его Константину¹⁹, что

¹⁵ Ради этого брака Констанций Хлор оставил Елену, мать своего сына Константина.

¹⁶ Генеалогическая схема домов тетрархов: Kienast 2003, 381.

¹⁷ Примером тому может служить масштабная чеканка в честь уже обожествленного Максимиана Геркулия, которая была предпринята Константином в 317–318 гг., когда в достоинство цезарей были возведены его сыновья Крисп и Константин-мл. (*RIC VII*, 180; 252; 310–312; 394–395; 429–430; 502–503).

¹⁸ Jones, Martindale, Morris 1971, 603–604.

¹⁹ Это действие Галерия Моммзен очень точно и справедливо назвал «конституционной несправедливостью»: Моммзен 2002, 491. Это тем более верно, что в 308 г. на позиции августа окажется

побудило последнего к альянсу с блоком Максенция–Максимиана Геркулия и получению титула августа из рук последнего. Альянс этот подкрепляется браком между Константином и дочерью Максимиана Геркулия Фаустой. На свадьбе анонимный оратор произносит речь, в которой презрительно именуется Диоклетиана «*is principis*» (без указания имени) и очень тонко высмеивает его решение отречься от власти (Pan. Lat. 6. 9. 2–5). Поскольку речь произносилась на территории, подконтрольной Константину²⁰, мы можем предполагать, что санкцию на издевки в адрес Диоклетиана давал именно он.

В ситуации нарастающего политического кризиса Галерий обратился за консультацией к Диоклетиану. Хорошо известен анекдот о том, что политическим играм старый экс-император предпочел свой огород (*Epitome de caes.* 39. 5), однако на деле Диоклетиан повел себя иначе. В 308 г. Диоклетиан совместно с Галерием вступил в должность консула. Важно отметить, что Константин признал это назначение²¹, вероятно, ожидая от самого экс-императора решений в свою пользу. Однако Диоклетиан на совещании в Карнунте санкционировал возведение в достоинство августа Лициния, друга Галерия²², между тем как за Константином признавался лишь ранг цезаря. Монеты, которые чеканились на территории Константина²³, продолжают титуловать его августом, что достаточно красноречиво демонстрирует его отношение к решениям Карнунтского совещания, которые были подкреплены блекнувшим авторитетом Диоклетиана.

В 310 г. Максимиан Геркулий совершил попытку переворота против Константина, за что поплатился жизнью. Его память была предана проклятью, что повлекло за собой уничтожение надписей с его именем и его изображений. По свидетельству Лактанция, многие портреты Максимиана изображали его совместно с Диоклетианом, из-за чего уничтожению подвергались «изображения обоих» (*De mort. pers.* 42. 1). Слова Лактанция о групповых портретах подтверждают две дошедшие до нас групповые скульптурные композиции (ныне – в Венеции и Риме²⁴), а надпись из испанской Бетики являет пример уничтожения имен обоих императоров (ILS 630), при этом имя Диоклетиана уничтожено более основательно. Таким образом, в 310 г. Диоклетиан был подвергнут Константином негласному проклятию памяти.

В 312 г. Константин, заключив альянс с Лицинием, посватал за него свою сестру Констанцию. Лактанций отмечает, что Лициний «принял жену» во время встречи с Константином в Медиолане в январе/феврале 313 г. (*De mort. pers.* 45.1). Анонимный автор конца IV в. н.э. сообщает, что Диоклетиан «был позван Константином и Лицинием на свадебные торжества», однако отказался приехать, друг Галерия, Лициний, не бывший до того цезарем (младшим соправителем).

²⁰ Константин в этот момент контролировал Галлию и Британию. Речь была произнесена в Августе Треверов или в Арелате: Grünewald 1990, 33–38; Nixon, Rodgers 1994, 184–185.

²¹ Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 150–151.

²² К. Крист полагает, что этот шаг Диоклетиана является его стремлением держаться «за ставшую фантомом» систему тетрархии и не признавать происходящих на западе империи политических процессов: Крист 1997, 415. Это мнение не представляется состоятельным, так как Лициний был возведен в достоинство августа в обход цезаря Константина, что уже было нарушением конституции тетрархии. Скорее мы можем говорить о давлении на Диоклетиана со стороны Галерия, о чем свидетельствует Лактанций (*De mort. pers.* 29. 2).

²³ К примеру, чеканка Августы Треверов (RIC VI, 215–219).

²⁴ Kleiner 1992, 401–405; Varner 2004, 214–215.

ссылаясь на старческую немощь. Ответом на отказ стали «грозные письма», в которых Диоклетиан обвинялся в поддержке врагов Константина и Лициния²⁵ (*Epitome de caes.* 39. 7). В отказе Диоклетиана возможно подозревать некоторое лукавство, однако нельзя не признать, что экс-император действительно был в преклонных летах, а скверное состояние его здоровья зафиксировано Лактанцием еще применительно к 304/305 г. (*De mort. pers.* 17. 3–8). Последовавшая вскоре смерть трактуется источниками разнообразно. Лактанций сообщает о ней после известия о низвержении его статуи Константином, называя причиной «отвращение к жизни», вызвавшее «голод и меланхолию» (*De mort. pers.* 42. 3). Анонимный автор конца IV в. говорит о том, что Диоклетиан, получив от императоров «грозные письма», «принял, как говорят, яд, подозревая [готовившуюся ему] позорную смерть» (*Epitome de caes.* 39. 7). Смерть Диоклетиана датируется 3 декабря 313 г.²⁶ Любопытно, что 1 июня того же года датируется предписание Константина президу Ликии и Памфилии, в котором император ссылается на постановление «отца нашего Диоклетиана, старшего августа» (*СTh.* XIII. 10. 2). Не лишним будет отметить, что в указанный период времени Ликия и Памфилия находились в сфере влияния Лициния, между тем как Константин летом–осенью 313 г. находился в Галлии и Британии²⁷. По всей видимости, документ был составлен от лица Константина и Лициния как соправителей, а после падения Лициния в 324 г. и проклятия его памяти авторство было атрибутировано одному Константину. Как бы то ни было, документ примечателен тем, что, несмотря на поведение Диоклетиана после приглашения на свадьбу и последовавшие «грозные письма», его официальный почетный статус экс-императора не претерпел изменений. Более того, существующий в официальном пространстве облик («отец старший август») словно бы отделяется от реального человека (подвергаемый угрозам Диоклетиан).

На основании имеющихся данных мы можем сделать вывод, что отношения между Константином и Диоклетианом в период 306–313 гг. складывались следующим образом. Диоклетиан, очевидно, должен был рассматривать Константина как узурпатора²⁸, чье провозглашение стало отправной точкой для начала политического кризиса. Константин не переоценивает авторитет Диоклетиана, однако проявляет к нему сдержанное почтение: это видно как из признания за ним консульства в 308 г., так и из приглашения его на свадьбу сестры. Однако провозглашение Лициния в 308 г. и отказ от приезда на свадьбу сестры в 313 г. вызывает

²⁵ В частности Максимины Дазы, с которым Лициний еще только должен был сразиться за контроль над восточными областями Римской империи. Прямых свидетельств о контактах между Диоклетианом и Максимининой Дазой у нас нет. Отметим, что после смерти императора Галерия, его супруга Валерия, дочь Диоклетиана, отправилась именно ко двору этого императора (*Lact. De mort. pers.* 39–41). Это обстоятельство примечательно тем, что она, имея возможность, не поехала к отцу, который проживал в Салоне, на территории, подконтрольной Лицинию. При дворе Максимины Дазы Валерия, вопреки надеждам на комфортное проживание, подверглась домогательствам и унижениям.

²⁶ Распространенная датировка: Kienast 2004, 267; Князький 2010, 128. Т.Д. Барнс датирует смерть Диоклетиана 311 годом: Barnes 1973, 32–35; Leadbetter 2009, 243. С. Уильямс склоняется к 312 г.: Уильямс 2014, 279. Не вдаваясь сейчас в дискуссии по этому вопросу, отметим, что 313 г. скорее согласуется с историей про приглашение Диоклетиана на свадьбу и получение им «грозных писем».

²⁷ Kienast 2004, 299.

²⁸ Буркхард 2003, 256.

его неудовольствие, следствием чего становится уничтожение статуй (без формального, однако, проклятия памяти), «грозные письма» и давление на Диоклетиана, ускорившее его смерть. Уже после смерти Диоклетиана Лициний, истребляя родственников покойных тетрархов, казнит вдову и дочь экс-императора (Lact. De mort. pers. 51. 1–2). Реакция Константина на этот поступок нам неизвестна. Сведений о том, что он препятствовал убийствам, нет. Примечательно, впрочем, что Лактанций, сообщая об этих убийствах, противопоставляет поведение Лициния милосердию Константина, которое он проявил после победы над Максенцием и взятия Рима в октябре 312 г. Характерно замечание Лактанция: члены семей тетрархов боялись Лициния, «словно бедствия» (De mort. pers. 50. 5), а вдова и дочь Диоклетиана были провожаемы на казнь толпой женщин «с великим сожалением» (De mort. pers. 51. 2). Такая характеристика от близкого к Константину автора позволяет предполагать, что сам император постепенно начинал менять отношение к своему союзнику и соправителю²⁹.

Отношение Константина к Диоклетиану после смерти последнего известно нам из первых рук – благодаря письмам и речам самого Константина, зафиксированным у Евсевия. Противопоставляя участников первой тетрархии своему отцу, Константин отмечает свойственную им «дикость нравов» (Vita Const. II. 49). Негодование императора вызывает прежде всего антихристианская политика тетрархов, при этом вину за подписание «кровавых указов» он возлагает именно на Диоклетиана, которого не называет по имени (Vita Const. II. 51). Историография времен Константина в лице Лактанция и Евсевия следует этим установкам. Однако официального проклятия памяти так и не последовало. Более того, Аммиан Марцеллин в своем повествовании о временах правления сына Константина Юлия Констанция сообщает о «пурпурном покрывале» на гробнице Диоклетиана (Res. Gest. XVI. 8. 4). Из этого следует, что гробница Диоклетиана сохранялась и при самом Константине, и при его сыновьях, а сама его персона занимала свое место в череде римских императоров.

Рассмотрев историю взаимоотношений Диоклетиана и Константина Великого, мы можем согласиться с тем, что они ярко отражают сложные перипетии политического кризиса в Римской империи начала IV в. Знакомство Диоклетиана и Константина состоялось в период зенита славы первого. До 305 г. Диоклетиан даже покровительствовал молодому Константину и способствовал его военной карьере. Константин входил в окружение старшего императора; единственным темным пятном, которое может характеризовать его неприятие к Диоклетиану, являлось антихристианское законодательство последнего. В 305 г. при перераспределении властных полномочий в рамках императорской коллегии Константин, несмотря на свои амбиции, оказывается обойденным. Это обстоятельство ставит под вопрос дальновидность Диоклетиана³⁰, однако окончательное его решение является темой для дальнейших исследований. Отношение же Константина к Диоклетиану теперь выходит за рамки собственно личных симпатий и приобретает все больше политический характер. После 306 г. Константин для Диоклетиана – разрушитель созданной им системы (или, по меньшей мере, человек, спровоциро-

²⁹ М. фон Альбрехт высказывает интересную мысль, что само сочинение Лактанция являлось своего рода предостережением Лицинию: Альбрехт 2005, 1735.

³⁰ Буркхард 2003, 37–40; Крист 1997, 410–411.

вавший ее кризис и крах). Константин же относится к Диоклетиану двояко. С одной стороны, его раздражают действия Диоклетиана, вступающие в противоречие с его планами (возведение в августы Лициния, а не его в 308 г.; отказ от поездки на свадьбу в 311 г.). С другой стороны, на официальном уровне он сохраняет уважительное отношение к Диоклетиану как римскому императору (он – «отец старший август», упоминаемый в официальных документах). После смерти Диоклетиана эта двойственность усиливается: с почетом погребенного в мавзолее императора Константин характеризует как «жалкого, поистине жалкого и душевно заблудшего человека» (*Vita Const.* II. 51). При всей суровости, эти слова удачно характеризуют положение Диоклетиана в последние годы своей жизни, когда он вынужден был наблюдать крушение созданной им системы. Вместе с тем нельзя не отметить снисходительный тон Константина, который, при очевидно негативном отношении, не допустил официального проклятия памяти Диоклетиана.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт, М. фон. 2005: *История римской литературы*. Т. 3. М.
- Буркхард, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
- Гиббон, Э. 2008: *Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
- Крист, К. 1997: *История времен римских императоров: от Августа до Константина*. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- Машкин, Н.А. 2006: *История Древнего Рима*. М.
- Миролюбов, И.А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории XIII*, 93–94.
- Миролюбов, И.А. 2017: Константин Великий в клетке со зверем. *Индоевропейское языковедение и классическая филология* 21, 571–579.
- Моммзен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб.
- Неронова, В.Д. 1989: Поздняя Римская империя (III–V вв.). В: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Кн. 3. *Упадок древних обществ*. М., 295–322.
- Сергеев, В.С. 1938: *Очерки по истории Древнего Рима*. Т. 2. М.
- Уильямс, С. 2014: Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб–М.
- Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwartz, S.R., Worp, K.A. 1987: *Consuls of the later Roman Empire*. Atlanta.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *JRS* 63, 29–46.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Grünewald, T. 1990: *Constantinus Maximus Augustus*. Stuttgart.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Kleiner, D.E.E. 1992: *Roman Sculpture*. New Heaven–London.
- Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the Will of Diocletian*. London–New York.
- Nixon, C.V.E., Rodgers, B.S. 1994: *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Loewenstein, K. 1973: *The Governance of Rome*. The Hague.

Varner, E.R. 2004: *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston.

REFERENCES

- Albrecht, M. von. 2005: *Istoriya rimskoy literatury [History of the Roman Literature]*. Vol. 3. Moscow.
- Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwartz, S.R., Worp, K.A. 1987: *Consuls of the later Roman Empire*. Atlanta.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Burckhardt, J. 2003: *Vek Konstantina Velikogo [The Age of Constantine the Great]*. Moscow.
- Christ, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov [The History of the Epoch of the Roman Emperors]*. Vol. 2. Rostov-on-Don.
- Gibbon, E. 2008: *Zakat i padenie Rimskoy imperii [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]*. Vol. I. Moscow.
- Grünewald, T. 1990: *Constantinus Maximus Augustus*. Stuttgart.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Kleiner, D.E.E. 1992: *Roman Sculpture*. New Heaven–London.
- Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the Will of Diocletian*. London–New York.
- Loewenstein, K. 1973: *The Governance of Rome*. The Hague.
- Mashkin, N.A. 2006: *Istoriya Drevnego Rima [The History of Ancient Rome]*. Moscow.
- Miroyubov, I.A. 2016: Ob obrazovanii imperatora Konstantina Velikogo [Education of Constantine the Great]. *Aristeas XIII*, 90–95.
- Miroyubov, I.A. 2017: Konstantin Velikiy v kletke so zverem [Constantine the Great in a cage with a wild beast]. *Indoevropskoe yazykoznanie i Klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 21, 571–579.
- Mommsen, T. 2002: *Istoriya rimskikh imperatorov [The History of Roman Emperors]*. Saint Petersburg.
- Neronova, V.D. 1989: Pozdnyaya Rimskaya imperiya (III–V vv.) [The Later Roman Empire (the Third to Fifth centuries AD)]. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Sentsitskaya *Istoriya drevnego mira [The History of Ancient World]*. Vol. 3. Moscow, 295–322.
- Nixon, C.V.E., Rodgers, B.S. 1994: *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki po istorii Drevnego Rima [Essays on the Ancient Rome]*. Vol. 2. Moscow.
- Varner, E.R. 2004: *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston.
- Williams, S. 2014: *Diocletian: restavrator Rimskoi imperii [Diocletian and the Roman Recovery]*. Saint Petersburg–Moscow.

DIOCLETIAN AND CONSTANTINE THE GREAT:
EMPERORS' INTERCOMMUNICATION

Ivan A. Miroljubov

Moscow State Integrated Museum-Reserve, Moscow, Russia
peter-herzog@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the personal relationship between the eminent emperors of the later Roman history, Diocletian and Constantine the Great. Both emperors are considered to be the founders of the Dominate, new socio-political system of the Roman Empire. Moreover, Constantine the Great is recognized by scholars as the successor of Diocletian's undertakings in the field of administration. The question of the personal relationship between the two rulers, however, hasn't attracted due attention. Meanwhile its resolution would help in the future to understand the nature of both reformers and Constantine's perception of himself as the successor of Diocletian. The two emperors had known each other since about 293 and had been in contact until Diocletian's death. It is noteworthy that during the period of communication they managed to change roles: Diocletian began as an emperor and died as a private person witnessing the collapse of his system. Constantine, on the contrary, achieved the imperial title. As a source base for the research, the author of the present article uses the extensive narrative tradition (within which the Constantine's statements are preserved), as well as epigraphic and numismatic data. Thus, the conclusions can be supported with the help of a comprehensive analysis of sources of different types.

Keywords: Constantine the Great, the Constantinian Dynasty, Diocletian, Tetrarchy, Imperial Ideology in the Roman Empire, the Epoch of Dominate, Later Roman Empire

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ В «ИСТОРИИ ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ» ПАВЛА ОРОЗИЯ

И.А. Миролубов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
peter-herzog@yandex.ru*

Аннотация. Павел Орозий адресовал свою универсальную историю в семи книгах язычникам; его основная задача состояла в демонстрации благотворного влияния христианства на мировой исторический процесс. Сочинение было написано спустя век после эпохи Константина, и христианский автор располагал к этому моменту весьма внушительной источниковой базой, которая дала ему возможность повествовать о времени и личности первого христианского императора достаточно информативно. Однако, в силу фиксации в нарративной традиции целого ряда откровенно неприглядных моментов из биографии Константина (темное происхождение, участие в кровавых междоусобных войнах за единоличную власть, убийство родственников, неясная позиция по поводу арианской ереси), задача историка усложнилась. Обращаясь к враждебно настроенной аудитории, Орозий был лишен возможности «исправлять» и приукрашивать общеизвестные факты, в связи с чем он провел кропотливую работу по расстановке нужных акцентов, в результате чего созданный им образ Константина отвечал требованиям как исторической объективности, так и идеализации.

Труд Орозия до сих пор не рассматривался крупными исследователями истории Константина как информативный источник, хотя анализ созданного Орозием образа первого христианского императора может помочь в понимании оценки эпохи и личности Константина в сознании римлян периода Поздней империи. На сегодняшний день произведение Орозия на предмет упомянутой проблемы было рассмотрено в статье отечественного ученого И.Ю. Ващевой, однако, задействованное наряду с другими произведениями христианских авторов данного периода, оно не привлекло исследовательского внимания на достаточно глубоком уровне.

Ключевые слова: древний Рим, Римская империя, Павел Орозий, Константин Великий, раннее христианство, император, идеология

Введение

«История против язычников» Павла Орозия – одно из наиболее значимых сочинений не только христианско-апологетической, но и в целом римской литературы. Оно родилось в связи с общей кризисной ситуацией на западе Римской империи в начале V в. Орозий взялся за написание своей работы по заданию Аврелия Августина, осознававшего необходимость создания масштабного исторического

Миролубов Иван Андреевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

произведения, где прошлое человечества рассматривалось бы с христианских позиций, – такое сочинение должно было стать ответом на нападки язычников, возлагавших вину за общее кризисное положение империи на христиан¹.

Композиционно выделенным моментом в сочинении Орозия является время правления Константина Великого. Учитывая то, что мировая история разделена Орозием на две эпохи – «дохристианскую» и «христианскую», можно заметить, что Константин является одной из ключевых фигур в историческом процессе: первый официально принявший христианство правитель Римского государства, покаравший императоров-гонителей, он отмечает своей эпохой линию водораздела между старой, где христианство притеснялось, и новой, христианской, империями². В этой связи небесполезно рассмотреть, как первый христианский историк такого масштаба рассматривал личность и правление Константина, жизнь которого имеет и свои черные страницы. Стоит сказать, что сочинение Орозия весьма слабо разработано специалистами по истории Константина. Так, Ч.М. Одал в своей фундаментальной монографии причисляет Орозия к скудным с точки зрения источниковой ценности эпитоматорам³; Б. Блекманн в очерке об источниках по истории Константина не посвятил Орозию ни слова⁴. Из отечественных работ, где Орозий рассматривается в связи с эпохой Константина, стоит отметить статью И.Ю. Ващевой. После конспективного рассмотрения текста самого Орозия автор приходит к выводу, что образ Константина в указанном произведении «закончен и непротиворечив», а «все сомнительные моменты биографии» тщательно обойдены⁵. На наш взгляд, повествование Орозия заслуживает большего внимания на предмет понимания его целей и задач, а также уяснения сделанных им акцентов и принципов компоновки материала.

Приступая к изложению истории правления Константина, Орозий сообщает, что он был сыном императора Констанция Хлора и его конкубины Елены (Hist. VII.25.16). Происхождение Константина составляет серьезную проблему для исследователя. Еще Гиббон, отмечая сложность исследовательской задачи по определению статуса матери Константина, стремился защищать «законность» ее брака⁶. Решение этого вопроса, однако, не входит в круг наших задач; заметим лишь, что Лактанций и Евсевий, т.е. наиболее ранние авторы, сообщающие о Константине и его современники, стараются обходить тему брака Констанция и Елены, представляя Константина в первую очередь сыном своего отца. Если у Лактанция Елена не упомянута вовсе, то Евсевий вводит ее в повествование уже о более позднем этапе жизни Константина. Максимальный акцент эти авторы делают на факте передачи власти из рук отца в руки сына, в дополнительной степени легализуя положение Константина и его претензии на власть⁷.

Сомнения в существовании законного брака между Констанцием и Еленой имели место⁸, и в этом смысле весьма примечательно, что христианский автор

¹ Zecchini 2003, 320; Тюленев 2004, 11–12.

² Тюленев 2004, 69.

³ Odahl 2010, 7.

⁴ Bleckmann 2006, 14–31.

⁵ Ващева 2013, 48.

⁶ Гиббон 2008, 588.

⁷ Буркхардт 2003, 257.

⁸ Leadbetter 2002, 78–79.

Иероним в своей «Хронике» называет Елену «конкубиной» Констанция (Chron. s.a. 306), тем самым резко понижая статус Константина. Орозий, использовавший сочинение Иеронима в качестве одного из источников информации⁹, решил проблему законности брака родителей Константина в оригинальном ключе. Вслед за Иеронимом признав Константина сыном конкубины, он уже в следующем предложении патетично замечает, что «Константин принял от отца кормило власти (gubernacula imperii), которое с величайшим счастьем удерживал тридцать один год» (Hist. VII. 26.1). Не решаясь вставать на зыбкую почву спора относительно законности брака, Орозий сразу акцентирует внимание читателя на факте признания Констанцием Константина в качестве сына и наследника. Чтобы окончательно расположить читателя в пользу своего героя, он подчеркивает, что Константин оправдал решение отца долгим и счастливым правлением. Однако прежде чем перейти к истории Константина, Орозий делает достаточно пространное отступление, в котором суммирует все основные вехи из истории христианской церкви в эпоху гонений. Таким образом, читатель, благоприятно расположенный к Константину, подготовлен автором к описанию эпохи мира, который должен был быть водворен указанным императором в пределах круга земного.

Большую часть своего правления (306–324 гг.) Константин провел, занятый войной против своих соперников и соправителей¹⁰. Мира не было ни в делах гражданских, ни в делах церковных, так как целый ряд противников Константина был настроен по отношению к христианам весьма недоброжелательно. Осознавая, что восемнадцать лет гражданских войн и непрочных перемирий достаточно сложно ассоциировать с миром, Орозий старается должным образом расставить акценты. Так, к примеру, он не только не отрицает, но даже рассказывает нам о пост-тетрархальных гражданских войнах, однако свой рассказ предваряет следующим сообщением: «Константин в Галлиях весьма действенно управлял государством...» (Constantino in Galliis strenuissime rempublicam procurante... – VII. 28.5). Вся парадоксальность этой фразы заключается в том, что Константин, контролировавший на тот момент только «Галлии» (Галлию и Британию), у Орозия одновременно с этим «управляет государством». Историк усиливает эффект за счет того, что известие о Константине в виде абсолютного аблатива включено в предложение о провозглашении императором Максенция, между тем как именно это провозглашение пятого на тот момент¹¹ императора и стало формальной причиной краха тетрархии как системы. Таким образом, «деятельное правление государством» Константина противопоставляется Орозием общеполитическому хаосу. При этом автора нельзя упрекнуть в подтасовке фактов в пользу Константина, так как тот в первый период своего правления (306–312 гг.), балансируя между борющимися группировками, оставался в стороне от прямого участия в боевых действиях на чьей-либо стороне и предпочитал роль наблюдателя¹².

⁹ Тюленев 2005, 149.

¹⁰ Сергеев 1938, 668.

¹¹ Четыре императора составляли на тот момент тетрархальную коллегию: августи Галерий и Флавий Север и цезари Константин и Максимиан Даза. О хронологии тетрархии см.: Kienast 2004, 264–265.

¹² Моммзен 2002, 492.

На своем пути к единоличной власти Константин смог истребить в прямом смысле целый ряд реальных соперников и претендентов на титул императора. Автором христианской трактовки этого достаточно кровавого пути Константина к единоличной власти стал его современник, ритор Лактанций, сформулировавший свою концепцию в сочинении с говорящим названием «О смерти гонителей». Схема была проста: «хорошему» Константину противопоставлялись все прочие императоры и узурпаторы, основным прегрешением которых являлось учреждение или разжигание гонений¹³. Орозий принимает эту концепцию¹⁴, однако его изложение указанных событий не наполнено свойственным Лактанцию полемическим пылом. Рассказывая о череде гражданских войн, Орозий осознает, что хронологическую последовательность событий и имен правителей этого смутного периода вряд ли удастся представить в точном виде. К действиям Константина он обращается лишь тогда, когда это необходимо, т.е. когда сам Константин выступает прямым участником событий.

Первое такое событие – это конфликт между Константином и императором Максимианом Геркулием, отцом самопровозглашенного в Риме Максенция, некогда коллеги Диоклетиана. Узнав о мятеже своего сына, он, уже будучи пожилым человеком, решил вернуться к власти, однако отношения с сыном складывались непросто. Пытаясь найти твердую почву, он в 307 году выдал замуж за Константина свою дочь Фаусту¹⁵, однако рассорился и с зятем, против которого стал злоумышлять. Лактанций предлагает красочную историю того, как пожилой интриган пытался заручиться помощью дочери, которая неожиданно приняла сторону мужа, в результате чего коварные планы Максимиана были раскрыты, а сам он был вынужден совершить самоубийство (*De mort. pers.* 30). Отличная от официальной, где Максимиан, запертый в Массилии, отказался от очередного помилования и совершил самоубийство¹⁶, версия Лактанция, хотя и без художественных подробностей, была принята последующими авторами, в частности Евтропием и Иеронимом, на труды которых Орозий опирался; таким образом, его повествование не содержит каких-либо новых подробностей. Стоит, однако, обратить внимание на акценты и компоновку материала. Орозий до событий 310 года не сообщает о свадьбе Константина и Фаусты, но появление супруги императора в указанном месте диктовалось не только источниками, на которые Орозий опирался, но и необходимостью усилить негативность образа Максимиана. Сообщая о его «возвращении» к власти, Орозий не без иронии отмечает, что он, и без того уже гонитель, вдобавок превратился «из августа в тирана (т.е. узурпатора)» (*Oros. Hist.* VII. 28.9). Картину «падения» Максимиана как личности Орозий завершает предательством его собственной дочери (*per filiam deprehensus et proditus* – *Hist.* VII. 28.10). Эта семейная драма заставляет Орозия несколько иначе посмотреть на семейную политику Константина. В 324 г. Константин казнил сдавшегося ему Лициния, который был его соправителем, но также зятем и отцом племянника. И Евтропий (*Врев.* X. 6.1), и Иероним (*Chron. s.a.* 323) отмечают, что Константин со-

¹³ Бокщанин 1982, 140.

¹⁴ Тюленев 2005, 209.

¹⁵ О датировке свадьбы: Barnes 1973, 41 (ft. 143).

¹⁶ Jones 1965, 64.

вершил эту казнь вопреки своей же клятве, которую дал сестре¹⁷. Орозий же оценивает поступок Константина прагматичнее своих информаторов: «но, наученный примером тестя своего, Геркулия Максимиана, чтобы он [Лициний – И.М.] на погибель государству не облачился бы [снова] в пурпур, его, ставшего частным лицом, [Константин] приказал убить» (Hist. VII. 28.20).

На фоне этих кампаний Константина совершенно меркнет у Орозия война против Максенция. Примечательны два обстоятельства: во-первых, Орозий, не возлагая вину за начало боевых действий ни на кого из участников, пишет, что война «вспыхнула» между императорами (*bellum civile exortum est* – Hist. VII. 28.16); во-вторых, ни единого слова наш христианский автор не посвящает знаменитому «видению Константина», описанному с разными подробностями у Лактанция и Евсевия. Это видение традиционно считается точкой начала «обращения» Константина, и тем удивительнее, что Орозий совершенно упускает из виду этот эпизод. Возможно, что это решение Орозия было связано с его нежеланием спорить со своими оппонентами-язычниками о природе чудесного.

Серьезной проблемой для историка Орозия стало изложение церковной политики Константина. На период «счастливейшего правления» первого христианского императора, кроме свирепства гонителей, выпадает еще и активная деятельность ересиарха Ария, сильно потрясшая церковный мир. Более того, сам Константин, собравший в 325 г. осудивший Ария Вселенский собор, далеко не всегда четко обозначал свою приверженность ортодоксальному направлению: подтверждением тому может служить возвращение Ария из ссылки в 330 г. и в свою очередь ссылка активного борца с Арием – св. Афанасия Александрийского. Достаточно проблематично с этической точки зрения и совершенное арианским епископом крещение Константина, по поводу которого Иероним пишет, что император был «обращен в арианство» (Chron. s.a. 337).

Сознавая все эти сложности, Орозий не стремится приукрасить деятельность Константина. Выход из сложившегося положения он находит, благодаря чисто композиционному приему: изложение учения Ария, а также его деятельность он освещает в рассказе о его сыне, Констанции II, который придерживался арианства¹⁸. Тем самым Орозий смог достичь двух целей: обелить Константина, а также списать все неудачи Римской империи на гнев Бога, вызванный ересью Констанция II. Ради хронологической точности автор еще сообщает о Никейском соборе и осуждении (Hist. VII. 28. 23–25). И.Ю. Ващева отмечает то обстоятельство, что Орозий не указывает собор в числе личных заслуг императора¹⁹, однако это не кажется нам удивительным: адресуя свою книгу «против язычников», автор должен был продумывать все композиционные моменты, чтобы не быть пойманным своими оппонентами. Упоминание об осуждении Ария Константином было бы явно не на руку Орозию, так как его оппоненты поставили бы ему на вид дальнейшую историю взаимоотношений императора и ариан. Во избежание этого Орозий решил вовсе исключить Константина из «истории Ария» как действующее лицо.

Из деяний Константина в сфере поддержки христианской церкви Орозий выделяет Миланский эдикт о веротерпимости, – император «даровал мир церквам»

¹⁷ Грант 1998, 269.

¹⁸ Тюленев 2005, 210.

¹⁹ Ващева 2013, 48.

(*pacem ecclesiis ... indulgit* – Hist. VII. 28.15), а также закрытие языческих храмов, которое, что немаловажно, прошло без гонений и убийств (Hist. VII. 28.28). Эта подробность эффектно выделяет «первого христианского императора» (т.е. «гонителя гонителей») на фоне преследователей христиан предыдущих лет. Обращает на себя внимание историка и основанный Константином Константинополь, «город его имени», который «единственный (из всех городов) был лишен идолов», благодаря чему, в противовес Риму с его кровавой историей, он быстро вознесся (Hist. VII. 28.27). Сообщая о Константинополе, Орозий идет в русле Евсевия, который первым объявил его свободным от язычества в своей «Жизни Константина» (*Vita Const.* III. 48). То, что в городе были языческие храмы и изображения богов, мы знаем благодаря Зосиму (Hist. Nov. II. 31.1-3); многочисленные памятники, конечно же и культового назначения, свозились в Константинополь, и это не могло быть известно в христианской среде, так как даже Иероним отмечает, что новый город «был освещен обнищанием почти всех городов» (*Chron.* s.a. 330). Таким образом, Евсевий сознательно приукрашивал ситуацию. Чем же объясняется молчание Орозия? Можно было бы полагать, что ко времени написания его «Истории...» город был уже христианизирован, однако это кажется весьма сомнительным, так как от Иоанна Малалы нам известно, что и в середине VI в. в Константинополе существовал культ статуи Константина, почитавшийся вместе с богиней Тихе (Malal. XIII, p. 322 Dindorf). Сознательное молчание с целью создать выгодный образ христианского императора, при всем внешнем удобстве этой версии, на самом деле весьма опасно для Орозия: он рискует быть пойманным на слове своими оппонентами-язычниками. На наш взгляд, причина кроется в том, что Орозий мог не быть в Константинополе: ни одно из известных нам его путешествий не затрагивает восточной столицы империи²⁰. Эта неосведомленность, а также нежелание точнее изучить «обнищание городов», упомянутое у Иеронима, и кажется нам наиболее приемлемым объяснением.

Наиболее проблемным эпизодом в биографии Константина было и остается убийство сына и жены. Вопрос до сих пор не решен в историографии и нередко служит поводом для критики морального облика Константина. Орозий, однако, в отличие от новейших исследователей, предпочел сообщить своему читателю истину, как будто никак ее не оценивая. Он пишет: «в свете этих деяний (*inter haec*) неясны причины того, что император Константин карающий меч и предназначенное нечестивцам возмездие обратил против родственников» (Hist. VII. 28.26). В числе убитых он называет сына Константина Криспа, рожденного до брака с Фаустой, а также сына Лициния – Лициниана, которого Орозий называет «сыном сестры», не упоминая отца Лициния, убийство которого он выше признал целесообразным. О жестоком убийстве жены, которая погибла годом позже, Орозий предпочитает промолчать и сразу же переходит к описанию подвигов Константина на военном поприще, вводя следующее предложение довольно нелепым *praeterea* («кроме того, сверх того»). Впечатление о растерянности Орозия, на наш взгляд, весьма обманчиво: здесь мы не можем не согласиться с И.Ю. Ващевой, что само по себе упоминание «наказания для нечестивцев» обнаруживает скрытые оценки²¹. На наш взгляд, здесь есть еще один очень важный акцент: Константин

²⁰ Тюленев 2004, 8–11.

²¹ Ващева 2013, 48.

сам представлен держащим «карающий меч», то самое орудие, которым император некогда усмирил гонителей. Таким образом, Константин, «первый христианский император», является орудием Бога, и, как следствие, его действия несут на себе особую печать, и их правильность совершенно не должна определяться людским пониманием. В этом ключе, как кажется, и следует понимать слова Орозия «*causae latent*» – «причины скрыты». Тот факт, что среди жертв не упомянута Фауста, мы не склонны объяснять умолчанием²², ведь в таком случае непонятно, почему автор не счел нужным умолчать про убийство сына. Вполне возможно, что здесь сказалась компиляторская безалаберность.

Заключение

Подводя итог нашему обзору, мы должны отметить, что рассказ Орозия о деятельности Константина, основанный на небольшом количестве источников, нам, к тому же, известных, не может быть информативным с точки зрения содержания в нем каких-то принципиально новых деталей. В этом мы вынуждены согласиться с вышеприведенными оценками современных исследователей. Однако сама по себе манера изложения и принципы компоновки материала весьма примечательны. С одной стороны, заинтересованный в том, чтобы создать положительный образ первого христианского императора, с другой, ограниченный краткостью изложения, которая предусмотрена самим жанром его сочинения, Орозий играет акцентами. Мы не можем согласиться с тем, что автор обходит «все сомнительные факты»²³ – мало того, что Константин у Орозия рожден вне законного брака, он к тому же убивает тестя, зятя и сына. Однако грамотная расстановка акцентов и игра полутонами позволяет Орозию показать Константина в наилучшем свете. Так, например, обработав сюжет с убийством тестя Максимиана, за которое Константин, кстати, в античной историографии не осуждали никогда, наш автор смог оправдать убийство Лициния, которое рядом авторов связывается с клятвопреступлением. Примечательно в этом смысле убийство сына, освещенное и у информаторов Орозия. Евтропий связывает преследования родных с тем, что Константин «изменился» после всех своих успехов (Врев. X. 6.3), а Иероним отмечает жестокость этого убийства (Chron. s.a. 326); у Орозия же, при внешней отстраненности от каких-либо суждений, Константин все равно представлен правым, а его жертвы – виноватыми. Таланта Орозия не хватило только на «арианскую линию», которую он вынужден был попросту вынести за рамки жизни Константина. Однако и этот ход, как мы отметили выше, был использован Орозием весьма удачно.

В итоге мы должны признать, что образ Константина у Орозия получился не только положительным, выдержанным во вполне христианском духе, но и одновременно живым, почти не приукрашенным. На фоне прочих христианских авторов, одни из которых, как Евсевий, тяготели к панегирику, другие, как Иероним, были весьма критичны, рассказ Орозия представляется наиболее сбалансированным и продуманным.

²² Ващева 2013, 49.

²³ Ващева 2013, 48.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокщанин, А.Г. 1982: *Источниковедение Древнего Рима*. М.
- Буркхардт, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
- Ващева, И.Ю. 2013: Константин Великий: вариации образов в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского* 4 (3), 46–58.
- Гиббон, Э. 2008: *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
- Грант, М. 1998: *Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э.* М.
- Сергеев, В.С. 1938: *Очерки истории Римской империи*. Т. II. М.
- Тюленев, В.М. 2004: Павел Орозий и его «История против язычников». В кн.: *Павел Орозий. История против язычников*. СПб.
- Тюленев, В.М. 2005: *Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского*. СПб.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Noel Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge, 14–31.
- Jones, A.H.M. 1965: *Constantine and the Conversion of Europe*. London.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Leadbetter, B. 2002: The illegitimacy of Constantine and the birth of the tetrarchy. In: Samuel N.C. Lieu and Dominic Montserrat (eds.), *Constantine. History, Historiography and Legend*. London–New York, 74–85.
- Odahl, Ch. M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Zecchini, G. 2003: Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 31–345.

REFERENCES

- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Noel Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge, 14–31.
- Bokshchanin, A.G. 1982: *Istochnikovedenie Drevnego Rima*. Moscow.
- Burckhardt, J. 2003: *The Age of Constantine the Great*. Moscow.
- Gibbon, E. 2008: *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. I. Moscow.
- Grant, M. 1998: *The Roman Emperors: a Biographical Guide to the Rulers of Rome 31 BC–476 AD*. Moscow.
- Jones, A.H.M. 1965: *Constantine and the Conversion of Europe*. London.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Leadbetter, B. 2002: The illegitimacy of Constantine and the birth of the tetrarchy. In: Samuel N.C. Lieu and Dominic Montserrat (eds.), *Constantine. History, Historiography and Legend*. London–New York, 74–85.
- Odahl, Ch. M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki istorii Rimskoy imperii*. Vol. II. Moscow.
- Tyulenev, V.M. 2004: Pavel Oroziy i ego “Istoriya protiv yazychnikov”. In: *Paulus Orosius. Historiae adversum paganos*. Saint-Petersburg.

- Tyulenev, V.M. 2005: *Birth of the Latin Christian Historiography: With a translation of the "Church History" by Rufinus of Aquileia*. Saint-Petersburg.
- Vashcheva, I.Yu. 2013: Constantine the Great: Variations of the Character in the Christian Histories of Late Antiquity. *Vestnik of Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* 4 (3), 46–58.
- Zecchini, G. 2003: Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 31–345.

CONSTANTINE THE GREAT IN THE "HISTORIA ADVERSUM PAGANOS"
BY PAULUS OROSIUS

Ivan A. Mirolubov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
peter-herzog@yandex.ru*

Abstract. Paulus Orosius addressed his universal research "Historiae Adversum Paganos" in seven volumes to heathens. His main objective lays in demonstrating healthy influence of Christianity on the world historical process. The work was written a century after the age of Constantine the Great, so by that time, the Christian author had at his disposal an impressive collection of sources, which enabled him to create a relatively informative narration devoted to the personality and time of the first Christian Emperor. However, due to the fact that Constantine's biography included a number of obviously unflattering moments (obscure origin, participation in internal wars for individual rule, which often turned in massacre, murder of relatives, unclear attitude towards Arian heresy) the task set by historian proved to be much more complicated. Addressing hostile audience, Orosius was deprived of the opportunity to distort and stretch the facts of common knowledge. Therefore, he made efforts to performing meticulous work on getting priorities straight, and the image of Constantine the Great crafted by him met the requirements of both historical objectiveness and idealization task.

The paper by Orosius has not yet been considered by major scholars as an informative source so far. Meanwhile, analyzing the image of the first Christian Emperor crafted by Orosius may help to understand how Romans perceived the Age of Late Empire and viewed personality of Constantine the Great. By today, the work by Orosius has been analyzed in relation to the aforementioned issue only in the article by Russian historian I. Yu. Vashcheva, yet the researchers have not paid due attention to it, considering this paper along with other works by Christian authors of the mentioned period.

Key words: Roman Empire, Paulus Orosius, Constantine the Great, Early Christianity, emperor, ideology

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ–XXI**

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY–XXI**

Proceedings of the 21st Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

26–28 июня 2017 г. – June 26–28, 2017

Санкт-Петербург
Наука
2017

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XXI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017. – 1044 с.

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY-XXI (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2017 / edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 2017. – 1044 p.

ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
д. филол. н. Н. А. Бондарко, д. истор. н. Н. В. Брагинская,
д. филол. н. Н. П. Гринцер, д. филол. н. А. В. Groševa,
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов,
д. филол. н. А. И. Солопов, к. филол. н. А. В. Шацков

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 17-04-14025Г (рук. Н. Н. Казанский)

ISSN 2306-9015
ISBN

© Коллектив авторов, 2017
© ИЛИ РАН, 2017
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2017

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ В КЛЕТКЕ СО ЗВЕРЕМ

В статье рассматривается анекдот из времен молодости императора Константина Великого: живя при дворе императора Галерия, он будто бы был заперт в клетке с диким зверем (львом), которого одолел. Передаваемая двумя независимыми друг от друга авторами, эта история, кажется, несет на себе следы литературного преувеличения, но и имеет некую реальную основу. Кроме поиска таковой, автор сосредотачивает внимание на скрытых в самом анекдоте аллюзиях на мифологические, эпические, исторические и религиозные сюжеты.

Ключевые слова: Константин Великий, Галерий, Лактанций, Праксагор, нарративная традиция.

С 293 года, когда Констанций Хлор становится младшим соправителем (цезарем) в системе тетрархии, его сын Константин оказывается при восточном дворе императора Диоклетиана. Несмотря на то, что Константин был заложником, гарантом верности своего отца (Крист 1997: 410), положение его было высоким. Евсевий отмечает, что во время следования Диоклетиана через Палестину Константин, находившийся в свите императора, был по правую руку от него (*Vita Const.* I.19), а Лактанций, вкладывая в уста Диоклетиану положительную характеристику Константина, передает, что глава тетрархии утвердил молодого человека в чине «трибуна первого порядка» (*De mort. pers.* 18.10). Отношения же с наследником Диоклетиана, Галерием, у Константина не складывались. Неприятие достигло такой степени, что Галерий даже пытался погубить молодого человека. В череде испытаний, которым подвергался Константин, особенно выделяется борьба со свирепым зверем. Сюжет этой истории таков: якобы император Галерий, желавший погубить юношу, толкнул его в клетку со зверями. Примечательно, что известие это сохранено двумя авторами: Лактанцием (в трактате *De mortibus persecutorum*) и Праксагором (в его истории правления Константина Великого). Первый автор, христианин Лактанций – преподаватель латинского языка при императорском дворе в Никомедии, наставник сына Константина, Криспа, а, возможно, и самого Константина (Миролубов

2016: 91). Время написания сочинения – весна 314 года или, самое позднее, последующая зима 314/315 года (Barnes 1973: 39). Вот как этот автор описывает упомянутый эпизод:

Nam et [in] insidiis saepe iuvenem adpetiverat, quia palam nihil audebat, ne contra se arma civilia et, quod maxime verebatur, odia militum concitaret, <et> sub obtentu exercitii ac lusus feris illum obiecerat, sed frustra, quoniam dei manus hominem protegebat¹ (De mort. pers. 24.4–5).

Второй автор, язычник Праксагор, создал сочинение (т.н. *De gestis Constantini Magni historiarum libri duo*), сохранившееся в пересказе Фотия. Если его пересказ полон, то исходник охватывал период 305–330 гг. Время написания его труда неизвестно, однако Ф. Винкельманн полагает, что об основании Константинополя Праксагор упоминает «как современник» (Winkelmann 2003: 14), а Р. Ван Дам относит появление его труда к концу правления Константина (Van Dam 2008: 161). Его сообщение конкретизирует «зверя» – Константин оказывается в клетке со львом:

Παρῶν δὲ, φησί, Μαξιμίνοσ, ὁ τῆσ κάτω Ἀσίας βασιλεύων, εἰσ ἐπιβουλὰσ ὄρμησε τοῦ νέου • καὶ πρὸσ μάχην λέοντι ἀγρίῳ καθίστησι τὸν νεανίαν. Ὁ δὲ τὸ μὲν θηρίον κρατήσασ ἀνεῖλε, τῆσ δὲ ἐπιβουλῆσ αἰσθόμενοσ φεύγει πρὸσ τὸν πατέρα... (Prax. Athen. frag.)².

Одним словом, перед нами два автора-современника, которые принадлежат к разным направлениям нарративной традиции: и по языку (а значит, и по источникам и культурному кругозору), и по религиозным воззрениям. Эти различия могут свидетельствовать в пользу независимости наших авторов друг

¹ Текст приводим по недавнему немецкому изданию трактата Лактанция (Laktanz 2003: 156). Наш перевод: «И часто [Галерий] устраивал для юноши (*т.е. Константина – И. М.*) ловушки, однако в открытую не дерзал ничего [совершать]; чтобы гражданской войны и, чего он больше всего опасался, ненависть солдат не возбудить, он, под предлогом упражнений или забавы ради его к зверям бросил, но напрасно, ибо рука Бога [этого] человека (*т.е. Константина – И. М.*) защищала».

² Текст приводим по изданию К. Мюллера (FHG 1885: 2). Наш перевод: «И вот, говорят, Максимин, который правил в Азии, задумал коварство против юноши (*т.е. Константина – И. М.*), и понуждает юношу к сражению с диким львом. [Константин] же, зверя одолев, побеждает; раскрыв козни, он бежит к отцу...». Автор не отличает имен «Максимин» и «Максимиан», полное имя Галерия – Гай Галерий Валерий Максимиан (Kienast 2004: 283).

от друга и указывать на единый источник, к которому их сообщения восходят. Примечательно, что оба – грек-язычник и римлянин-христианин, – этому сообщению верят и считают нужным включить его в текст своих произведений.

Реально ли противостояние Константина со зверем? Ответить на этот вопрос однозначно – сложно³. Вначале обратим внимание, что если у Лактанция «звери» абстрактны, то у Праксагора появляется вполне конкретный «дикий /свирепый лев». Противоборство героя со свирепым чудищем (зверем) – распространенный эпический сюжет. Борьба с немейским львом стала первым испытанием Геракла, а библейский герой Самсон голыми руками одолел молодого льва (Книга Судей Израилевых 14:5–6). Отметим то обстоятельство, что такая «гибкость» сюжета позволяла ему быть использованным и для нужд христианского автора (Лактанций), и язычника (Праксагор). Примечательно, что Константин был не единственным персонажем классической истории, который сражался со львом: до этого подобная участь постигла Лисимаха⁴. Таким образом, сюжет противоборства со зверем (львом) является нагруженным мифологической и исторической традицией, что и вызывает серьезные сомнения в достоверности исторической основы анекдота.

Но есть в нашем распоряжении и доводы в пользу достоверности сюжета. Скверные отношения между Галерием и Константином не вызывают никаких сомнений, так как подтверждены не просто общими словами наших информаторов (Лактанция и Праксагора), но и вполне конкретными примерами. Аноним Валезия сообщает, что как-то раз, во время войны с сарматами, молодой Константин привел к ногам Галерия плененного варвара, которого тащил за волосы. После этого Галерий отправил его одного в разведку: Константин продвигался на коне через болото, проложил дорогу к сарматам, поспособствовав

³ Еще Я. Буркхардт относился к этой истории с известной долей юмора, выделяя такого рода «гимнастику» со зверями в особый род испытаний, которые «герой» Константин должен был пройти по воле «злодея» Галерия (Буркхард 2003: 255).

⁴ О том, как Александр запер Лисимаха в помещении со львом, рассказывают Плутарх (*Demetr.* 27), Павсаний (*Descript.* I.9.4) и Помпей Трог (у Юстина: *Iust. Epit. hist. Phillip.* XV.3.7–8). Примечательно, что у Плутарха эту историю рассказывает сам Лисимах, в доказательство приводя следы от когтей.

тем самым победе Галерия (Origo Const. Imp. 2.2–3). Эти две истории из времен военной службы Константина особенно интересны. Во-первых, эпизод с тащимым за волосы варваром встречается, применительно к Константину, не только в нарративной традиции, но и на монетах, где сам Константин и его сыновья прославляются в качестве покорителей (*debellator*) варварских народов (Абрамзон 1994: 150). Во-вторых, они объясняют наиболее вероятную причину неприятия между Константином и Галерием: зависть. Низкое происхождение Галерия стало причиной его прозвища *armentarius*, т. е. «пастух» (Leadbetter 2009: 40)⁵, Константин же, напротив, был сыном своего августейшего отца, крупного администратора уже времен династии Кара⁶. В 297 году Галерий потерпел поражение от персов (Kienast 2004: 283), в результате чего разгневанный Диоклетиан вынудил его бежать (или идти) в полном императорском облачении за своей колесницей⁷ (Eutrop. Brev. IX.24 = Oros. Hist. adv. pag. VII.25.9; Amm. Marc. Res Gest. XIV.11.10). Константин, между тем, делал хорошую карьеру и был у Диоклетиана на хорошем счету. Вероятно, Галерий испытывал зависть к молодому Константину. Зависть эта подогревалась опасениями, связанными с грядущим (с уходом Диоклетиана) вопросом престолонаследия (Крист 1997: 410–411; Уильямс 2014: 265–268). Все это подогревало раздражение Галерия, а Константин, по-видимому, также платил ему неприятием: показательно, что после смерти Галерий не был удостоен обожествления именно на территории Константина (Kienast 2004: 284).

Таким образом, неприятие было, и потому есть основания думать, что Галерий как-то пытался устранить Константина. Однако участвовали ли в этом животные, в частности лев? До

⁵ Псевдо-Аврелий Виктор: «... происходил от родителей-поселян, [сам был] пастух скота, откуда и прозвище его – *armentarius*» (Epitome de caes. 40.15).

⁶ Начало карьерных успехов Констанция, которые завершились провозглашением императором-цезарем в 293 году, следует датировать еще в 270-ыми гг. (Kienast 2004: 280). В этом смысле показательна мысль о необходимости учитывать самосознание Константина в качестве «кронпринца» при сравнении его с его современниками (Моммзен 2002: 500; Крист 1997: 410–411).

⁷ Интересна мысль, что эта акция имела целью продемонстрировать готовность физически крепкого Галерия взять реванш (Corcoran 2008: 233).

наших дней сохранилась т.н. вилла Ромулиана, резиденция Галерия, основанная по месту его рождения и названная в честь матери. В декоре резиденции присутствует охотничья сцена (Leadbetter 2009: 237–238). При дворе Галерия имел место и зверинец: Лактанций, один из наших основных информаторов, сообщает, что при императоре жили медведи, имевшие свои клички. На потеху Галерию, который «радостно (довольно) смеялся» (*suavissime ribedat*), эти медведи пожирали людей (*De mort. pers.* 21.5). Стоит отметить, что Лактанций – небеспристрастный свидетель; его задача состоит в очернении императоров в сравнении с Константином (Никольский 2011: 12–15). Однако для своего памфлета он должен пользоваться какими-то реальными примерами, которые затем гиперболизировались. Потешное сражение человека со зверем могло входить в круг развлечений императора, человека грубого и простого. Кровавый антураж, который мог иметь место, все же вряд ли был обязательным атрибутом этих боев, иначе мы имели бы больше свидетельств о такой невиданной жестокости, а сам Галерий вряд ли бы заслужил какие-либо положительные характеристики у позднейших авторов. Показательно и оправдание, которым было сопровождено столкновение Константина со зверем: Лактанций отмечает, что это было сделано то ли ради тренировки, то ли ради забавы (игры – *lusus*). Такое оправдание, как кажется, должно было происходить от самого Галерия, который поспешил оправдаться перед пережившим немалую опасность Константином. Важно понимать, что Галерий, при всей своей нелюбви к Константину, не мог предать его на растерзание зверям: статус Константина, почетного заложника и сына действующего императора (Констанция), не позволял организовать его устранение в столь открытой (и унижительной) форме – и Лактанций сам говорит об этом в процитированном выше отрывке. Скорее всего, Галерий попытался еще раз выместить на Константине свою неприязнь, а когда Константин избежал опасности – поспешил оправдаться, преподнеся все это как шутку или даже заранее продуманное с точки зрения безопасности действие (тренировка). Кем же был зверь, с которым столкнулся Константин? Лактанций упоминает из всего зверинца Галерия только медведей, а про интересующий нас поединок вообще не дает никакой информации: против Константина выпускают «зверей» (*ferae*). Может быть, этот обобщенный

образ «зверья» использован Лактанцием и в качестве аллюзии на императоров, окружающих Константина: их самих автор нередко уподобляет животным. Праксагор вводит в эту историю льва – постараемся понять, почему.

Константин не забыл историю со зверьми: и дело тут не столько в затаенной обиде, сколько в той пользе, которую этот эпизод мог иметь для него. Отец Константина, Констанций, был приемным сыном императора Максимиана Геркулия; следовательно, сам Константин был его «внуком». Брак с дочерью Геркулия, Фаустой, в 307 году укрепил эту родственную связь: Константин стал «геркулианцем», членом императорского дома, покровителем которого был Геркулес. Этот герой на некоторое время занимает свое (но не очень заметное) место в пропагандистском арсенале молодого императора. Отсылки к мифологическому персонажу мы встречаем в панегирике 307 года (Pan. Lat. VI.8.1). Драка с какими-то зверями на потешном дворе Галерия нуждалась в обработке, чтобы не проводить параллелей между Константином и теми, кого бросали зверям во время массовых зрелищ. Эта аллюзия тем более не должна была возникать после того, как сам Константин на рубеже 306/307 года (Kienast 2004: 298) бросил на растерзание зверям плененных им германских вождей (Eutrop. Brev. X.3.1). Потому, вероятно, ей решено было придать героический оттенок: Константин уподобляется герою, столкнувшемуся с кознями злодея; его жизни угрожает грозный лев, однако герой одерживает победу и побеждает козни. Лев был удобен и по причине христианских аллюзий. Утвердив христианство в качестве признанной и легальной религии, Константин озаботился тем, чтобы христиане, до того существовавшие на положении гонимых сектантов, чувствовали себя комфортно в условиях империи. Следовательно, традиционные императорские идеологемы должны были трансформироваться и с учетом их пожеланий. Император, который борется со львом, – чрезвычайно удачный в этом смысле образ. Кроме отсылки к образу Самсона, о которой мы говорили выше, лев еще был связан с образом пророка Даниила, который коварными интригами придворных персов был помещен в ров со львами и чудесным образом спасен (об этом: Книга пророка Даниила, 6:7–24). Уже слова Лактанция о том, что Константина «защищала длань Бога» (De

mort. pers. 24.5), можно расценить как аллюзию на соответствующий эпизод.

История борьбы со зверем, сохраненная в двух традициях, оказала некоторое влияние на позднейшую традицию. В IX веке Праксагора читал Фотий, который посчитал нужным выделить историю со зверем в кратком пересказе. Занятно, что когда Фотий второй раз указывает Галерия (= «Максимиана, который правил в Азии»), то считает нужным подчеркнуть, что этот тот самый человек, который устроил схватку Константина со львом (Prah. Athen. frag.). История эта появляется также в византийском жизнеописании Константина (т.н. *Halkin Vita*⁸) и у Иоанна Зонары (Epit. hist. XII.33).

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать, что анекдот о борьбе Константина со зверем вполне мог иметь под собой реальную основу. Степень достоверности этого события в том виде, в каком его описывают Лактанций и Праксагор, находится под вопросом, однако не видим ничего невероятного в том, чтобы Галерий, человек грубый и, кроме того, не очень расположенный к Константину, правда подстроил нечто вроде столкновения со зверем. Вполне возможно, что Константин даже вышел победителем из этого состязания, если оно не было остановлено до развязки под предлогом шутки или тренировки. Важно, однако, то, что этот эпизод был использован Константином в самых разнообразных целях: это и демонстрация силы, и уподобление Геркулесу, и аллюзия на библейских персонажей. Таким образом, борьба Константина со зверем (львом), описанная Лактанцием и Праксагором, не может восприниматься просто как занятный анекдот, но является идеологемой, чрезвычайно важной для понимания образа императора в таком виде, в каком Константин создавал его для населения империи.

Литература

Abramzon, M. G. 1994: *Rimskaya armiya i ee lider po dannym numizmatiki* [*Roman Army and its leader according to numismatics*]. Chelyabinsk: Chelyabinsk University.

⁸ Византийское жизнеописание Константина XII–XIII вв., названное по имени издателя (F. Halkin). Согласно рассказу этого позднего автора, Константин сразился и с медведем (!), и со львом, и с тридцатью вооруженными людьми (Lieu 1998: 160).

- Абрамзон М. Г. 1994: *Римская армия и ее лидер по данным нумизматики*. Челябинск: Челябинский гос. университет.
- Barnes, T. D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Burckhardt, Ya. *Vek Konstantina Velikogo [The Age of Constantine the Great]*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. Буркхард, Я. *Век Константина Великого*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
- Corcoran, S. 2008: Diocletian. In: Barrett A. A. (ed.). *Lives of Caesars*. Blackwell Publishing, 228–254.
- FHG 1885: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Parisiis: editore Ambrosio Firmin Didot, Instituti Francio Typographo.
- Kienast, D. 2004: Römische Kaisertabelle. *Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Krist, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov ot Avgusta do Konstantina [History of Roman Emperors from Augustus to Constantine the Great]*. Rostov-na-Donu: «Feniks». Крист К. 1997: *История времен римских императоров от Августа до Константина*. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс».
- Laktanz 2003: *De mortibus persecutorum. Die Todesarten der Vervolger / übersetzt und eingeleitet von Alfons Städele*. Turnhout: Brepolis publishers.
- Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the will of Diocletian*. London; New York: Routledge. Taylor & Francis Group.
- Lieu, S. 1998: *From History to Legend and legend to history. The medieval and Byzantine transformation of Constantine's Vita*. In: *Constantine. History, Historiography and Legend*. London, New York, 136–176.
- Miroyubov, I. A. 2016: [On the education of the Emperor Constantine the Great]. *Aristeas. Journal of Classical Philology and Ancient History* 13, 90–95.
- Миролюбов И. А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории* 13, 90–95.
- Mommsen, T. 2002: *History of Roman Emperors*. St. Petersburg: «Yuventa». Моммзен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб: «Ювента».
- Nikol'skiy, I. M. 2011: *Obraz pravatelya v sochineniyakh rannekhrisian-skikh avtorov (na primere «O smertyakh goniteley» Laktantsiya [The character of ruler in Early Christian historians' works (by the example of Laktanzius' De mortibus persecutorum)]*. PhD Dissertation's in history abstract. Moscow.
- Никольский, И. М. 2011: *Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция): автореферат дисс. ... канд. ист. наук*. Москва.
- Van Dam, R. 2008: *The Roman Revolution of Constantine*. New York: Cambridge University Press.
- Williams, C. 2014: *Diocletian, the Roman Empire's Restorer*. St. Petersburg: «Eurasia»; Moscow: «Clio».

Уильямс, С. 2014: Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.: Евразия; М.: Клио.

Winkelman, F. 2003: *Historiography in the Age of Constantine*. In: Marasco G. (ed.). *Greek and Roman Historiography*. Leiden; London: Brill, 3–41

I. A. Mirolyubov. Constantine the Great in a cage with a wild beast

The present article is devoted to the episode from Constantine's the Great (306–337) youth. From 293 he lived at the eastern court. Being educated here, he started his military service first under emperor Diocletian (284–305) and then under his successor, Emperor Galerius (293–311). Feeling envy to young Constantine, Galerius put his subordinate to different ordeals. According to the narrative tradition, once at Galerius forced young Constantine to fight with the wild beast (or lion) in the locked cage or on the arena. Retold by two mutually independent authors (the Latin speaker and Christian Lactantius and the Greek-speaker and pagan Praxagoras), this story in some measure seems to be a literary exaggeration. But the independence of the sources from each other, antipathy between Galerius and Constantine, firmly testified in narrative tradition afford an opportunity to suppose real background. However, given anecdote can hardly be regarded only as an illustration of Emperor Galerius' enmity to young Constantine. Fight with angry beast evokes associations with epic plots. Consequently, this episode from his youth could be used by Constantine in his propaganda on the way to the sole power. So, in addition to the problem of the real background of this anecdote, author of the article focuses his attention on the hidden allusions to mythological, epic, historical and religious subjects.

Keywords: Constantine the Great, Galerius, Lactantius, Praxagoras, narrative tradition.

Социологический институт ФНИСЦ РАН

**ВИЗАНТИЯ, ЕВРОПА, РОССИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
И ВЗАИМОСВЯЗЬ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Выпуск 3

Санкт-Петербург
Издательство РХГА
2023

УДК 1:2
ББК 86:87
В42

*Утверждено к печати Учёным советом
Социологического института ФНИСЦ РАН*

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф., Е. А. Маковецкий (СПбГУ)
канд. социол. наук Р. Г. Браславский (СИ ФНИСЦ РАН)

Редакционная коллегия:

О. Н. Ноговицин (отв. ред.), А. А. Иваненко, А. Д. Пантелеев,
А. В. Малинов, А. А. Сеницын, А. О. Старикова

В42 **Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Выпуск 3:** сборник статей / Отв. ред. О. Н. Ноговицин; СИ ФНИСЦ РАН. — СПб.: Издательство РХГА, 2023. — 528 с.
ISBN 978-5-907613-89-8
DOI 10.31119/berst.2023.3
EDN BUIOBX

В издании представлены статьи, посвященные интеллектуальной истории трех основных комплексов практик цивилизационного развития в европейском, средиземноморском и евро-азиатском регионах в исторических истоках их возникновения и существования — Византийской, Западноевропейской и Русской цивилизаций, а также цивилизаций, входящих в ареалы их влияния и взаимодействия.

Статьи адресованы специалистам по философии, социологии, теологии, истории, филологии, политическим наукам, искусствоведению.

УДК 1:2
ББК 86:87

ISBN 978-5-907613-89-8

© Авторы, текст, 2023
© СИ ФНИСЦ РАН, 2023
© АНО ВО «РХГА», 2023

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО В IV–V ВВ.

МИРОЛЮБОВ
Иван Андреевич

Кандидат исторических наук, доцент.
Российский государственный аграрный университет —
МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

E-mail: peter-herzog@yandex.ru

Ключевые слова:

Константин Великий, Лактанций, Евсевий Кесарийский, Юлиан, Аврелий Виктор, Евтропий, Зосим, античная историография.

Константин Великий (правил в 306–337 гг.), будучи первым христианским императором древнего Рима и основателем второго, прочно вошел в число объектов подражания среди византийских, европейских и российских монархов. Обстоятельства его биографии хорошо известны, так как сам император позаботился о формировании своего образа в историографии. Укрепившись в правление сыновей императора, его культ был развенчан племянником, Юлианом. Разнообразие оценок Константина было обусловлено существованием разных мировоззренческих и языковых направлений в историографии. Таким образом, в IV–V вв. был сформирован многогранный образ Константина, и каждая его грань сохраняет свою актуальность для тех, кто обращается к политическому и мировоззренческому опыту этого императора.

Константин Великий носил императорский титул тридцать один год (306–337 гг.), что было рекордом со времен Августа, первого римского императора. В письме к поэту Оптатиану Порфирию Константин подобрал для своего правления выразительное определение — *saeculum meum*, т.е. «мой век» (Mueller 1877, 4). Вполне вероятно, что император осознавал масштаб и историческое значение таких своих свершений, как направленная на поддержку христианства религиозная политика и основание Константинополя. Однако долгое правление Константина было богато событиями, и первые его восемнадцать лет пребывания в императорском достоинстве прошли в борьбе с многочисленными соперниками. Лишь к 324 г. Константин смог — впервые за долгое время — объединить Римское государство под единоличной властью¹. Свою императорскую карьеру он начал как популярный

1 Во время кризиса III в. в империи зачастую одновременно действовали несколько императоров — соправителей или противников. При

лидер. Историк Евтропий, говоря о его провозглашении, называет его *exoptatissimus moderator*, т.е. «в высшей степени желанным правителем» (Eutrop. *Brev.* X.2; Santini 1992, 65–66). Постепенно расширяя свой контроль на все большее число регионов империи, Константин должен был завоевывать и симпатии среди населения. Потому в числе важнейших задач, стоявших перед императором, было создание своего узнаваемого (на фоне многочисленных конкурентов) позитивного образа. В перспективе созданный имидж мог стать основой для освящения правления Константина в римской историографии. Этот момент был особенно важен в свете римской традиции делить императоров на «хороших» и «плохих»².

Буквально первые же шаги Константина в статусе императора позволяют говорить о его самом пристальном внимании к своему публичному образу. Лактанций, современник событий, сообщает, что своим первым решением он официально остановил практику гонений на христиан (Lact. *De mort. pers.* 24.9; Städele 2003, 158), зарекомендовав себя сторонником религиозного — и в перспективе общественного, — консенсуса. Далее, намереваясь известить о своем провозглашении императора Галерия, возглавившего в то время центральное правительство, Константин отправляет ему гонца с письмом и своим портретом (Lact. *De mort. pers.* 25.1; Städele 2003, 158). Наиболее ранние доступные нам изображения Константина — портреты на монетах, которые в это же время начинают чеканить подконтрольные императору монетные дворы. Монеты изображают его чисто выбритым, что сразу выделяло его среди всей массы императоров, предпочитавших короткие бороды или густую щетину — на солдатский манер (Wright 1987, 493). Знакомство населения Римской империи с деталями биографии и духовно-нравственным портретом императора было поручено панегиристам. Традиции придворного красноречия имели в Римской империи богатую историю; обращение Константина к такому литературному жанру, как панегирик вполне объяснимо, так как после провозглашения императором под его контролем оказалась Галлия, где с I в. н.э. существовала мощная риторическая школа (Nixon, Rodgers 1994, 3–8). Панегирики

императоре Диоклетиане (правил в 284–305 гг.) у власти была утверждена коллегия из четырех соправителей; одним из членов коллегии был Констанций, отец Константина Великого. После отречения Диоклетиана в 305 г. число императоров стало расти за счет узурпаций. Общий обзор этого периода римской истории: Potter 2004.

- 2 Опыт Константина позволяет говорить, как мы увидим далее, что императоры позднейших эпох, осознавая возможность критики со стороны будущих поколений, не оставляли попыток влияния на историческую традицию и даже преуслевали.

произносились устно, однако затем они могли быть опубликованы и стать образцами для других риторических школ, что обеспечивало им широкое распространение, во всяком случае, латинские панегирики могли заинтересовать читающую публику западной части империи. От периода 306–313 гг. до нас дошло четыре латинских панегирика, произнесенных в честь Константина (*Pan. Lat.* 6–9; Baehrens 1874). Авторы сосредотачивают внимание на фигурах его отца и «предка» Клавдия Готского³, подчеркивая императорское происхождение своего героя, перечисляют его добродетели и отмечают свершения — как на поле боя, так и в сфере управления подконтрольными территориями. Все это нацелено на создание образа эффективного лидера. Примечательно и внимание, которое оратор на свадьбе Константина в 307 г. обратил на его молодость (Rodgers 1989, 238). На момент произнесения панегирика Константину было 35 лет. Эпитет «юный» (*adulescens* — *Pan. Lat.* 6.5.3; Baehrens 1874, 152) не был дежурной вежливостью в адрес жениха; он создавал императору выгодный образ правителя, который способен был обновить империю, пребывавшую в состоянии политического кризиса. Особенно выигрышно «молодой» Константин смотрелся на фоне куда более возрастного императора Галерия, который не в силах был удержать империю под своим контролем.

Зимой 314/315 гг. ритор и христианский апологет Лактанций публикует первую политическую биографию Константина в рамках своего сочинения «О смерти гонителей» (Barnes 1973, 32–39). В этом трактате автор критически изображает историю правления императоров рубежа III–IV вв., выводя на первый план их политику по притеснению христиан; этим и объясняется название трактата. Победу Константина и его ситуативного союзника, Лициния, которые установили совместную власть над империей к 313 г., Лактанций рассматривает как воздаяние императорам-гонителям (*Lact. De mort. pers.* 50.8–52; Städele 2003, 222–224). Описывая победы Константина и Лициния, автор сосредотачивает внимание на милосердии первого (*Lact. De mort. pers.* 44.10–11; Städele 2003, 204) и кровавой жестокости второго (*Lact. De mort. pers.* 50.2–7; Städele 2003, 220–222), чем предопределяет судьбу Лициния — тот сам станет противником Константина и в 324 г. будет низвергнут. Лактанций, таким образом, развивает намеченную уже в панегириках концепцию, согласно которой единоличное правление Константина является закономерным выходом из кризисной ситуации

3 В 310 г. император Клавдий Готский был объявлен предком Константина по линии отца. В XIX в. г. Дессау доказывал, что эта родственная связь являлась вымыслом: в современной науке эта точка зрения в основном принимается (Doležal 2022, 407–412).

многовластия, охватившей империю после отречения императора Диоклетиана в 305 г. Четкое оформление концепция получила в греческой «Церковной истории» епископа Кесарии Палестинской Евсевия. Это сочинение имело несколько редакций (Corke-Webster 2019, 57–60); итоговый вариант был опубликован вскоре после 324 г., когда Константин, сокрушив Лициния, распространил свою власть на восточную часть Римской империи, т.е. стал ее единоличным правителем. Евсевий, симпатизировавший Константину из-за его религиозной политики, был замечен императором и приближен им. Взаимодействие императора и епископа объяснялось не только духовными исканиями первого, но также и необходимостью составления его биографии для читающей публики римского Востока. Задача составления этой биографии была поручена Евсевию; жизнеописание в четырех книгах было опубликовано уже после смерти императора, однако большое количество документов, включенных в текст сочинения, а также фиксация беседы императора с автором (Euseb. *Vita Const.* I.28; Heikel 1902, 21) указывают на то, что работа была начата Евсевием еще при жизни героя книги. Впрочем, Константин не мог не осознавать плюрализм религиозной жизни империи, что подтверждается и выходом около 330 г. императорского жизнеописания за авторством Праксагора — афинского антиквара, язычника и, вероятно, представителя аристократического рода (Smith 2007, 356–380). Биография доступна в кратком пересказе Фотия (IX в.), однако и этого достаточно, чтобы увидеть ее панегирический характер (Scardino 2022, 614–615).

Наряду с образом в историографии, Константин формировал яркое представление о себе и у широких слоев населения империи. С самых первых дней своего правления Константин тяготел к публичности. Так, он часто выступал на публике с речами духовно-нравственного содержания (Euseb. *Vita Const.* IV.29; Heikel 1902, 128–129). Выступление Константина перед населением Рима зафиксировано на рельефе с его триумфальной арки (Holloway 2004, 37), а в «Кодексе Феодосия» приведена запись его беседы с ветеранами (СTh. VII.20.2; Mommsen, Meyer, Krueger 1905, 350–351). С учетом интенсивных перемещений императора (Barnes 1982, 68–80) можно предполагать, что население империи хорошо представляло главу государства. Эффект присутствия поддерживался и изображениями. О массовом их изготовлении сообщает Аврелий Виктор (Aur. Vict. *De caes.* 40.28; Pichlmaier 1993, 124), и его слова подтверждаются многочисленными скульптурными портретами, дошедшими до наших дней. Немаловажно, что иконография Константина, вопреки стилистике того времени, подчеркивала индивидуальные моменты его

внешности (Kleiner 1992, 431–441)⁴. Спокойствие на границах, отсутствие узурпаций (кроме локального и быстро подавленного восстания на Кипре в 334 г.), а также политика религиозного консенсуса помогла Константину связать со своей фигурой идею прочности государства. Характерным явлением становится присвоение имени императора городам и крупным объектам. Так, кроме Константинополя, имя императора получают Цирта (Константина), Августодун (Флавия эдубе), Арелат (Константина) и др. Также города переименовывались в честь родственников императора (Lenski 2016, 131–164). «Константиновы счастливые» — такое название носят банные комплексы в Риме (CIL X.1126; Camodeca 2008, 44) и Аквилее (AE 2001, 1008; Rieß 2001, 271–272). В панегириках звучит просьба к императору обеспечить свое бессмертие через приведение к власти сыновей (*Pan. Lat.* 9.26.4–5, Baehrens 1874, 212). Таким образом, на момент смерти в мае 337 г. Константин был на пике популярности и славы — это подтверждает, опираясь на свои юношеские воспоминания, историк Аврелий Виктор (*De caes.* 40.14; 41.17; Pichlmaier 1993, 123–126). Заминка с принятием сыновьями императора звания августов привела к тому, что Константин формально продолжал править и после смерти. Так, 2 августа 337 г. от лица Константина выходит указ о привилегиях художников (*СТh.* XIII.4.2; Mommsen, Meyer, Krueger 1905, 746). Механизм появления таких указов становится понятен из сообщения Евсевия, который описывает, как сановники ежедневно собирались возле тела Константина (Euseb. *Vita Const.* IV.67; Heikel 1902, 145). Это обстоятельство приводит к любопытным последствиям: император присутствует в политической жизни империи и в правление сыновей. Сын Констанций нередко видит отца во снах, где получает от него указания, наставления и предупреждения о грядущих опасностях (Миролюбов 2018а, 152–160). Сочинения о Константине этого времени нам неизвестны, но описания его правления в панегириках, произнесенных в честь сыновей императора их кузеном Юлианом (*Iul. Orat.* 1.7d–8d; Wright 1913, 18–22) и оратором Либанием (*Lib. Orat.* 59.17–22; Foerster 1908, 217–220), достаточно красноречивы. Не повлияли на образ императора ни усобица его сыновей, ни гибель сына Константа от солдатского мятежа. Фигура Константина легитимирует политические

4 Д. Клейнер, впрочем, является сторонницей поздней даты рождения Константина (она датирует его 285 г.), т.е. молодость, подчеркиваемая портретами императора, представляется ей реальной, а не обусловленной политическими задачами. Большинство исследователей придерживаются более ранней датировки рождения Константина, предлагая даты в начале 270-х гг. (Barnes 1982, 39; Kienast 2004, 298; Doležal 2022, 227), хотя эта точка зрения и не является безусловной (Potter 2013, 28).

мероприятия. Так, его дочь Константина в 350 г., ссылаясь на данный ей отцом титул августы, возводит в императорское достоинство полководца Ветраниона (Bleckmann 1994, 42–48).

В 361 г. умирает последний из сыновей императора, Констанций, и императорская власть переходит к его кузену Юлиану, племяннику Константина Великого. И без того сложные отношения между двоюродными братьями были омрачены в последние месяцы жизни Констанция тем, что Юлиан, с подачи вверенных ему воинских частей, сам присвоил себе титул августа. Констанций расценил это как мятеж и был готов выступить против кузена. Готовясь к столкновению, Юлиан решил заручиться общественными симпатиями и разослал в целый ряд городов пространные письма с изъяснением своей неприязни к Констанцию. Историк Аммиан Марцеллин отмечает, что в этих памфлетах Юлиан позволил себе критиковать Константина. Своего дядю Юлиан назвал «новатором и ниспровергателем старинных законов и порядка» (*novator turbatorque priscaurum legum et moris* — *Amm. Marc. Res Gest.* XXI.10.8; Seyfarth, Jacob-Carau, Ulmann 1999, 231). В дошедшем до нас корпусе сочинений Юлиана содержатся упреки Константину в щегольстве, расточительности, тщеславии, жестокости к своим родным (*Iul. Caes.* 318a, 328d–329d, 335b, 336b; Wright 1913, 341–415), а религиозный выбор дяди племянник-язычник объясняет прихотью погрязшего в пороках человека (*Iul. Caes.* 336ab; Wright 1913, 412). Критика в адрес Константина была подхвачена языческими интеллектуалами, симпатизировавшими Юлиану. Однако Юлиан работал в жанре публицистики, что давало ему возможность выдвигать упреки без надлежащего обоснования. В сходной манере работал и оратор Либаний, который, как и Юлиан, в правление Констанция прославлял Константина, а после стал критиковать. Для историков же, принадлежавших к этой традиции, задача усложнялась, так как требовала пересмотра всего нарратива о Константине. Благодаря предусмотрительности императора этим авторам пришлось бы полемизировать не только с симпатизировавшими Константину христианскими авторами, но и с язычником Праксагором. Сочинения представителей этого критического направления известны плохо. К примеру, до нас не дошла «История» Евнапия (то, что в ней содержались негативные отзывы о Константине, сообщает, но без конкретики, читавший ее Фотий). Наиболее полно эта критическая в отношении Константина традиция выражена в дошедшей до нас «Новой истории» Зосима, автора V в. Зосим развернуто повторяет набор упреков из сочинений Юлиана, но местами критика выглядит натянуто. К примеру, Зосим упрекает Константина во властолюбии и вероломстве (*Zos. Hist. Nov.* II.9.1, II.18.1, II.28.2, II.29.1; Paschoud 2000, 79–100),

но при этом не может противопоставить ему ни одной убедительно положительной фигуры из числа его соперников. Вынужденный повествовать о военных кампаниях Константина, Зосим не может не признавать его военного таланта. Тем более неуклюже выглядит попытка автора опорочить Константина, приписав ему мнимое поражение от племени тайфалов (Zos. *Hist. Nov.* II.31.3; Paschoud 2000, 103). Наиболее удачными направлениями для критики Зосим находит личную жизнь императора и его религиозный выбор. Первая тема давала большой простор: в 326 г. по неизвестным причинам были устранены Крисп и Фауста, сын (от первого брака) и супруга императора. Сам Константин никогда не давал каких-либо комментариев на этот счет, а имена убитых пропадают из источников с 326 г. и вплоть до второй половины IV в. Этот момент является ярким свидетельством того, как Константин смог исключить из исторической традиции неприглядный эпизод своей биографии. Не имея достаточно информации, авторы критического направления предлагают достаточно скандальное объяснение: Фауста то ли состояла в любовной связи с пасынком Криспом, то ли обвинила его в притязаниях. Исследователи не один раз скрупулезно рассматривали все имеющиеся у нас сообщения источников по этому вопросу (Pohlsander 1984, 99–102; Woods 1998, 70–72). Нелепость истории о связи (мнимой или реальной) между мачехой и пасынком очевидна в силу явного копирования сюжета о Федре и Ипполите. Впрочем, решение вопроса о причинах гибели Криспа и Фаусты не является предметом нашего внимания. Важен сам факт гибели сына и жены императора и то, какую обработку этот факт получил в работах критически настроенных авторов. Зосим воспроизводит историю в таком варианте: Крисп был убит по подозрению в связи с мачехой, сама Фауста погибла из-за негодования матери императора, Елены (Zos. *Hist. Nov.* II.29.2; Paschoud 2000, 100); кроме того, все сыновья Фаусты приписаны Зосимом некоей наложнице, которую Константин якобы тоже убил (Zos. *Hist. Nov.* II.39.1; Paschoud 2000, 111). Эта мнимая женщина, то ли наложница, то ли еще одна жена Константина становится общим местом в языческой историографии (Миролюбов 2018б, 869–877): Юлиан муссировал тему большого количества женщин у его дяди, а оратор Либаний намекал на симпатию императора к красавице-жене Флавия Оптата, консула 334 г. Появление этого измышления очевидным образом соотносится со стремлением Константина подчеркнуть в числе своих добродетелей воздержанность (Pan. *Lat.* 6.4.1, 9.4.4; Baehrens 1874, 195). Угрызения совести Константина Зосим, как и Юлиан, связывает с религиозным выбором императора: якобы в христианстве он надеялся обрести прощение за свои

прегрешения⁵ (Zos. *Hist. Nov.* II.29.3–4; Paschoud 2000, 100–101). Эту мысль Зосим подкрепляет рассказом о том, как император, отказавшись от поддержки языческих культов, якобы вступил в конфликт с сенатом и населением Рима и вынужден был перенести свою резиденцию в основанный им Константинополь (Zos. *Hist. Nov.* II.29.5–30.1; Paschoud 2000, 100–101).

Почти карикатурный в своей гипертрофированной отрицательности образ Константина не мог удовлетворить авторов, которые, воспользовавшись развенчанием культа императора при Юлиане, попытались осмыслить его фигуру критически. Это направление представлено так называемым Анонимом Валезия, сановником Аврелием Виктором и его анонимным подражателем, автором трактата *Epitome de caesaribus*, а также Евтропием, секретарем императора Валента⁶. Все эти авторы, так называемые «малые латинские историки IV в.» (Bonamente 2003, 85–125), не исповедовали христианство, что дало Б. Блекманну основание записать некоторых из них в число представителей языческой историографии (Bleckmann 2006, 27). Однако такой подход представляется упрощенным. Религиозная политика императора, как и вообще вопросы религиозной жизни современной им эпохи, интересуют их мало. Более того, ни один из них не подчеркивает свою приверженность традиционным культам, тогда как языческие убеждения Праксагора, Юлиана, Либания, Евнапия и Зосима зафиксированы четко; в случае четырех последних авторов — языческие воззрения оказывают влияние и на их оценку Константина. Перечисленных же выше латинских авторов можно объединить в религиозно-индифферентное направление. Выделяя в долгом правлении Константина периоды, авторы — так называемый Аноним Валезия (*Origo Const. imp.* 2–6; Mommsen 1892, 7–11), Аврелий Виктор (*Aur. Vict. De caes.* 40–41; Pichlmayr 1993, 121–126) и его анонимный подражатель (*Epitome de caes.* 40–41; Pichlmayr 1993, 164–167), Евтропий (*Eutrop. Brev.* X.5–8; Santini 1992, 66–67) — попытались определить динамику развития и характера императора, и стилистики его правления (Миролюбов 2021, 123–130; Миролюбов 2023, 53–55). Отмечая его тщеславие, расточительность, а также суровое отношение к членам своей семьи, эти

5 Другой языческий автор, оратор Либаний, связывает два события — казнь членов семьи и религиозный выбор императора — в обратном порядке: по его мнению, события 326 г. стали возданием Константину за использование храмовых богатств (Wiemer 1994, 520–522).

6 Оставляем за скобками вопрос о зависимости этих авторов от гипотетической истории императорского Рима, известной как *Kaisergeschichte*; само существование этого общего для целого ряда авторов IV–V вв. источника предложил в свое время А. Энманн.

писатели все же признали целый ряд его достоинств и достижений. Такой подход позволил создать сбалансированный образ Константина: авторы данного направления воспринимают императора как крупного государственного деятеля, отдельные стороны правления которого заслуживали критики и даже порицания. Показательно освещение сюжета с казнью Криспа и Фаусты. Аноним Вalezия и Аврелий Виктор исключают этот эпизод из нарратива о Константине; Евтропий использует сюжет как иллюстрацию жестокости, возникшей в императоре после достижения единовластия (Eutrop. *Brev.* X.6; Santini 1992, 66–67), при этом никаких шокирующих подробностей этот автор не предлагает. Лишь Псевдо-Аврелий Виктор воспроизводит нарратив о связи между гибелью Криспа и Фауста, однако исключает любовный мотив (Фауста настаивает на казни Криспа — без объяснения причин). Автор считает нужным подчеркнуть недостоверность этого сообщения — он вводит его выражением *ut putant*, «как полагают», т.е. указывает на слухи (*Epitome de caes.* 41.11; Pichlmayr 1993, 167). Религиозно-индифферентное направление (или «малые латинские историки IV в.»), в силу языковых причин, стало источниковой базой для латинских христианских историков — Иеронима и Орозия (Zecchini 2003, 317–329).

Свой образ Константина складывался и в исторической памяти римского общества. Из-за скудости наших источников крайне сложно изучать настроения населения Римской империи. В нашем распоряжении есть огромный массив эпиграфических данных, однако надписи государственных служащих в честь императора могут не отражать их подлинного отношения к нему, да и не являются достаточным основанием для фиксации симпатий всего общества в целом. Обратимся, однако, к тому, что мы можем найти в сообщениях авторов. Византийский историк Иоанн Малала сообщает о том, что Константин установил в Константинополе обычай в день города проводить состязания на ипподроме; перед началом зрелищ на арену выносили его скульптурное изображение с персонификацией города в руке. При виде этого изваяния вся публика, включая правящего императора, должна была пасть ниц (Malal. *Chron.* XIII.8; Dindorf 1831, 321). Реакцию публики может проиллюстрировать сообщения язычника Евнапия, который с неодобрением, но все же отмечает, что публика Константинополя во время зрелищ часто к удовольствию императора скандировала его имя (Eunap. *Vita soph.*; Boissonade 1878, 462). Это отношение населения Константинополя к Константину хорошо соотносится со словами ветеранов, дошедших в составе «Кодекса Феодосия»: «Август Константин, пусть боги хранят тебя для нас! Твое благоденствие — это наше благоденствие» (*CTh.* VII.20.2; Mommsen, Meyer, Krueger 1905, 350–351).

Отношения с другой — старой — столицей, с Римом, уяснить сложнее. Анонимный панегирист (*Pan. Lat.* 9.19; Baehrens 1874, 207–208) и Лактанций (*Lact. De mort. pers.* 44.10) фиксируют, что, взяв под свой контроль Рим, Константин был очень тепло встречен его населением. Зосим (*Zos. Hist. Nov.* II.29.5; Paschoud 2000, 101) отмечает напряженность, которая возникла в 326 г.⁷; примечательно, что после этой даты Константин более ни разу в Рим не приедет. Однако Евсевий указывает, что перед смертью Константин повелел раздать подарки населению Рима, а делегация от города настаивала на его погребении в Риме (*Euseb. Vita Const.* IV.63, 69; Heikel 1902, 143–146). То, что Рим очень тяжело воспринял известие о смерти Константина, фиксирует и Аврелий Виктор (*Aur. Vict. De caes.* 41.17; Puchmayr 1992, 126). Отношение к Константину в масштабах империи, являющееся темой для отдельной, большой работы, можно проиллюстрировать самим фактом его единоличной власти: в период 324–337 гг. мы не видим узурпаций (кроме, как уже было отмечено выше, локального и быстро подавленного восстания на Кипре). После смерти императора власть сохранилась в руках членов его семьи — первая узурпация произойдет лишь в 350 г.

Обратим внимание и на то, что к фигуре Константина, в поисках общественных симпатий, прибежали императоры и узурпаторы позднейших эпох — как до развенчания культа при Юлиане, так и после. Сын сестры императора, Непоциан, присвоивший себе титул императора в 350 г., принимает имя дяди (Ehling 2001, 148–151). Другой узурпатор, Магненций, искал руки дочери Константина (Vanderspoel 2020, 49). Рекомендацией узурпатору Сильвану послужила военная служба его отца, франка Бонита, под началом Константина (*Amm. Marc. Res Gest.* XV.5.33; Seyfarth, Jacob-Carau, Ulmann 1999, 53). Центральное правительство направило против него полководца Урзицина, рекомендацией которому стал опять же факт службы под началом великого Константина (*Amm. Marc. Res Gest.* XV.5.19; Seyfarth, Jacob-Carau, Ulmann 1999, 51). Император Грациан, сын императора Валентиниана, для укрепления собственного статуса женился на внучке Константина, Констанции (Kienast 2004, 334). Даже после того, как дом Константина иссяк, у правителей не исчезло желание обозначать с ним связь, пусть

7 Константин прибыл в Рим летом на празднование двадцатилетия своего правления. Известно, что на этот же год пришлось падение и казнь его сына Криспа. Исследователи полагают, что она состоялась до прибытия в Рим, весной 326 г. (Barnes 1982, 84; Kienast 2004, 306). Возможно, возмущение жителей Рима было связано с событиями внутри семьи императора. Зосиму представляется удобным объяснить возмущение римлян религиозным выбором Константина.

даже весьма условную. Так, в начале 407 г. в Британии солдаты провозглашают императором некоего простого воина по имени Константин — причем современник, Орозий, специально указывает, что в его имени они увидели благой знак (*Oros. Hist.* VII.40.4; Zangemeister 1889, 320). Этот недолговечный узурпатор имел двух сыновей, носивших имена, характерные для представителей династии Константина, — Констант и Юлиан (Martindale 1980, 316–317⁸). Император Гонорий, пытавшийся контролировать западную часть империи в 395–423 гг., направил против них полководца Констанция. Этот военачальник был родом из Наисса, родного города Константина Великого (Martindale 1980, 321–325). Само это обстоятельство любопытным образом связывается с его именем, которое в семье Константина было династическим (его носили отец, брат и сын императора). С верой в благое значение имени соотносится и сообщение евномианского автора Филосторгия о том, что в Константинополе перед колоссальной статуей императора в его время, т.е. в V в., проводили какие-то обряды с целью отращения бедствий (*Philostorg. Hist. Eccl.* II.17; Bidez 1913, 28). Сам автор приписывает эти церемонии своим оппонентам, ортодоксальным христианам, однако описываемые обряды больше похоже на отправление императорского культа в его языческом формате. Важен, впрочем, сам факт подобных мероприятий, так как они фиксируют преклонение перед фигурой Константина. Оно, в свою очередь, имело смысл, так как с его смертью единство империи было утрачено вначале в усобицах его сыновей, а потом и в связи с появлением региональных узурпаторов. Соответственно, претендующий на власть (а значит, в перспективе и на объединение империи под своей властью) император/узурпатор должен был повторить то, что удалось Константину. Константин, таким образом, становился важнейшей фигурой в недавней римской истории и, по сути, новым основателем Римского государства (новой эпохи его существования). Ярким свидетельством подобного восприятия является то, что император Феодосий-мл. выбирает его правление за точку отсчета при составлении своего кодекса: в него попадают только те императорские конституции, которые были изданы при Константине и после него. При этом в законодательстве Константина растворяются и предписания его современников/соперников (Corcoran 1993, 97–119). В историографии времен Феодосия-мл., представленной церковными историками Сократом Схоластиком, Эрмием Созоменом

8 Стоит отметить, что полное имя узурпатора — Флавий Клавдий Константин — копирует имя второго сына Константина Великого. Фамилия «Клавдий» в императорской династии использовалась как отсылка к фигуре Клавдия Готского, названного Константином Великим своим предком.

и Феодоритом Киррским, мы видим, что повествование начинается со времени Константина.

Подведем итоги. Император Константин Великий заложил основу для формирования своего положительного образа в римской историографии. Для этого были привлечены авторы, работавшие в разных жанрах, писавшие на латинском и греческом, ориентировавшиеся на христианскую и на языческую аудиторию. Публичной активностью император создал себе образ популярного лидера и добился того, что сама идея благосостояния государства стала ассоциироваться с его фигурой. Культ императора укрепился в правление его сыновей и сохранялся в последующие времена, хотя во время Юлиана и произошло его развенчание, итогом чего стало появление критического направления, известного в двух традициях — языческой и религиозно-индифферентной. Если первая традиция изображает Константина пристрастно и, как результат, карикатурно, то вторая дает сбалансированный портрет в целом положительного правителя, чье правление, однако, включало целый ряд отрицательных моментов. Панегирический образ Константина дал начало представлению о нем как об идеальном правителе, ставшем образцом для многих монархов европейского Средневековья и Нового времени. Критическое же направление, тяготевшее к созданию сбалансированного образа императора, предвосхитило научное изучение эпохи и личности Константина в новой и новейшей историографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Миролюбов, И.А. (2018а), “Сын божественного Константина: об особенностях культа Константина Великого в правление императора”, *Проблемы истории, филологии, культуры* 1: 152–160.
- Миролюбов, И.А. (2018б), “Либаний о личной жизни Константина Великого”, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22: 869–877.
- Миролюбов, И.А. (2021), “Breviarium Евтропия — учебник истории для римского императора”, in *Учебник как модель мира и общества*, 123–130. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Политехника Сервис.
- Миролюбов, И.А. (2023), “О внутренней хронологии эпохи Константина Великого у древних авторов”, in *Память и идентичность — IV Разделенное время: проблема периодизации истории*, 53–55. М.: РГГУ.
- Baehrens, A., ed. (1874), *XII panegyrici latini*. Leipzig: In aedibus B.G. Teubneri.
- Barnes T.D. (1982), *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge; London: Harvard University Press.
- Barnes, T.D. (1973), “Lactantius and Constantine”, *Journal of Roman Studies* 63: 29–46.
- Bidez, J., hg. (1913), *Philostorgius Kirchengeschichte*. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung.

- Bleckmann, B. (1994), “Constantina, Vetrano und Gallus Caesar”, *Chiron* 24: 29–68.
- Bleckmann, B. (2006), Sources for the History of Constantine, in *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*, 14–31. New York: Cambridge University Press.
- Boissonade, J.F., ed. (1878), “Eunapii Vita sophistarum”, in *Philostratorum, Eunapii, Hermerii Opera*, 449–505. Paris: Editore Ambrosio Firmin-Didot.
- Bonamente, G. (2003), “Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D.”, in *Greek and Roman historiography in Late Antiquity*, 85–125. Leiden; Boston: Brill.
- Camodeca, G. (2008), *I ceti dirigenti di rango senatorio equestre e decurionale della Campania romana*. Vol. I. Napoli: Satira.
- Corcoran, S. (1993), “Hidden from History: the legislation of Licinius”, in *The Theodosian Code: Studies in the Late Imperial Law of Late Antiquity*, 97–119. London: Duckworth.
- Corke-Webster, J. (2019), *Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in Historia Ecclesiastica*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Dindorf, L., ed. (1831), *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonnae: Impensae Ed. Weberi.
- Doležal, S. (2022), *The Reign of Constantine, 306–337*. Cham: Springer.
- Ehling, K. (2001), “Die Erhebung des Nepotianus in Rom im Juni 350 n. Chr. und sein Programm der urbs Roma Christiana”, *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft* 4: 141–158.
- Foerster, R., ed. (1908), *Libanii Opera*, Vol. IV. Leipzig: In aedibus B.G. Teubneri.
- Heikel, I.A., hg. (1902), *Eusebius Werke*, Bd. I. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung.
- Holloway, R.R. (2004), *Constantine and Rome*. New Haven; London: Yale University Press.
- Kienast, D. (2004), *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Kleiner, D.E.E. (1992), *Roman Sculpture*. New Haven; London: Yale University Press.
- Lenski, N. (2016), *Constantine and the Cities*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Martindale, J.R. (1980), *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mirolyubov, I.A. (2018a), “Son of Divine Constantine: the Constantine's the Great Cult in the Reign of Emperor Constantius II”, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies* 1: 152–160. (in Russian.)
- Mirolyubov, I.A. (2018b), “Libanius on the private life of Constantine the Great”, *Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook* 22: 869–877. (in Russian.)
- Mirolyubov, I.A. (2021), “Eutopius' Breviarium — a History Textbook for Roman Emperor”, in *Textbook as a Model of the World and Society*, 123–130. St. Petersburg: St. Petersburg Center for the History of Ideas, Polytechnika Service. (in Russian.)
- Mirolyubov, I.A. (2023), “On the Chronology of Constantine's the Great Epoch in Works of Ancient Authors”, in *Memory and Identity — IV. Divided Time: The Problem of Periodization in History*, 53–55. Moscow: RSUH. (in Russian.)

- Mommsen, T., ed. (1892), "Origo Constantini imperatoris sive Anonymi Valesiani pars prior", in *Chronica Minora. Saec. IV. V. VI. VII*, Vol. I, 7–11. Berolini: Apud Weidmannos.
- Mommsen, T., Meyer, P.M., Krueger, P., ed. (1905), *Theodosiani libri XVI*, Vol. II. Berolini: Apud Weidmannos.
- Mueller, L., ed. (1877), *Publilius Optatianus Porphyrius Carmina*. Leipzig: In aedibus B.G. Teubneri.
- Nixon, C.E.V., Rodgers, B. (1994), *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.
- Paschoud, F., ed. (2000), *Zosime, Histoire Nouvelle*, T. I. Paris: Les Belles Lettres.
- Pichlmayr, F., ed. (1993), *Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origine gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae; subsequitur Epitome de Caesaribus*. Leipzig: In aedibus B.G. Teubneri.
- Pohlsander, H. (1984), "Crispus: Brilliant Career and Tragic End", *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 33.1: 79–106.
- Potter, D.S. (2004), *The Roman Empire at Bay*. London: Routledge.
- Potter, D.S. (2013), *Constantine the Emperor*. New York: Oxford University Press.
- Rieß, W. (2001), "Konstantin und seine Söhne in Aquileia", *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 135: 267–283.
- Rodgers B.S. (1989), "The Metamorphosis of Constantine", *Classical Quarterly* 39.1: 233–246.
- Santini, C., ed. (1992), *Eutropii Breviarium ab Urbe condita*. Stuttgart; Leipzig: In aedibus B.G. Teubneri.
- Scardino, S. (2022), "Praxagoras von Athen", in *Handbuch der griechischen Literatur der Antike*, Bd. 3.1, 614–615. München: C.H. Beck.
- Seyfarth, W., Jacob-Carau, L., Ulmann, I., ed. (1999), *Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt*, Vol. I. Leipzig: In aedibus B.G. Teubneri.
- Städele, A., hg. (2003), *Laktanz, De mortibus persecutorum — Die Todesarten der Verfolger* [lateinisch — deutsch]. Turnhout: Brepols.
- Vanderspoel, J. (2020), "From the Tetrarchy to the Constantinian Dynasty: A Narrative Introduction", in *The Sons of Constantine*, 23–55. Cham: Springer International Publishing.
- Wiemer, H.U. (1994), "Libanius on Constantine", *Classical Quarterly* 44.2: 520–522.
- Woods, D. (1998), "On the Death of the Empress Fausta", *Greece & Rome* 45.1: 70–86.
- Wright, D.H. (1987), "The True Face of Constantine the Great", *Dumbarton Oaks Papers* 41: 493–507.
- Wright, W.C., ed. (1913), *The Works of the Emperor Julian*, Vol. I–II. London; New York: William Heinemann; The Macmillan Co.
- Zangemeister, C., ed. (1889), *Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII*. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri.
- Zecchini, G. (2003), "Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles", in *Greek and Roman historiography in Late Antiquity*. Leiden; Boston: Brill.

FORMATION OF THE IMAGE OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT IN IV–V CENTURIES AD

MIROLYUBOV, Ivan A.

CSc in History, Associate Professor.

Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, Russia.

E-mail: peter-herzog@yandex.ru

Keywords: Constantine the Great, Lactantius, Eusebius of Caesarea, Julian, Aurelius Victor, Eutropius, Zosimus, Ancient Historiography.

Constantine the Great (reigned 306–337 AD), being the first Christian emperor of ancient Rome and the founder of the second, was firmly among the objects of imitation among Byzantine, European and Russian monarchs. The circumstances of his biography are well known, since the emperor himself took care of shaping his image in historiography. Strengthened during the reign of the emperor's sons, his cult was debunked by his nephew, Julian. The diversity of assessments of Constantine was due to the existence of different ideological and linguistic trends in historiography. Thus, in the IV–V centuries, a multifaceted image of Constantine was formed, and each of its facets remains relevant for those who turn to the political and ideological experience of this emperor.

DOI: 10.31119/berst.2023.3.26

60 ВСТРЕЧА КЛУБА «МВТУ».
«КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ» И КАК ВЕЛИКИЙ
РИМСКИЙ ЦАРЬ СВЯЗАН С МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА
(30.05.2024)

30 мая 2024 года в историко-философском клубе "МВТУ" состоялась 60 встреча, посвященная, первому римскому императору-христианину и основателю Константинополя, Константину Великому, который был одной из наиболее ярких и сложных фигур в римской истории.

Его приходу к единоличной власти в 324 году предшествовала децентрализация Римской империи и активная борьба многочисленных претендентов за императорский титул. Константин прославился как полководец, дипломат, прагматичный политик и жесткий руководитель. Его долгое правление называют "веком Константина Великого", а сам он стал примером для подражания для многих поколений правителей Древности, Средневековья и Нового времени.

Для всех христиан Константин Великий стал святым равноапостольным царем, разрешившим свободное исповедование христианства в Римской империи, что стало могучим толчком к его распространению в мире.

Личность Константина Великого важна для современного МГТУ им. Н.Э. Баумана в связи с возрождением православного Храма святых равноапостольных царей Константина и Елены на его историческом месте в здании Фанагорийских казарм.

Об этой огромной исторической личности рассказал кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГАУ-МСХА Иван Андреевич Миролубов, за что ему сердечная благодарность!

#возможности@bmstu1830

[#МВТУ](#)

**ССЫЛКИ НА МАТЕРИАЛЫ
ПО 60 ВСТРЕЧЕ КЛУБА «МВТУ».
«КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ» И КАК ВЕЛИКИЙ
РИМСКИЙ ЦАРЬ СВЯЗАН С МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА
(30.05.2024)**

- Из того, что написано о Константине Великом по-русски, самое лучшее – это статья в "Православной энциклопедии" (приведена в полном объеме выше в отчете о встрече), которая так же включена в краткий список литературы ниже, она доступна и онлайн: <https://www.pravenc.ru/text/1841980.html?ysclid=lx5w6hjrgl578225913>
- Краткий список литературы по теме выступления от лектора, Ивана Андреевича Миролюбова. В списке представлена небольшая подборка русских и английских работ:
 - Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004.
 - Буркхард Я. Век Константина Великого. М., 2003.
 - Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 2006.
 - Миролюбов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб., 2021.
 - Попов И.Н., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Квливидзе Н.В., Гульянова Н.А. Константин // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. XXXVI. С. 671–729.
 - Рудоквас А.Д. Религиозная политика императора Константина Великого (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). СПб.: СПбГУ, 1996.
 - Barnes T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (MA)–London, 1982.
 - Lenski N. (ed.). The Cambridge companion to the Age of Constantine. Revised Edition. New York, 2012.
 - Odahl Ch.M. Constantine and the Christian Empire. New York, 2004.
 - Potter D.S. Constantine the Emperor. New York, 2013.
- Официальная страница докладчика, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева Ивана Андреевича Миролюбова на сайте РГАУ-МСХА: <https://www.timacad.ru/phone/contact/2232>
- Выше, после статьи из Православной энциклопедии прикреплены 4 статьи Ивана Андреевича Миролюбова, которые раскрывают отдельные моменты прошедшего выступления. Ниже приведем имеющиеся ссылки на 3 из них:
 - Миролюбов И. А. Диоклетиан и Константин Великий: диалог императоров на фоне кризиса //Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – №. 3 (65). – С. 106-115. <https://cyberleninka.ru/article/n/diokletian-i-konstantin-velikiy-dialog-imperatorov-na-fone-krizisa>
 - Миролюбов И. А. Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия //Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – №. 4 (54). – С. 62-70. <https://cyberleninka.ru/article/n/konstantin-velikiy-v-istorii-protiv-yazychnikov-pavla-oroziya>
 - Миролюбов И. А. Константин Великий в клетке со зверем //Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2017. – Т. 21. – С. 571-579. <https://cyberleninka.ru/article/n/konstantin-velikiy-v-kletke-so-zverem>